

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

І Ю Л Ъ.

1876.

ПЯТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СLXXXVI

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, (Большія Садовыя, д. № 49—2).

1876.

186
1876

СОДЕРЖАНІЕ.

Извлеченіе изъ всеподданнѣйшаго отчета г. министра народнаго просвѣщенія за 1874 годъ.

Правительственныя распоряженія.

Иванъ Мосошковъ. (Продолженіе). А. Г. Брикнера.

Матеріалы для исторіи стоглаваго собора. И. Жданова.

Причины и характеръ Чешскаго религіознаго движенія Ш. Васильева.

Критическія и библиографическія замѣтки:

Историческое розысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 гг., библиографически и въ хронологическомъ порядкѣ описанныхъ А. И. Пестровымъ. С.-Петербургъ. 1875. Л. Н. Майкова.

О предполагаемомъ изданіи арабскаго историка Табари Барона В. Розена.

Объ учебныхъ пособіяхъ при изученіи исторіи Россіи А. Г. Брикнера.

Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній: а) университетовъ, б) высшихъ училищъ.

Отдѣлъ классической филологіи.

(См. на 3-й стр. обѣртки.)

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ СТОГЛАВАГО СОБОРА.

I.

Законодательная дѣятельность собора 1551 года извѣстна намъ изъ нѣсколькихъ памятниковъ. Самымъ полнымъ и самымъ важнымъ изъ нихъ пужно, конечно, назвать знаменитый Стоглавъ, давшій свое имя и самому собору. По постановленіи Стоглава повторяются и частію дополняются въ цѣломъ рядъ грамотъ и наказовъ, изданныхъ послѣ 1551 года отъ имени царя и митрополита ¹⁾. Достаточно самого бѣглаго знакомства со всѣми этими памятниками, чтобы увидѣть, какое множество вопросовъ, если не рѣшено, то по крайней мѣрѣ возбуждено было на Стоглавомъ соборѣ. Вопросы эти касались не только чисто церковныхъ, но и государственныхъ отношеній. Рядомъ съ вопросами о поведеніи духовныхъ и монаховъ, о церковныхъ обрядахъ, о нехристіанскихъ и нечестивыхъ явленіяхъ въ быту народномъ предлагались собору вопросы, касавшіеся церковно-государственныхъ отношеній: о монастырскихъ вотчинахъ (гл. V, вопр. 15), о церковныхъ и монастырскихъ деньгахъ (вопр. 16), о ругѣ, отпущавшейся изъ царской казны (вопр. 31), о выкупѣ плѣнныхъ (вопр. 10).

¹⁾ Насчитываютъ болѣе 20 грамотъ и наказовъ, въ которыхъ упоминается «соборное уложеніе» 1551 года, и въ которыхъ въ большей или меньшей степени замѣтно вліяніе Стоглава (*Праг. Собес.* 1862 г., т. III, стр. 297—339). Изъ числа этихъ памятниковъ въ ближайшей связи съ Стоглавымъ соборомъ стоятъ: а) грамота митрополита Макарія къ духовенству г. Владимира 1551 г.; б) совершенно подобная же грамота, отправленная Макаріемъ въ 1558 г. въ Каргополь (изд. въ брошюрѣ *И. В. Биласа* «Наказные списки Стоглаваго собора», также въ *Праг. Собес.* 1863 г., т. I.); в) грамота митрополита въ Симоновъ монастырь 1551 г. (въ *Казанск. изд. Стоглава*, стр. 258—260); д) соборный наказъ объ обязанностяхъ поповскихъ старостъ (*Акты арх. экспед.*, I, № 232); е) царскій наказъ о поповскихъ и земскихъ старостахъ (*ibid.*, № 231).

Понятно, что такого рода вопросы выводили соборъ 1551 года далеко за предѣлы чисто духовныхъ интересовъ. Этого мало; собору предстояло обсудить много такого, что имѣло уже чисто государственное значеніе. Царь писалъ: „Благословился есмы у васъ судебникъ исправити по старинѣ и утвердити, чтобъ судъ былъ праведенъ и всякими дѣлами непоколебимъ во вѣки; и по вашему благословенію судебникъ исправилъ и великія заповѣди написалъ, чтобы то было прямо и брежно, судъ былъ праведенъ и беспосульно во всякихъ дѣлахъ. Да азъ же устроилъ по всѣмъ землямъ моего государства старосты, и цѣловальники, и соцкіе, и пятидесяцкіе по всѣмъ градамъ и пригородамъ и по волостемъ и по погостомъ.... се судебникъ предъ вами и уставныя грамоты: *прочтите и разсудите*, чтобы было дѣло наше по Божѣ въ родъ и родъ недвижимо, по вашему благословенію. Аще достойно сіе дѣло, на святѣмъ соборѣ утвердивъ и вѣчное благословеніе получивъ и подписати на судебникѣ и на уставной грамотѣ, которой въ казніи быти“. Но царь не ограничился и тѣмъ, что отдалъ на разсмотрѣніе и утвержденіе собора такія дѣла важныя законодательныя работы, какъ судебникъ и уставная грамота объ учрежденіи цѣловальниковъ. Открывая соборъ, онъ имѣлъ въ виду цѣлый рядъ новыхъ мѣръ для государственнаго устройства, новыхъ законодательныхъ преобразованій. Въ формѣ проэктвъ и вопросовъ эти новыя мѣры также отданы были на разсмотрѣніе собора. Въ Стоглавѣ, составитель котораго имѣлъ, какъ видно, въ виду собрать только церковныя постановленія, эти проэктъ и постановленія не вошли ¹⁾. Но они сохранились, къ счастью, въ одномъ спискѣ царскихъ вопросовъ, принадлежавшемъ, какъ увидимъ ниже, человѣку, стоявшему въ близкихъ отношеніяхъ къ одному изъ членовъ Стоглаваго собора.

Рукопись, въ которой находится занимающій насъ списокъ царскихъ вопросовъ, принадлежитъ теперь Императорской публичной библіотекѣ (Q. XVII. 50), куда она поступила изъ собранія рукописей графа Толстого; въ это же послѣднее собраніе она перешла изъ библіотеки Волоколамскаго монастыря. Въ ученomъ мірѣ Волоколамская рукопись извѣстна давно. Она была знакома еще Карамзину,

¹⁾ Впрочемъ, въ Стоглавѣ есть указаніе на эти предложенія. Въ концѣ той рѣчи царя, изъ которой мы привели отрывокъ, сказано: «а что наши нужды, или *которыя земскіе нестроеніи*, и мы о семъ *возвѣщаемъ*». (Стогл., гл. IV).

которому была доставлена изъ Волоколамской библиотеки ¹⁾). Позже, когда Волоколамская рукопись перешла въ собраніе графа Толстого, она была описана П. М. Строевымъ вмѣстѣ съ другими рукописями упомянутого собирателя ²⁾). По спискамъ Толстовской рукописи археографическая коммиссія въ 1841 и 1846 гг. издала нѣсколько памятниковъ ³⁾). Въ 1868 году напомнилъ объ этой рукописи г. Хрущевъ, который читалъ въ ней посланія Іосифа Волоцкаго, Геннадія Гонзова и др. ⁴⁾.

По составу своему рукопись наша представляетъ сборникъ, наполненный главнымъ образомъ грамотами и посланіями архіепископа Θεодосія, митрополита Іоны, Іосифа Волоцкаго, митрополита Макарія, Нила Сорскаго и др. ⁵⁾). Собирателемъ и частію переписчикомъ сборника былъ игуменъ Волоколамскаго монастыря Евѳимій Турковъ. Евѳимій былъ ученикомъ и самымъ близкимъ человекомъ Новгородскаго архіепископа Θεодосія, который послѣ удаленія изъ Новгорода (въ 1551 году) доживалъ свои дни († 1563) въ монастырѣ Волоколамскомъ, мѣстѣ своего постриженія. Предъ смертію Θεодосій задумалъ написать духовное завѣщаніе. Онъ уже началъ было писать, но силы ему измѣнились. Окончить завѣщаніе онъ поручилъ именно Евѳимію, какъ самому близкому человеку ⁶⁾). Послѣ смерти архіепископа, Евѳимій позаботился сохранить память о его послѣднихъ дняхъ въ особомъ

¹⁾ Карамзинъ называетъ ее книгой Волоколамскаго монастыря № 666 (т. VIII, примѣч. 186).

²⁾ Описание рукоп. гр. Толстого, отд. II, № 341.

³⁾ Акты историч., I, №№ 294, 298, а также №№ 292, 293, 296 и 297; Дополн. въ А. И., I, №№ 30, 32, 34, 37, 38, 41 и 42. См. примѣч. въ концѣ каждого акта.

⁴⁾ Исследование о соч. Іосифа Санини. стр. XX — XXIII. О той же рукописи упоминается, кромѣ того, въ Обзорѣ русской дух. литерат. преосв. Филарета (стр. 137) и въ Описаніи рукописей Румянц. музея (№ XXXIV, стр. 38).

⁵⁾ Сборникъ Евѳимія писанъ скорописью на 377 листахъ. Строевъ насчитываетъ въ немъ (считая предисловіе и оглавленіе) 109 отдѣльныхъ статей. Всего болѣе помѣщено, какъ уже замѣчено, грамотъ и посланій архіепископа Θεодосія (л. л. 8, 15, 91, 113, 121, 122, 125, 129, 132, 133, 134, 164, 166, 172, 230, 235, 241, 245, 255, 267, 291, 306, 340, 358); далѣе слѣдуютъ посланія Іосифа Волоцкаго (л. л. 16, 36, 39, 45, 57, 61, 77), митроп. Іоны (л. л. 187, 193, 197, 198, 200, 206), митроп. Макарія (л. л. 13, 116, 140, 299, 349), Нила Сорскаго (л. л. 58, 63, 68, 73) и др.

⁶⁾ Завѣщаніе Θεодосія помѣщено все въ томъ же сборникѣ Евѳимія (л. 340 и слѣд.).

сказаніи ¹⁾). Та же, конечно, любовь къ памяти покойнаго друга заставила Евѣмніа собрать его бумаги и изъ списковъ ихъ составить особый сборникъ. Въ самомъ дѣлѣ, зная близость Евѣмніа къ Θεодосію, едва-ли можно сомнѣваться, что многочисленныя грамоты и посланія послѣдняго списаны Евѣмніемъ съ подлинниковъ, полученныхъ отъ самого архіепископа. То же нужно сказать и о спискѣ царскихъ вопросовъ. Припомнимъ, что Θεодосій присутствовалъ на соборѣ 1551 года; свой списокъ царскихъ посланій и вопросовъ онъ получилъ или сдѣлалъ; безъ сомнѣнія, во время самаго собора, тотчасъ послѣ котораго удалился въ Волоколамскъ. Понятно, что это обстоятельство придастъ особенную цѣну Евѣмніеву списку.

¶ Въ сборникѣ Евѣмніа статья, относящаяся къ Стоглавому собору, занимаетъ 26 листовъ (л. 314—339). Она заключаетъ въ себѣ: 1) рѣчь царя Ивана Васильевича къ отцамъ собора, ту самую рѣчь, которая помѣщена въ IV-й главѣ Стоглава, 2) такъ называемые первые царскіе вопросы, которые въ Стоглавѣ занимаютъ V-ю главу ²⁾, и

¹⁾ Говоря объ этомъ «сказаніи», г. Ключевскій сообщаетъ нѣсколько любопытныхъ свѣдѣній и о самомъ Евѣмніи и объ его сочиненіяхъ. «Рядъ Волоколамскихъ біографовъ XVI вѣка», говоритъ онъ, «завершается Евѣмніемъ Турковымъ, постриженникомъ и игуменомъ Іосіевова монастыря (1574—1587 гг.).... Въ бібліотекѣ Іосіевова монастыря сохранилось нѣсколько книгъ, писанныхъ его рукою, съ автобіографическими замѣтками. Между ними есть каноникъ, содержащій въ себѣ черновой списокъ сочиненій Евѣмніа, молятевъ, предсмертной исповѣди, канона на исходѣ души и канона «за друга умерша», съ поправками автора. Въ довольно обширной исповѣди авторъ изложилъ свои предсмертныя размышленія и нѣсколько чертъ изъ своей жизни. Евѣмніи пишетъ просто, но его изложеніе проникнуто теплымъ чувствомъ и обличаетъ въ авторѣ литературный талантъ. Такимъ же характеромъ отличается раньше составленная имъ записка о Θεодосіѣ, бывшемъ архіепископѣ Новгородскомъ: это исполненный выдушевной скорби разказъ о послѣднихъ дняхъ учителя» (Древне-русскія житія святыхъ, стр. 296—297). Ср. Обзоръ дух. лит., стр. 147.

²⁾ Рѣчь царя начинается словами: «Отецъ мой, Макаріе митрополитъ всея Руси, архіепископы, и епископы, и весь освященный соборъ, въ преидущіе лѣта былъ еси намъ челоу и з боляри своими о всемъ согрѣшеніи». Въ нѣкоторыхъ спискахъ Стоглава эта рѣчь ничѣмъ не отдѣляется отъ втораго посланія («иная писанія») царя къ собору (ср. Стоглавъ, лонд. изд., стр. 16), въ другихъ же спискахъ передъ этою рѣчью стоитъ такое заглавіе: «царь глаголетъ къ собору» (Стогла., изд. Кожанчикова, стр. 38). Вопросы царя до 30-го включительно въ спискѣ Евѣмніа перенумерованы, какъ и въ Стоглавѣ; начиная съ 31-го вопроса нумерація нѣтъ. Въ текстѣ рѣчи и вопросовъ есть неизбѣжные варианты, но существенныхъ отступленій отъ текста, известнаго по Стоглаву, нѣтъ.

3) продолженіе этихъ вопросовъ, не внесенное въ Стоглавъ. Продолженіе это помѣщено въ рукописи Евфимія безъ всякаго особаго заглавія. Непосредственно послѣ вопроса, обозначеннаго въ Стоглавъ какъ 37-й, мы читаемъ слѣдующее:

(л. 332 об.) „Говорити передъ государемъ, и передъ митрополитомъ, и передъ владыки, и передъ всѣми бояры ¹⁾ дьяку, какъ было при (въ рукописи: передъ) великомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ, при дѣдѣ, и при отцѣ моемъ, при великомъ князѣ Васильѣ Ивановичѣ, исліеи законн ²⁾, тако бы и нынѣ устроить по святымъ правиламъ и по праотеческимъ законамъ, и на чемъ святители, и царь и всѣ приговоримъ и уложимъ, кое (л. 333) бы было о Возѣ твердо и неподвижно въ вѣки.

„Отецъ мой, Макарей митрополитъ, и архіепископы, и епископы, и князи, и бояре. Парезался еси къ Казани со всѣмъ христіюбывымъ воинствомъ и положилъ еси совѣтъ своимъ бояры в пречистой и соборной передъ тобою, отцемъ своимъ, о мѣстѣхъ в воеводахъ и въ всякихъ посылаехъ въ всякомъ разрядѣ не мѣстничатися, кого скѣмъ куды ни пошлютъ, чтобы воиньскому дѣлу в томъ порухи не было; и всѣмъ бояромъ тотъ былъ приговоръ любь. И в Володимерѣ передъ митрополитомъ з бояры тотъ же приговоръ былъ и въ Нижнемъ Новѣ-городѣ такожь. И какъ приѣхали къ Казани, и с кѣмъ кого ни пошлютъ на которое дѣло, ино всякой розмѣстничается на всякой посылкѣ и на всякомъ дѣлѣ, и въ томъ у насъ вездѣ бываетъ дѣло не крѣпко; и отседе куды кого с кѣмъ посылаю безъ мѣстъ по тому приговору, никако безъ кручины и безъ вражды промежъ себя некоторое дѣло не минеть, и въ тѣхъ мѣстѣхъ всякому дѣлу помѣшка бываетъ ³⁾.

¹⁾ Присутствіемъ на соборѣ бояръ объясняется форма обращенія, употребленная Иваномъ въ посланіи къ собору: «И вы, господіе, святіи святители преосвященніи, Макаріе митрополитъ всея Русси, и вси архіепископы и епископы..... такожде и братія моя, вси любимыи мои князи, и бояре, и есиими» и т. д. (Стогл., гл. III). Такимъ образомъ соборъ Стоглавы можно назвать столько же церковнымъ, сколько и земскимъ соборомъ.

²⁾ Ср. въ Стоглавѣ главы 46-ю, 48-ю, 80-ю.

³⁾ Походъ на Казань, о которомъ говоритъ царь, совершенъ былъ осенью и зимой 1549—1550 (7058) г. Изъ Москвы царь выѣхалъ 24-го ноября; во Владимірѣ пробылъ отъ 3-го декабря до 7-го января; въ Нижнемъ-Новгородѣ отъ 18-го до 23-го января; осада Казани продолжалась съ 14-го по 25-е февраля; въ Москву царь вернулся 23-го марта (Никон. Лѣт., VII, стр. 67—70). „Приговоръ о мѣстничествѣ

„О семъ посовѣтуйте всѣ вкупѣ и уложите, какъ впередъ тому дѣлу быть безъ вражды и безъ кручины и полюбовно, чтобы воинскомъ дѣлѣ въ томъ некоторые споны не было, а мнѣ бы о томъ кручины не было“.

занесенъ въ лѣтопись, и кромѣ того, сохранился въ видѣ особаго указа (въ числѣ указовъ дополнительныхъ къ судебнику). Было положено: «въ полкахъ быти князатамъ и дѣтемъ боярскимъ съ воеводами безъ мѣсть.... а воеводамъ въ полкахъ быти: большой полкъ, да правая рука, да лѣвая рука—по мѣстомъ; а передовой полкъ да сторожевой полкъ менши одного въ болшомъ полку болшого воеводи; а до правой руки и до лѣвой руки и въ болшомъ полку до другаго воеводи дѣла вѣтъ, съ тѣми безъ мѣсть; кто съ кѣмъ въ одномъ полку посланъ, тотъ того и менши». (А. И., I, № 154, I, стр. 251; ср. Никон. Лѣт. 811, 258). Это постановленіе, какъ видно, не всѣмъ понравилось,—начались ссоры и споры. Прибывъ во Владиміръ, царь, чтобы какъ-нибудь уладить дѣло, принужденъ былъ послать за митрополитомъ. Макарій, явившись во Владиміръ, обратился къ войску съ такимъ увѣщаніемъ: «Розни бы и мѣсть никакоже межъ вами не было, но свяжитесь любовію лицемѣрною противу враговъ стати мужественно; а будетъ кому съ кѣмъ не пригоже быти отечества ради на брани противу враговъ, и вы бѣ то въ забвеніе положили, а государеву бы дѣло воемское дѣлали, не яростною мыслию другъ на друга взирали, но любовію. А какъ со государева дѣла земскаго придете, и хто захочетъ кому съ кѣмъ счестись о отечествѣ, и государь съчетъ дастъ». (Никон. 68). Какъ подѣйствовало это увѣщаніе, лѣтопись не говоритъ; она умалчиваетъ также о подтвержденіи уговора въ Нижнемъ Новгородѣ, о чемъ упоминаетъ царь. Для характеристики этой оенціальной лѣтописи любопытно еще то, что неудача похода объясняется въ ней не мѣстническими расприями въ войскѣ, а «аерскимъ нестроеніемъ» («въ городу пристуимтъ невозможно было за мокротою»). Сдѣлано ли было на соборѣ какое-нибудь новое постановленіе о мѣстничествѣ, было ли, по крайней мѣрѣ, на немъ подтверждено прѣжнее опредѣленіе, мы не знаемъ. Вообще о послѣдующихъ мѣрахъ цари Ивана относительно мѣсть—извѣстно очень мало. Есть указаніе на какое-то «уложеніе», въ которомъ опредѣлялось значеніе для мѣстническихъ споровъ тѣхъ или другихъ родственныхъ отношеній («а по нашему уложенію перваго брата сына четвертому дядѣ въ версту». См. *Соловьева*, Ист. Росс., VII, 12). Недавно сталъ извѣстенъ указъ цари Ивана относительно мѣсть, изданный послѣ бѣгства Курбскаго. По этому указу, въ случаѣ бѣгства боярина, родственники его понимались въ мѣстническихъ счетахъ на 12 мѣсть (Указъ этотъ найденъ и заявленъ на послѣднемъ археологическомъ сѣздѣ г. Марквичемъ). Все это, очевидно, полумѣры, которыя только ограничивали, ослабляли, упрощали мѣстническіе споры, но не устраняли ихъ. Да и трудно было ожидать отицанъ мѣстничества въ такое время, когда мѣстничество жило въ нравахъ, когда мѣстничались всѣ, не исключая «лучшихъ, передовыхъ» людей. Правда, біографъ кн. А. М. Курбскаго любитъ останавливаться на томъ, что его имя не замѣщено въ мѣстническихъ спорахъ, что онъ «переросъ давнишній обычай мѣстничества» (*Омокова*, Князь Курбскій, стр. 6), но они забываютъ при этомъ

(л. 334). „Да о томъ говорите: какъ были у кого вотчины, да у тѣхъ же каковы были помѣстья, и каковы имъ кормленья давались и веолко годъ, и какъ онѣ с тѣхъ вотчинъ и с тѣхъ помѣстей служили; и нынѣ, послѣ великаго князя Василія и послѣ великіе княгини Елены до возраста царскаго, каковы за кимъ вотчины, и каковы помѣстья и каковы кормленья и всякие приказы и за дьяки, и за подъячними, и за сытники, и за огневъщики, и за выимщики, и за городничими, и за иными приказными людьми, такожь вотчины и помѣстья и кормленія и многіе приказы, и о томъ что приговорити и недостапныхъ какъ пожаловати? А у которыхъ отцовъ было помѣстья на сто четвертей, ино за дѣтми нынѣ втрое, а ино и голоденъ; а въ мѣру дано натолко по книгамъ, а смѣтять, ино вдвое, а нинѣ болши, и тобы приговора, да поверстати по достоинству безгрѣшно, а у кого лишекъ, ино недостаточного пожаловати ¹⁾).

указаніе, находящееся въ «описи царскаго архива», здѣсь отиѣчено между прочимъ (А. Арх. Э., I, стр. 352) «дѣло князя Ондрея Курбскаго о мѣстѣхъ съ Дмитреемъ Плещеевымъ» (вѣроятно, съ Дмитриемъ Михайловичемъ Плещеевымъ, который въ казанскомъ походѣ былъ вторымъ воеводой лѣвой руки; см. Никон. лѣт., VII, 114).

¹⁾ Предложенныя здѣсь мѣры впоследствии были отчасти осуществлены. Подъ 7064 (1556) г. читаемъ въ лѣтописи: «по сомъ же государь, сіа расмотря, которые вельможи и всіеи воини многими землями завладѣли, службою оскудѣша, непротивъ государева жалованія и своихъ вотчинъ служба ихъ; государь же нилъ урловисіе творіше въ помѣстьяхъ землемѣриемъ, комуждо, что достойно, такъ устроиша, превзаяшики жъ раздѣлиша немущимъ. А съ вотчинъ и съ помѣстья уложенную службу учиниша: со ста четвертей добрые угоміе земли челоуѣкъ на конѣ и въ доспесѣ въ полномъ, а въ дальней походѣ о дву конѣ и т. д. (Никон. VII стр. 261; ср. *Прод. Др. Выслѣов.* I, стр. 206—208). Меньше, чѣмъ черезъ 10 лѣтъ послѣ этого распоряженія (въ 7072—1564 г.), въ посланіи къ Курбскому царь Иванъ очень неодобрительно отозвался о повсемельныхъ разверсткахъ, совершенныхъ въ первое время его царствованія по инициативѣ Сильвестра. «Васъ почалъ (Сильвестръ) причитати къ вотчинамъ, ко градамъ и къ селомъ; сже дѣда нашего великаго государя уложеніемъ, которыя вотчины у васъ ввидали и которымъ вотчинамъ еже нѣсть потреба отъ васъ даятися, и тѣ вотчины, вѣтру подобно, роздалъ неподобно и то дѣда нашего уложеніе разрушилъ и тѣмъ многихъ людей къ себѣ примирилъ» (Сказ. Курбск., изд. 3-е, стр. 164). Предполагають, что приведенныя слова Ивана относятся къ указу 7059—1550 г., въ которомъ назначалось къ помѣстной разверсткѣ 118,000 четвертой земли (А. Арх. Э., I, № 225, стр. 216 — 217). При этомъ получали между прочимъ помѣстья Курбскій, А. Ф. Адашевъ и отецъ его Ф. Гр. Адашевъ, каждый по 200 четвертей (200 четв. былъ высшій надѣлъ, назначенный боярамъ, окольныхъ и дѣтямъ боярскимъ первой статьи).

„Да у монастырей, и у князей и у бояръ слободы вновь починены, а гдѣ бывали старыя, извѣчныя слободы, государская подать и земская тягла изгибла, и впередъ какъ тому быть? И възрите в дѣдовы и в батювы в уставныя книги, каковъ былъ указъ слободамъ, инобы такъ и нынѣ учинити ¹⁾).

(л. 335). О корчмахъ, данныхъ по городамъ и по волостямъ; даны изстари, а нынѣ чтобъ намѣстникомъ и кормленщикомъ с тѣхъ земель бражное уложити, а корчмы бы отнюдь не было, занеже отъ корчемъ хрестьяномъ великая бѣда чинитца и душамъ погибель ²⁾).

¹⁾ Въ 98-й главѣ Стоглава упоминается царскій приговоръ о слободахъ архіепископскихъ и монастырскихъ. Было постановлено: а) слободамъ всѣмъ новыми тянуть съ городскими людьми всякое тягло и съ судомъ, б) дворовъ новыхъ въ старымъ слободахъ не ставить, в) въ которыхъ слободахъ дворы опустѣютъ, и въ тѣ дворы называть сельскихъ людей, пашенныхъ и не пашенныхъ, по старинѣ, и отказывать тѣхъ людей на срокъ о Юрьевѣ дни осеннемъ, д) крестьяне, живущіе въ архіерейскихъ и монастырскихъ слободахъ, могутъ уходить на посады или въ села въ тотъ же срокъ, о Юрьевѣ дни.—Въ началѣ главы помѣчено, что объ этомъ приговорѣ митрополитъ разсуждался съ царемъ въ сентябрѣ 7059 (1550) года, то есть, еще до открытія Стоглаваго собора. Внесеніе этого до-соборнаго разсужденія въ Стоглавъ указываетъ на то, что соборъ 1551 г., не сдѣлавъ никакого новаго постановленія о слободахъ, припомнилъ только прежнее рѣшеніе относительно этого предмета.—Царь Иванъ указываетъ на дѣдовы и батювы уставныя книги». Знаемъ, что при Иванѣ III дѣйствительно дѣлались распоряженія относительно монастырскихъ слободъ. «При описаніи Валозерской области» (около 1490 года), замѣчаетъ г. Павловъ, — «великокняжескіе писцы, конечно согласно данному имъ наказу, отнимали у всѣхъ тамошнихъ монастырей дворы (единицы, изъ которыхъ слагались подгородныя слободы), оставляя ихъ только въ извѣстномъ размѣрѣ и опредѣленномъ числѣ». (Очеркъ секуляр. церк. имущ., стр. 36—37; ср. стр. 119—120, прим. 3).

²⁾ Въ предположеніи закрыть корчмы нельзя не видѣть вліянія духовенства, которое издавна вооружалось противъ этихъ притоновъ всяческаго безпутства. Около 1408 г. Кириллъ Валозерскій такъ писалъ Можайскому князю Андрею Дмитріевичу: «И ты, господине, внимай себѣ, чтобы корчмы въ твоей вотчинѣ не было, занеже, господине, то велика пагуба душамъ: хрестьяне ся, господине, пропиваютъ, а души гибнутъ» (А. И., I, стр. 25). Подобнымъ образомъ писалъ Ивану Васильевичу Новгородскій архіепископъ Феодосій: «Бога ради, государь, и пречистые Богородици и великихъ чюдотворцевъ, потщися и промысли о своей отчинѣ о Великомъ Новгородѣ, что ся нынѣ въ ней чинитч: въ корчмахъ безпрестанно души погибаютъ безъ покаяннїи и безъ причастїа (Доп. къ А. И., I, № 41, стр. 55). Посланіе Феодосїа писано было, вѣроятно, вскорѣ послѣ 1543 г., когда въ Новгородѣ устроено было 8 казенныхъ корчменныхъ дворовъ. Въ 1547 г. эти корчмы были закрыты (*Карамзинъ*, VIII, примѣч. 153 и 246). При этомъ нѣло, можетъ быть, вліяніе, и посланіе Феодосїа. Что касается разсужденія о корчмахъ

О мытѣхъ по дорогамъ. Коеа ради винны пошлнны уставлены со всякого челоуѣка, и с торговъ и не с торговъ, и священническаго чину и иноческаго, и со всякаго в домашнего запису и с товару, и

на соборѣ 1551 г., то едва ли оно привело къ чему-нибудь, къ какой-нибудь общей мѣрѣ. Правда, основываясь на свидѣтельства Одерборна, говорятъ, что въ царствованіе Ивана IV торговля въ корчмахъ была значительно ограничена («только на Святой недѣлѣ и въ Рождество Христово дозволялось народу веселиться въ кабакахъ», замѣчаетъ Карамзинъ, IX, стр. 260), но при этомъ берутъ у Одерборна больше, чѣмъ онъ даетъ. Вотъ слова Одерборна: *exercuit et summum jus in damnandis, qui vetitis diebus in publico ebrui et melicrato fepleti conspicerentur, adeo ut eos toto anno in carcere et durissimis vinculis captivos detinuerit, ex quibus triduo ante paschatis diem liberari tantum consueverunt. Instante autem Natalitio Christi et Paschate vulgus civium ad aulam accedens bibendi licentiam audacter rogare solet, ea ad dies quatuor et decem impetrata, postea per certos homines tabernac purgantur et omnis generis potiones tanquam voluptatis et illecebrarum ministrae e domibus ejiciuntur* (Starczewski, Hist. Ruth. script. ext., II, 201). Одерборнъ мало зналъ Россію; притомъ же онъ любилъ выразаться красиво и картинно. Поэтому не удивительно, что въ его изложеніи бывшія у насъ въ ходу мѣры относительно употребленія напнтковъ, получили нѣсколько иное освѣщеніе, чѣмъ какъ то было въ действительности. *Licentia bibendi* — это ничто иное, какъ давно извѣстное на Руси право *беспощлимаю* приготавленія и употребленія напнтковъ во время нѣкоторыхъ праздниковъ, на пирѣхъ и братчинныхъ. *Certi homines*, отбирившіе напнтки послѣ праздника, это — такъ называемые «вымищники» (выимка — отобраніе не оплаченнаго пошлнной винна). Вообще Одерборнъ говоритъ о домашнемъ, а не о корчемномъ питьѣ (*potiones e domibus ejiciuntur*; въ такомъ же смыслѣ нужно понимать и слово *taberna*). Корчмы и послѣ 1551 года продолжали существовать, основываясь даже вновь. Въ 1552 году Андрею Берсеневу и хозяину Тютину поручено было наблюдать за исполненіемъ въ Москвѣ нѣкоторыхъ постановленій Стоглаваго собора; при этомъ имъ данъ былъ наказъ. Изъ этого-то именно наказа и видно, что корчмы въ это время не только существовали, но и оставались такими же притонами разгула, какъ и прежде. Было только постановлено брать заповѣдь (штрафъ) съ тѣхъ, которые, напившись, начинали безчинствовать. Въ 1579 г. Пермскому намѣстнику было наказано: «въ Усолѣ на посадѣ держати намѣстнику кабакъ, а на кабакѣ вино, медъ и пиво» (Карамзинъ, IX, прим. 816). Припомнимъ еще извѣстіе Флетчера (гл. 12), совершенно противоположное показанію Одерборна (то множество кабаковъ, о которомъ говоритъ Флетчеръ, не могло же появиться между 1584—1587 гг.): государство, по совершенно вѣрному пониманію Флетчера, преслѣдовало въ корчемномъ вопросѣ главнымъ образомъ фискальный интересъ, столь для него важный. «Бражное» (то есть, налогъ на брагу, на выварку пива) ни въ какомъ, конечно, случаѣ не могло доставить такихъ значительныхъ доходовъ, какіе доставляли корчмы. Поэтому не удивительно, что предположеніе уничтожить корчмы осталось не осуществленнымъ, хотя оно шло, по *видимому*, отъ самого царя.

чтобы с товару пошлину прибавить у тамги, а мыта бѣ не было, опричь порубежныхъ мѣстъ отъ чужихъ земель ¹⁾).

О перевозѣхъ и о мостѣхъ. То должное только бы по указу имали, и по городомъ явки проѣзжнимъ; а гдѣ торгуетъ, ино туту тамга, то достойно, а гдѣ не торгуетъ, ино недостойно ничево взяти развие отъ явки ²⁾).

А по рубежемъ по литовскимъ, и по нѣмецкимъ, и по татар-

¹⁾ То, что сказано о корчмахъ, нужно повторить и относительно мыта. Духовенство очень рано начало говорить противъ этого рода пошлины. Кирилль Вязозерскій писалъ: «Такоже, господине, и мытовъ бы у тебя не было, понеже, господине, куны неправедны» (А. И., I, 25). Кирилль былъ правъ: мытъ былъ однимъ изъ самыхъ вредныхъ и тяжелыхъ налоговъ. Сборомъ мыта занималось не только правительство, но и частные землевладельцы, а вслѣдствіе того, мѣста, гдѣ нужно было платить подорожную пошлину, встрѣчались во множествѣ. Прибавимъ неизбежныя задержки, придирки и обмань, и мы поймемъ, почему и «гроши подорожныя» и сборщики ихъ стали такъ ненавистны народу. Припомнимъ рассказъ Микулушки Селяниновича въ былинѣ:

Я недавно былъ въ городи, третьено дни,
На своей кобылѣ соловой,
Увезъ я оттолъ соли столько два мѣха,
Два мѣха соли по сороку пудъ.
И живутъ-то мужики все разбойники:
Они просятъ грошовъ подорожныхъ.

Вмѣсто уплаты мыта Микула побилъ сборщиковъ,—да и было за что побить... Царь Алексій Михайловичъ такъ изображалъ сборщиковъ мыта: «тѣи откупщики—врази Богу и человекѣмъ, немилосердіемъ ревнуютъ прежнимъ окольнымъ мытаремъ и прочимъ злодѣемъ». Въ 1654 г. мыта были отменены, но еще гораздо раньше, въ 1596 г., сдѣлана была попытка устранить злоупотребленія при сборѣ мыта: частныя заставы были уничтожены, весь сборъ мыта переходилъ въ руки правительства (гр. Толстой, Ист. финанс. учрежд., стр. 97—99). Какъ бы то ни было, мѣры Алексія Михайловича и Бориса Годунова указываютъ на то, что мытъ процвѣталъ и въ XVI и даже въ первой половинѣ XVII вѣка. Такимъ образомъ предположеніе уничтожить мытъ, введенное на сборѣ 1551 г., осталось въ области благихъ пожеланій.

²⁾ Пошлины за перевозъ черезъ рѣку, за проѣздъ по мосту («мостовщина» и «перевозъ») представлялись платою за трудъ тому, кто работалъ на перевозѣ или содержалъ мостъ. Поэтому пошлины эти находили справедливыми: «А гдѣ, господине, перевозъ, туту, господине, пригоже дати труда ради», замѣчаетъ Кирилль Вязозерскій. Величина этихъ пошлинъ («только бы по указу имали») опредѣлялась въ уставныхъ грамотахъ (гр. Толстой, Ист. е. учр., 102—104). Относительно тамги и явки не видно, чтобы при Иванѣ IV сдѣланы были какія-нибудь новыя постановленія.

скимъ заставы крѣпче, и явка и мыть добрѣ надобети бречи всего и осматривати и бѣглыхъ людей и заповѣдныхъ товаровъ ¹⁾.

¹⁾ Въ 1579 году кн. А. М. Курбскій писалъ царю Ивану Васильевичу: «Азъ давно уже на широкошчатальный листъ твой отписалъ ти, да не возмогахъ послати непохвального ради обыкновенія земель тѣхъ: иже *затворилъ еси чортю русское, сиречь свободное естество человеческое, аки ео адоиъ твордими*, и ктобы изъ земли твоей поѣхалъ, по пророку, до чужихъ земель, яко Иисусъ Сирахомъ глаголетъ, ты называсишь того измѣнникомъ, а если изымается на предѣлѣ, и ты казниши различными смертями; такожь и здѣ, тобѣ уподобися, жестоцѣ творить» (Сказан. кн. Курбскаго, изд. 3-е, стр. 204). Изъ предложенія царя на соборѣ 1551 года видимъ, что крѣпкія заставы по рубежамъ задуманы были еще въ началѣ царствованія Ивана. Но любопытно то, что Курбскій, говоря противъ пограничныхъ заставъ, выражается совершенно такъ, какъ находило нужнымъ иногда выражаться само московское правительство. Въ 1594 г. въ переговорахъ съ шведскими послами наши уполномоченные говорили: «Сотворилъ Богъ человека самовластна и далъ ему волю сухимъ и водянымъ путемъ, гдѣ ни захочетъ, ѣхать» (*Соловьевъ* Ист. Росс., VII, 313). Въ 1587 г. царь Ѳеодоръ писалъ къ Англійской королеви Елизаветѣ: «Бьютъ намъ челомъ многіе нѣмци разныхъ земель, Англичане, Французы, Нидерландцы и другихъ земель на твоихъ гостей, что они кораблей ихъ къ нашему государству пропускать не хотятъ. Мы этому и вѣрить не хотимъ; а если такъ дѣлается въ самомъ дѣлѣ, то это твоихъ гостей правда ли, что за наше великое жалованье иноземцевъ отгоняютъ? Божію дорогу, океанъ-море, какъ можно перенять, унять и затворить?» (*ibid.*, 835). Приведенныя выраженія правительство, какъ уже видно, употребляло въ сношеніяхъ и переговорахъ о дѣлахъ торговыхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что оно въ этомъ случаѣ не выдумывало новыхъ теорій, а пользовалось только тѣмъ, что находило готовымъ. Мысль, что Богъ далъ человеку волю ѣхать, куда онъ захочетъ, что море — Божья дорога, которую нельзя перенять, словомъ — мысль о свободѣ торговли должна была возникнуть и развиться, конечно, въ той средѣ, для которой она имѣла интересъ, въ кругу торговыхъ общинъ, въ стѣнахъ большихъ торговыхъ городовъ. Отсюда эта мысль распространялась дальше: ее повторялъ бѣжавшій служилый князь, ею же пользовалось, когда было нужно, государство. Но то же государство, преслѣдуя свои интересы, не задумывалось налагать свою руку и на «бѣглыхъ людей», и на свободу торговли. Являлись заставы, являлись «заповѣдныя» товары. Списокъ заповѣдныхъ товаровъ не всегда былъ одинъ и тотъ же. При Иванѣ IV въ разное время въ числѣ такихъ товаровъ мы встречаемъ: благородные металлы въ слиткахъ и издѣлкахъ, воскъ, сало, ленъ, посконъ, нееть (*Соловьевъ*, Ист. Р., VII, 65). Въ 1550 г., незадолго до Стоглаваго собора, литовскіе послы жаловались на то, что царь не дозволяетъ пріѣзжать въ свою землю для торговли Жидамъ, подданнымъ Польскаго короля. Царь такъ отвѣчалъ королю: «Мы къ тебѣ не разъ писали о лихихъ дѣлахъ отъ Жидовъ, какъ они нашихъ людей отъ христіанства отводили, отравныя зелья къ намъ привозили и пакости многія нашихъ людямъ дѣлали» (*ibid.*, VI, 159). Такъ Жидамъ и не удалось по-

„А у кого вотчины, ино вотчинные книги устроить: кто купить, или по душѣ отдасть, или промѣнить, или племяннику отдасть, и то записать въ книгахъ в мѣру — и напашная земля и не напашная, и лѣ(л. 336)шная, и луга, и перевѣсы, и борти, и рѣки, и озера, и пруды, и ряды, и перевозы, и мосты, и всякие угодыя, и церковная земля, и дворы, и огороды,—ино его не обидить никто, а ему чужево прибавить не умѣть же; чѣмъ умѣрять лишькомъ надъ книгами, то отъимуть на меня, и вѣдомо, за кѣмъ сколько прибудеть и будедеть, и по вотчинѣ и служба знать ¹⁾).

часть въ Московскую Русь. Въ словахъ Ивана интересно особенно то, что запрещеніе вѣзда иноземныхъ торговыхъ людей ставится въ связь съ охраненіемъ вѣры.

¹⁾ Вотчинныя книги дѣйствительно были заведены. О нихъ не разъ упоминается въ послѣдующихъ актахъ Ивана царствованіи. Такъ, въ указѣ 7066 — 1558 г., о закладѣ и продажѣ вотчинъ, сказано: «А не будеть его (продавца заложенной вотчины) въ лицѣхъ, и у того купца, которой закладную вотчину купилъ, деньги пропали, потому: купити вотчины, смыскивыи и въ тѣхъ книгахъ рѣсмотра, гдѣ вотчинныя купли и заклады у которыхъ дьяковъ въ книгахъ записаны» (А. И., I, стр. 262, № 154, IX). Какъ же составлялись и гдѣ собирались эти вотчинныя книги? Въ 7063—1555 г., по поводу просьбы служилого человека Никиты Сабурова о прибавкѣ помѣстья, царь писалъ новгородскимъ дьякамъ: «Вы бѣ того всего (то есть, того, о чемъ говорить проситель) сыскали писцовымии и отдѣльнымии и приправочнымии книгамии и всякимиы сыскии. А какъ Никитѣ къ старому его помѣстью, къ десяти обжамъ, двѣ обжи отдѣлять, и вы бѣ тѣ обжи и старое его помѣстье велѣли за нимъ написать въ отдѣльные книги да тѣ бѣ книги къ вамъ привезли, а вы бѣ съ тѣхъ книгъ велѣли списать противень слово въ слово, да тѣ книги съ своими приписками и запечатавъ прислали къ намъ на Москву» (Доп. къ А. И., I, № 52, актъ I, стр. 86; ср. и другіе акты подъ тѣмъ же №). Такимъ образомъ мы видимъ, что документы относительно вотчинъ хранились въ центрахъ мѣстнаго управленія, а противни съ нихъ собирались въ Москвѣ. Здѣсь для завѣдыванія вотчинными дѣлами нужны были, конечно, особые люди. Поэтому съ нѣкоторою основательностью можно догадываться, что около того именно времени, когда заведены были вотчинныя книги, устроена была и «помѣстная изба», упоминаемая впервые въ указѣ 7081—1572 года (А. И., I, № 154, XIX, стр. 270). А что вотчины вѣдались тѣми же лицами, какъ и помѣстья, это видно изъ указа 7064—1556 года: «И у кого игумень (Кириллова монастыря) съ братьею въ которомъ городѣ *вотчины* купятъ и что кому на которой вотчинѣ денегъ дадутъ, и игумену съ братьею или ихъ прикащикамъ съ тѣми продавцы съ очей на очи являти *дьякомъ нашимъ*, у которыхъ помѣстныя наши дѣла въ приказѣ, и дьяки наши велятъ тѣ вотчины за монастыремъ въ книги написать по нашему указу» (А. Арх. Э. I, 246). Изъ приведенныхъ свидѣтельствъ видно также, что «вотчинныя книги» — это собирательное имя для цѣлаго ряда документовъ, которые съ теченіемъ вре-

„А помѣстья кому давать—в мѣру и пашенная земля и не пашенная, и луги, и лѣсъ и всякіе угоды; что въ книгахъ стоитъ, и в жалованной грамотѣ слово в слово, и онъ чужезово не занимаетъ, а въ его вступитца не умѣетъ; прибудеть у него пашни, ино будетъ передлогу и лишіе земля, а все будетъ вмѣстѣ, а что на своей землѣ не примыслить, то все Божье да ево; и запустошить, отъ себя ему пришло, а отъ меня опала, и о томъ тяжбы не будетъ ни с кѣмъ впередъ.

„О вдовыхъ боярыняхъ. Которые дѣти боярскіе на службахъ побиты или гдѣ ни померли, и о тѣхъ помѣстьяхъ жены и дѣти волочатца, а слугъ в то мѣсто нѣтъ, а дьякъ умереть или приказной человекъ, а помѣстье за нимъ или за дѣтми, а слугъ нѣту; и дадутъ помѣстье на прожитокъ молодой боярынь, и она замужъ не идетъ помѣстья для и на грѣхъ дерзнетъ за молодость, а службѣ нѣтъ. И чтобы уложити такъ: боярыня вдова молода, ино сыну боярскому на ней женитися, а служба слу(л. 337)жить с того помѣстья, а дѣтей кормити и дочери замужъ давати, а сынове взростутъ, ино имъ придача, посмотря по человекъ; а боярыня стара, а дочь невѣста, ино боярской сынъ на дочери женитца и с помѣстья служить и тещу кормить; и будетъ боярыня стара, а дѣти и внучата малы, и доколѣ растутъ, а за нихъ служить племянникъ или братъ по ихъ совѣту, — помѣстьемъ владѣть, а ихъ кормить, ино вселди служебные люди полны, а вдовы з дѣтми не погибнуть, по дворомъ волочась, а государю доуки отъ нихъ нѣтъ; а которая боярыня бездѣтна и племянника добраго нѣтъ, кому с того помѣстья служить, а ее кормить, и такая пустотная боярыня старая устроити в монастырь, а помѣстье на государя, а не похочеть в монастырь, ино земля удѣлити, какъ мощно сытой бытъ ¹⁾).

мени накопились относительно какого-нибудь земельного участка. Въ этихъ документахъ отмѣчалась прежде всего принадлежность вотчинъ тому или другому лицу и затѣмъ равныя измѣненія во владѣніи вотчиной: мѣна, закладъ, передача родственнику, отдача по душѣ, продажа. Каждый родъ такихъ вотчинныхъ документовъ носилъ также названіе книгъ. Важнѣйшими между ними были писцовыя книги, ихъ дополняли книги дозорныя, праправочныя, отдѣльныя, дочетныя, писменные и пр. (См. *Иванова*, Систем. Обзор. помѣстн. правъ, стр. 192—204).

¹⁾ Изъ послѣдующихъ распоряженій царя Ивана видно, что предложенныя здѣсь мѣры относительно вдовыхъ боярынь и сиротъ-боярышень осуществились не вполне. Дѣлалось обыкновенно такъ: по смерти боярина или другаго служи-

лучитца гостей Нагай отпущати или пословъ, и напередъ отпущити болшіе люди да с ними сына боярскаго добраго, а на бреженіе оставити у себя лучихъ дву пословъ или трехъ и съ руклядью з доброю да отпустити опослѣ, дни с три снуста, с крѣпкими проводники. Выдутъ за рубежъ на Проню смирно болшіе люди, и нашъ проводникъ, отпустивъ ихъ, да скажетъ, что вышли тихо изъ земли, ино и достальныхъ с рубежа за ними отпуститъ; а будетъ что изуродуютъ или которое лихо учинятъ, и проводники пріѣхавъ скажутъ, ино тѣхъ лучихъ пословъ не выпущати, доколѣ в томъ управатца, что (л. 338) збрѣдили: ино нашимъ дѣтемъ боярскимъ волокиты не будетъ, и они себя дѣждятъ брежно; хрестьянству не будетъ ни котораго лиха ни отъ Татаръ, ни отъ своихъ,—и свои пакости чинятъ пуще татаръ, коли ихъ много. А коли послы или Нагай с торгоу къ намъ или отъ насъ идутъ, инобы надъ ними наши ни котораго лиха не чинили, ни крали бы ихъ, ни грабили; всякое лихо отъ нашихъ задоръ чинится: наши надъ ними поуродуютъ, и они вдесятеро бѣду доспѣютъ ¹⁾.

лаго человека, владѣвшаго помѣстьемъ, вдова его давался небольшой участокъ земли «на прожитокъ». Этимъ участкомъ она могла пользоваться до своей смерти, если только не выходила за мужъ или не шла въ монастырь. Подобный же участокъ давался и бояршинамъ, которыя, впрочемъ, могли имъ владѣть только до 15 лѣтъ. Достигнувъ этого возраста, сирота должна была идти или замужъ, или въ монастырь. Такъ въ 1556 году, когда вдова служилаго человека Нечая Бутурлина, Ирина, просила царя, чтобъ ей и малолѣтней дочери ея Марѣ дано было что-нибудь на прожитіе, царь распорядился: дать Ирину 7 обемъ на прожитокъ до смерти, постриженія или замужества; Марѣ дать 5 обемъ «до замужья; а выдати ее замужъ пятнадцати лѣтъ, а долѣ 15 лѣтъ за нею тѣмъ обжамъ не быти» (Доп., А. И. къ I, № 52, XXVI, стр. 107—108). Ср. *Градосказо*, Ист. мѣсти. упр., I, стр. 56—57; 78.

• ¹⁾ Предложенныя здѣсь мѣры для надзора за нагайскими послами и гостями если и были осуществлены, то во всякомъ случаѣ недолго сохранили свою силу. Съ завоеваніемъ Казани и Астрахани дѣло должно было измѣниться. Наблюденіе надъ Нагаями и движеніями въ ихъ улусахъ, надъ нагайскими послами и торговцами, отправлявшимися на Русь, перешло главнымъ образомъ въ вѣдѣніе воеводъ и другихъ правительственныхъ лицъ, находившихся въ низовыхъ городахъ (см. Никон. лѣт., VII, стр. 251—252, 256—258, 272, 276—277, 283—284, 292). Особенно важно въ этомъ отношеніи извѣстіе лѣтописи подъ 1557 годомъ: «Государь отпустилъ въ Нагаи къ Исмаилу князю и ко всѣмъ мурзамъ пословъ ихъ Темира съ товарищи, а своихъ пословъ послалъ къ Исмаилу князю Петра Григорьева сына Совина.... и приказывалъ ко князю и къ мурзамъ, что по ихъ челобитью изъ Асторохани и на Волгѣ лиха имъ чи-

„Да приговорилъ есми писцовъ послати во всю свою землю писати и смѣтити и мори, царя, великаго князя, и митрополити, и владыччи, и монастырскыя, и церковныя земли, и княжескыя, и боярскыя, и вотчинныя, и помѣстныя, и черныя, и оброчныя, и починки, и пустоши, и селища, и земецкыя земли всякыя, чѣмъ ни буди, а мѣрити пашенная земля и не пашенная, и дуги, и лѣсъ, и всякыя угодыя смѣчати и писати,—рѣки, и озера, и пруды, и оброчныя ловли, и колы, и сѣжи, и борти, и перевѣсы, и мыта, и мосты, и перевозки, и рядки, и торгонища, и погостыцкая земля и церковная, и дворы, и огороды, и въ книгахъ то все поставити. И кого чѣмъ пожалую, и по книгамъ жаловалныя грамоты давати слово в слово для того, чтобы впередъ тяжба не была о водахъ и о земляхъ,—что кому дано (л. 339), тотъ тѣмъ и владѣй, а утяжютъ кого черезъ письмо лишкомъ, и то имати на меня, царя и великаго князя, да и того ради кто чего попроситъ, и язъ вѣдаю, чѣмъ кого пожаловати, и кто чѣмъ нуженъ, и кто с чего служить, и то мнѣ будетъ вѣдомо же, и живое, и пустое“¹⁾.

ити не велѣлъ, а велѣлъ беречь во всемъ, и торговати поводно, приказалъ о томъ къ Ивану въ Черемисинову; а на Переволохъ на Волгѣ велѣлъ быти атаману Ляпузу Филимонову съ товарищи, а на Иртыш сотнику стрѣлецкому Степану Кобякову беречи Нагай отъ русскихъ казаковъ и отъ крымскихъ; пойдутъ послы къ Москвѣ, и имъ пословъ перевозити» (Никон. лѣт. VII, 279; ср. стр. 286—287). Цѣль сомнѣнія, что Черемисиновъ и Филимоновъ должны были не только беречь Нагаевъ отъ нападеній казаковъ, но и имѣть надзоръ надъ самими Нагаями. Вѣроятно, относительно нагайскихъ купцовъ устроено было теперь порядкомъ, подобный тому, который былъ принятъ въ XVII в., когда нагайскіе купцы съ ихъ табунами собирались сначала въ Астрахани и оттуда отправлялись въ Москву въ сопровожденіи станичниковъ и отряда стрѣльцовъ (Костомарова, Очеркъ торг. Моск. госуд., стр. 268—269).

¹⁾ Въ 1551—7059 году дѣйствительно предпринято было новое измѣреніе описаніе земель. Важно, что при этомъ писцамъ впервые, сколько извѣстно, данъ былъ царскій наказъ, опредѣлявшій правила, которыми должны были они руководствоваться въ своемъ дѣлѣ. Объ этомъ наказѣ упоминается въ двухъ оброчныхъ грамотахъ, выданныхъ разнымъ крестьянамъ въ Двинскомъ уѣздѣ. Обѣ эти грамоты (одна отъ 5-го іюля 7059 г., другая отъ 9-го іюля того же года) начинаются такъ: «По царю и великаго князя Ивана Васильевича всеа Русіи слову и по наказному списку Двинскіе писцы Иванъ Петровичъ Заболоцкой да Дмитрей Ивановичъ Темировъ съ товарищи дали на оброкъ и т. д. (Акт. Юрид., № 169 и 170). Въ болѣе раннихъ грамотахъ о наказѣ не упоминается. Такъ въ оброчной же грамотѣ 7052—1543 года читаемъ: «По великаго князя слову Ивана Васильевича всеа Русіи, а язъ великаго князя Вологодцкой

Полную оценку этих предложений и законопроектов царя Ивана Васильевича нужно, конечно, предоставить историкам права. Но эти предложения могут возбуждать интерес не съ одной только историко-юридической точки зрѣнія: они важны для исторіи самого собора 1551 года, для исторіи Стоглава. Обратимъ вниманіе на то, что приведенныя выше царскія предложенія точно также заявлены были на соборѣ, какъ и тѣ вопросы, которые внесены въ Стоглавъ— что они составляютъ, слѣдовательно, несомнѣнную часть соборныхъ дѣяній (аста). Между тѣмъ въ книгу Стоглавъ эти предложенія не внесены. Это ясно указываетъ на то, что редакторъ Стоглава при составленіи своего труда дѣлалъ не просто сводъ, а выборъ, извлечение изъ тѣхъ матеріаловъ, которые накопились въ соборныхъ дѣяніяхъ¹⁾,—что, слѣдовательно, эти первоначальные матеріалы, бывшіе

писецъ» и т. д. (А. Ю., № 168). У Татищева находимъ извѣстіе о любопытномъ наказѣ 7064—1556 года: «Писцовою его (царя Ивана Васильевича) наказъ», замѣчаетъ историкъ въ примѣчаніи къ указу 1558 г.,—«тогожь года, съ приложеніемъ земельныхъ начертаній, которой видно нѣкто знающій геометрію съ вычетами плоскостей сочинилъ. Въ немъ десятина написана въ длину и ширину десятая доля версты, а верста 500 сажень царскихъ, и въ десятихъ числено двѣ четверти» (*Продолж. Др. Росс. Визлюв.* I, стр. 207). Къ этому показанію Татищева нельзя относиться съ полнымъ недоверіемъ. Не говоримъ объ иностранныхъ инженерахъ, бывшихъ въ это время въ Россіи (вспомнимъ «розмысла» въ Казанской осадѣ); между самими Русскими были уже въ то время люди, знакомые съ правильнымъ измѣреніемъ земли и инженернымъ дѣломъ. Укажу на описанія и *чертежи* городовъ, упоминаемыя въ «Описи царскаго архива» (А. Арх. О., I, № 298, ящ. 57, 144, 220, 221), на работы дьяка Ивана Григорьевича Выродкова, человека, вѣстатіи замѣтитъ, мало извѣстнаго, но заслуживающаго самой почтительной памяти. Въ 1551 г. онъ завѣдывалъ постройкой Свияжска; въ 1552 г., при осадѣ Казани, ему поручались работы по сооруженію осадныхъ укрѣпленій; въ 1556 г. онъ строилъ городъ въ Галичѣ; въ 1557 г. устраивалъ портъ («городъ для корабельнаго пристанища») въ Нарвѣ; въ 1562 г. участвовалъ въ Полоцкомъ походѣ, находился при «нарядѣ» (Никон. лѣт. VII, 75, 167, 275, 285, 288; *Древн. Росс. Визлюв.*, XIII, 330). Относительно измѣренія земли при Иванѣ IV Неволинъ замѣчаетъ: «Неопредѣленные способы означать мѣру земли, существовавшіе прежде, со времени Іоанна IV были отчасти замѣнены способами опредѣлительнѣйшими. Со времени Іоанна IV сдѣлались, по крайней мѣрѣ являются, самыми употребительными измѣренія: для земель пахотныхъ измѣреніе четвертями и отчасти десятинными, для луговъ—измѣреніе копнами сѣна, которыя скашивались съ нихъ, для лѣса—измѣреніе верстами, четвертями и десятинными» (*Невол.* Соч., т. VI, стр. 468—469).

¹⁾ Послѣ того какъ перестали сомнѣваться въ подлинности Стоглава, много спорили о томъ, слѣдуетъ ли считать Стоглавъ книгой каноническою, или нѣтъ.

въ рукахъ у редактора Стоглава, были гораздо многочисленнѣе и разнообразнѣе, чѣмъ о томъ можно судить по самому Стоглаву. Надѣяться, что эти матеріалы могутъ быть въ послѣдствіи отысканы и возстановлены волюнѣ,—конечно, напрасно. Не мѣшаетъ поэтому обратиться къ самому Стоглаву, присмотрѣться къ его составу и хотя нѣсколько, въ общихъ чертахъ, указать родъ и происхожденіе тѣхъ матеріаловъ, которыми располагалъ собиратель Стоглава.

II.

Самое простое и самое ясное раздѣленіе матеріаловъ, вошедшихъ въ Стоглавъ, даетъ заглавіе самаго Стоглава: царскіе вопросы и соборные отвѣты. Отъ этого раздѣленія мы и отправимся.

Царскіе вопросы, включая сюда и царскія рѣчи и посланія, занимаютъ въ Стоглавѣ четыре главы 3-ю, 4-ю, 6-ю и 41-ю. Какъ же составлены были эти „писанія“ и вопросы царя?

Относительно вопросовъ на это отвѣчаетъ самъ Стоглавъ: „Нѣкогда въ слухъ увиде... царя и великаго князя Іоанна Васильевича... что... многіе церковные чины не сполна совершаются по священнымъ правиламъ и уставу; онъ же, боголюбивый царь, таковая слышавъ,... вскорѣ повелъ списати о тѣхъ многоразличныхъ церковныхъ чинѣхъ... и вдасть на соборѣ отцу свосму Макарію, митрополиту всея Русіи“ (гл. 6-я). Кто выполнилъ царское приказаніе написать на соборѣ вопросы, мы, конечно, не угадаемъ. Но мы знаемъ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ лицъ, отъ которыхъ „виде въ слухъ“ царю извѣстіе о церковныхъ неурядицахъ. Эти-то лица, безъ сомнѣнія, и были главными и первыми собирателями того матеріала, который далъ содержаніе царскимъ вопросамъ. Мы знаемъ также, что эти лица не только говорили царю о беспорядкахъ, на которые долженъ былъ обратить

Называли Стоглавъ то «дѣянiami собора 51 г.», то «записками о дѣянiяхъ», то наконецъ, «соборнымъ уложеніемъ». Каждое изъ этихъ мнѣній имѣло своихъ защитниковъ, и нужно сознаться, все они имѣли свои достаточныя основанія, которыя такимъ образомъ взаимно нейтрализовали одно другое. Не гонясь за точностью каноническихъ терминовъ, всего вѣрнѣе, какъ мнѣ кажется, назвать Стоглавъ именно извлеченіемъ, сборникомъ изъ дѣянiй собора. Сборникъ этотъ могъ и долженъ былъ служить «историческою основой и матеріаломъ» (какъ удачно выразился г. Добротворскій въ *Правосл. Собесѣдн.* 1862 г., III, 302; вообще статьи г. Добротворскаго—лучшее пособіе при изученіи Стоглава) для такихъ чисто-законодательныхъ памятниконъ, какъ царскіе и соборные наказы и грамоты.

вниманіе Стоглавый соборъ, но и излагали свои замѣчанія письменно, въ видѣ посланій и отдѣльныхъ записокъ. Такимъ образомъ, тому, кто долженъ былъ составить для собора списокъ вопросовъ, оставалось только выбрать и болѣе или менѣе удачно расположить то, что предлагали указанные первоначальные матеріалы. Что же это за матеріалы? Кто эти лица, говорившія и писавшія царю о церковныхъ безпорядкахъ?

Въ 1553 году бывшій троицкій игуменъ Артемій, узнавъ, что его обвиняютъ въ разныхъ еретическихъ мысляхъ, написалъ царю Ивану оправдательное посланіе. Изъ него мы узнаемъ, что Артемію ставили въ вину то, что онъ высказывалъ царю въ какомъ-то другомъ, болѣе раннемъ посланіи. „О нашихъ ложныхъ кливетахъ“, пишетъ Артемій,— „Господа ради обыщи праведно, понеже православный царь еси, правду любити обѣщался еси Богу, того ради и писалъ есми, изъясляя разумъ свой; и будетъ, государь, што погрѣшилъ я за (не)видѣніе мое, вели сіа изъяснити мнѣ, испытавъ предъ собою божественнымъ писаніемъ: будетъ ли согласенъ разумъ мой с разумомъ святыхъ отецъ, ино я радъ калтиса и прощенія просити. Враждуючи на мене“, продолжаетъ игуменъ,— „говорятъ не такъ, какъ азъ говорилъ, а всѣ нынѣ съгласно враждуютъ, будто азъ говорилъ и писалъ тобѣ села отнимати у монастырей, другъ другу сказываютъ; а отъ того мню, государь, што азъ тобѣ писалъ на соборъ, и(з)вѣщая разумъ свой, а не говаривалъ есми имъ о томъ, ни тобѣ не совѣтую нуженію и властію творити что таково. Развѣ межи собою (то-есть, въ кругу своей братии, монаховъ) говорили есмо, какъ писано въ книгахъ быти инокомъ, и се наше мудрованіе, якоже и святіи отци уставляютъ жити, яже по Великому Василью.... А иніимъ есмы не говаривалъ, развѣ межи собою говоримъ, чтобы намъ жити своимъ руководѣіемъ и у мирьскихъ не просити, а и то есми, государь, писалъ азъ и говорилъ тобѣ о истиннѣмъ и непрелестнѣмъ пути Христовыхъ заповѣдей, и о томъ, Бога ради, не ускори съблзнитися, будетъ бо время, егда просвѣтитъ тебе Господь разумѣти сіа, аще възыщеша всѣмъ сердцемъ волю его“¹⁾. Такимъ образомъ мы видимъ, что Артемій до 1553 г. представилъ царю „на соборъ“ (то-есть, для собора) какое-то посланіе. Въ посланіи этомъ говорилось о томъ, какъ слѣдуетъ жити монахамъ; о томъ, что имъ нужно кормиться

¹⁾ Рукоп. Румянц. музея изъ собранія Ундольскаго, № 494, и 194 об., 195 обм. 196.

руководѣлемъ, а владѣть вотчинами неприлично и т. п., — словомъ, все то, что до Артемія и въ его время говорили всѣ такъ называемые нестяжатели, послѣдователи Нила Сорскаго, Вассіана и воложскихъ старцевъ. Передавая царю ученіе нестяжателей, Артемій разчитывалъ, что эта передача останется тайною. Въ посланіи слышится упрекъ за то, что эта тайна была нарушена: царь обманувъ довѣренность Артемія, не поддержалъ и не защитилъ его. Артемій сталъ извѣстенъ царю около 1550 г. Въ это время, вызванный въ Москву изъ Вѣлозерской пустыни, жилъ онъ въ Чудовѣ монастырѣ, пользуясь дружбой могущественнаго Сильвестра. Черезъ него-то Артемій и сблизился съ царемъ. Едва ли можно сомнѣваться, что соборъ, на который писалъ Артемій, былъ именно соборъ 1551 года. Тотчасъ послѣ этого собора Артемій сдѣланъ былъ игуменомъ Троицкаго монастыря вмѣсто Серапіона, занявшаго архіепископскую катедру въ Новгородѣ ¹⁾.

Артемій провелъ свою жизнь по монастырямъ. Понятно, что онъ старался обратить вниманіе царя, готовившагося къ собору, прежде всего и больше всего на безпорядки въ монастыряхъ. Но были люди, которые указывали царю и на другаго рода неурядицы. Въ одной рукописи XVI вѣка найдена г. Тихонравовымъ статья, заключающая въ себѣ перечисленіе „многихъ неисправленій, негодныхъ Богу и не полезныхъ душѣ“. Это перечисленіе во многихъ пунктахъ поразительно сходно съ нѣкоторыми изъ вопросовъ, предложенныхъ на Стоглавомъ соборѣ ²⁾. При этомъ съ вѣроятностію можно предпола-

¹⁾ Извѣстія объ Артеміѣ, о его отношеніяхъ къ Сильвестру и царю, о судѣ и приговорѣ надъ нимъ находятся въ соборной грамотѣ о немъ; отправленной въ январѣ 1554 г. въ Соловецкій монастырь, куда Артемій былъ заточенъ, а также въ отвѣтъ попа Сильвестра по дѣлу Висковатаго (Арх. Ф., I, стр. 246—255). Изъ Соловковъ Артемію удалось впоследствии бѣжать. Конецъ своей жизни онъ провелъ въ Литвѣ, гдѣ, по выраженію Захарія Копытенинскаго, «отъ ереси аріанской и лютеранской многихъ отвернулъ, и чрезъ него Богъ исправилъ, же ся весь народъ Россій въ Литвѣ въ ереси тми не перевернулъ». Для противодѣйствія ереси Артемій писалъ много посланій. Единственный, извѣстный до сихъ поръ, списокъ этихъ посланій находится въ собраніи Ундольскаго (см. Славяно-русскія рукописи Унд., стр. 363—370). Объ Артеміѣ есть еще нѣсколько упоминаній у Курбскаго (Сказан., изд. 3-е, стр. 116, 117, 118, 224).

²⁾ Въ статьѣ о «многихъ неисправленіяхъ» указываются слѣдующіе пункты: 1) крестное цѣлованіе на кривѣ и на правѣ; 2) въ шуткахъ клеветы именемъ Полюинъ (ср. Стогл. гл. 5-я, вопр. 37); 3) образы Божьи мастера иконные не по образу пишутъ (5, 3.); 4) мастера книжные, написавъ книгу, не исправляютъ,

гать, что вопросы статьи послужили источником для подобных же вопросов, вошедших въ Стоглавъ. На это указываетъ отчасти самая форма статьи. Это не—обличительное посланіе, какихъ много въ нашей старинной письменности; это — простой перечень разныхъ беспорядковъ, безъ всякихъ увѣщаній и убѣжденій со стороны автора. Очевидно, статья появилась при такихъ условіяхъ, когда въ увѣщаніяхъ не было надобности. Нужно было только собрать какъ можно больше указаній на нравственные и церковные беспорядки, замѣчавшіеся на Руси.

Рукопись, въ которой найдена занимающая насъ статья, принадлежала, по предположенію издателя статьи, Рязанскому владыкѣ Кассіану, одному изъ членовъ Стоглаваго собора. Кассіанъ могъ быть и авторомъ статьи. Позже, на соборѣ 1554 года, Рязанскій епископъ выступилъ противникомъ Иосифлянъ, сторонникомъ Артемія, Феодорита и другихъ лицъ, судившихся на соборѣ. Послѣ собора Кассіанъ долженъ былъ оставить свою кафедру. Нѣтъ сомнѣнія, что и на соборѣ 1551 года Кассіанъ дѣйствовалъ за одно съ такими людьми, какъ Артемій, — людьми, которые обращали вниманіе на беспорядки

и служить по нихъ (5,5.); 5) въ великій постъ и въ апостольскій постъ заподанное ѣдить; 6) холопствомъ робать безъ кончины и послѣ живота своего дѣтямъ своимъ даютъ, а архіепископы приписываютъ: 7) дѣти крестятъ до шти недѣль послѣ рожденья до очищенья материя, и крещеный чистый младенецъ нечистую матеръ сестъ; 8) многіе кумове и кумы единого младенца крестятъ мзды ради (гл. 17); 9) материя лають невзбранно во сварѣхъ и въ шуткахъ (5,28); 11) бороды брѣютъ и усы рвутъ: то образу Божью поругаются и вѣрѣ супротивляются, въ женскій образъ превращаются (5, 25); 12) священники многіе отъ церквей ко многымъ церквамъ переходятъ и служатъ невзбранно; 13) священники свои престолы оставляютъ, а наиуются у иныхъ престоловъ служить, а священнику подобаетъ единой невѣстѣ обрученой мужеви быти; 14) шахматы и тавлеми и ликами играютъ (41,20); 15) свадьбы творятъ и на браки призываютъ ереевъ со кресты, а скомороховъ з дудами (41,16); 16) попы вдовцы и другыя жены держатъ, а служатъ, а ныне попы вдовцы постригаются во иноческый чинъ, да служатъ (5,18; ср. гл. 77—81).—Связь статьи съ Стоглавомъ подтверждается еще тѣмъ, что въ рукописи, въ которой она находится, помѣщено также нѣсколько такихъ памятниконъ, которые цитуются въ Стоглавѣ: слово Феодората (Стогл., гл. 31), правило Никейскаго собора, правило Іоанна Милостиваго (гл. 14 и 15) и др. — Относительно прежнихъ владѣльцевъ рукописи издатель статьи о неисправленіяхъ замѣчаетъ: въ 1577 году сборникъ принадлежалъ Рязанскому владыкѣ Леониду и, вѣроятно, достался ему отъ члена Стоглаваго собора Кассіана, предмѣстника его на Рязанской кафедрѣ (*Литон. русск. литер. и дресн.*, т. V, отд. III, стр. 137—139).

въ быту церковномъ, искали ихъ устроить и исправить, и для того писали на соборъ, „изъявляли свой разумъ“. Впрочемъ, кѣмъ бы ни составлена была статья о многихъ неисправленіяхъ, она остается любопытнымъ памятникомъ тѣхъ подготовительныхъ работъ, которыя предшествовали открытію Стоглаваго собора. Къ числу такихъ работъ я нахожу возможнымъ причислить еще одинъ памятникъ. Въ немъ говорится также о многихъ неисправленіяхъ, и указывается потребность устранить ихъ. Я говорю о посланіи къ царю Ивану Васильевичу, которое прежде приписывали митрополиту Даниилу¹⁾, а теперь стали усвоить пону Сильвестру²⁾.

Основаніемъ, почему посланіе къ царю приписывалось именно Даниилу, служило лишь то обстоятельство, что въ рукописи, по которой знакомились съ посланіемъ, оно помѣщено вслѣдъ за посланіями митрополита Даниила³⁾. Шаткость такого основанія ясна сама собою. Недавно пр. Макарій вполне убѣдительно доказалъ, что Даниилъ не могъ быть авторомъ посланія къ царю⁴⁾. Тѣ же, которые авто-

¹⁾ Въ «Обзорѣ русской духовной литературы» о митрополитѣ Даниилѣ замѣчено: «Изъ 13-ти правоучительныхъ посланій, находящихся въ Новгородской Соейской библіотекѣ и у Румянцова (№ 89), послѣднее, къ великому князю Ивану Васильевичу, восхваляла князя, сильно укоряетъ слугъ его за разные пороки, и особенно за содомство» (Обзоръ, § 126). Преосвященный Филаретъ, очевидно, только повторяетъ замѣчаніе Востокова (Описание Румянцевскаго музея. стр. 158). Ср. еще *Карамзина*, т. VIII, прилѣж. 80, съ ссылкой на Исторію Росс. іерархіи, II, XXVIII.

²⁾ См. брошюру «Благовѣщенскій іерей Сильвестръ и его писанія», исследование, начатое *Д. П. Голожастинымъ* въ 1849 г. и доконченное архимандритомъ *Леонидомъ* въ 1873 г. (изъ *Чтеній Общ. Ист. и древн. росс.* за 1874 г.).

³⁾ Рукопись, о которой идетъ рѣчь, принадлежит теперь Петербургской дух. академіи (Соейск. библіот., № 1281). Всѣхъ листовъ въ ней 413 (первые три листа не нумерованные). На первомъ не нумерованномъ листѣ помѣчено: «Сборникъ Седяверстовской, Фотія митрополита поученіе». Далѣе на нумерованныхъ листахъ слѣдуетъ: л. 1, оглавленіе; л. 2 (bis) — 218, поученія и посланія митр. Фотія, числомъ 16; л. 219—220 оставлены чистыми; л. 221—358, посланія митр. Даниила, всего 13; л. 358 об.—382 (всего 46 страницъ) посланіе къ царю и в. князю; л. 382 об. до конца посланія Сильвестра къ князю Горбатову-Шуйскому и неизвѣстному лицу, находившемуся въ опалѣ.

⁴⁾ Пр. Макарій говоритъ: «Въ рукописномъ сборникѣ Новгор. Сое. библ. № 1281, вслѣдъ за тринадцатью сочиненіями Даниила, изъ которыхъ каждое названо въ заглавіи своимъ словомъ (слово 1-е, слово 2-е..., и наконецъ, слово 13-е), и каждое прямо приписывается Даниилу, помѣщено посланіе къ царю Ивану Васильевичу IV, которое потому нѣкоторые усвоютъ Даниилу; — но несправедливо, ибо 1) посланіе это не названо въ заглавіи своимъ словомъ 14-мъ и не

ромъ посланія къ царю называютъ Сильвестра, основываютъ свое мнѣніе на сходствѣ слога этого памятника съ слогомъ другихъ посланій Сильвестра, помѣщенныхъ все въ той же Софійской рукописи, о которой упомянуто выше ¹⁾). Такое сходство дѣйствительно есть. Посланія Сильвестра ²⁾) написаны съ претензіей на краснорѣчіе и

приписывается Даниилу, какъ слѣдовало-бы ожидать, еслибы собирателемъ или переписчикомъ оно было признаваемо за сочиненіе Даниила, на ряду съ другими тринадцатью, помѣщенными прежде; 2) въ то время, когда Даниилъ ужь оставлялъ свою митрополитскую кathedру (это было въ 1539 году; есть указаніе, что онъ и умеръ въ томъ же году), царю Іоанну было едва девять лѣтъ; а въ посланіи кто-то обращается къ царю какъ къ взрослому, изображаетъ предъ нимъ разныя беззаконія Русской земли, вооружается противъ брадобритія и особенно подробно противъ содомскаго грѣха, и убѣждаетъ царя искоренить этотъ грѣхъ, въ двухъ мѣстахъ повторяетъ: «аще искореннии злое се беззаконіе...., безъ труда спасеніи и *прежній свой грѣхъ омыстими*» (Истор. русск. церкви, VII, стр. 360, примѣч. 293). Пр. Макарій предполагаетъ, что авторомъ посланія могъ быть митрополитъ Макарій или Сильвестръ. Къ этимъ замѣчаніямъ слѣдуетъ прибавить еще, что есть рукописи, въ которыхъ посланіе къ царю помѣщено совершенно независимо отъ посланій Даниила. Въ сборникѣ Синод. библиот. № 222/221 л. 308—333, оно носитъ такое заглавіе: «Сказаніе Максима старца Грека горы Синайскія». «Пространное посланіе къ царю», замѣчаетъ г. Невоструевъ, — «имя котораго не означено, но должно быть, Іоанну Васильевичу. *Писано не Максимомъ Грекомъ, а кѣмъ-то изъ Русскихъ*» (Опис. синод. рукоп., отд. II, ч. 3, стр. 628).

¹⁾ «Въ слогѣ этого посланія (то-есть, посланія къ царю) я не усомнился: это слогъ Сильвестра, одинъ и тотъ же и въ посланіи къ сыну Анеиму, удѣльвшемъ при Домостроѣ, и въ посланіи къ князю Александру Борисовичу, и въ послѣднемъ, въ концѣ приписанномъ». Такъ замѣчаетъ г. Кошшинъ, описывавшій въ 1848 году Софійскую рукопись для г. Голохвастова. На мнѣніе Кошшина положились и о. Леонидъ (Сильвестръ и его писанія, стр. 67 и 11).

²⁾ Изъ трехъ посланій, приписываемыхъ Сильвестру (къ царю, къ князю Горбатову-Шуйскому и къ неизвѣстному лицу, попавшему въ оцалу), только въ одномъ, именно въ посланіи къ Горбатову, упомянуто имя Сильвестра («Влаговѣщенской похъ..... Сильвестришко многое метаніе до лица земли простираю»). Поэтому-то митр. Евгенийъ, говоря объ упомянутой выше Софійской рукописи, и дѣлаетъ такое замѣчаніе: «На концѣ оной приписано *одно* посланіе Влаговѣщенскаго попа Сильвестра къ царскому боярину и намѣстнику Казанскому Александру Борисовичу и другое посланіе *нѣкому* къ нѣкоему, впадшему въ несчастіе» (Слов. дух. писат., I, 113, подъ словомъ: Даниилъ). Но въ другомъ мѣстѣ своего словаря Евгенийъ выражается уже иначе: «Въ Новгородской Софійской библиотекѣ между рукописями при посланіяхъ Даниила митрополита на концѣ приписано очень пространное поучительное посланіе отъ Сильвестра, писанное около 1556 года въ Казань къ боярину, Казанскому намѣстнику и воеводѣ князю Александру Борисовичу Горбатову-Шуйскому. Въ *прибавленіи къ сему посланію,*

силу убѣжденія, но автору „Наказанія отъ отца къ сыну“ это удастся плохо. Онъ подбираетъ сравненія и примѣры, дѣлаетъ припоминанія изъ библейскихъ и церковныхъ книгъ, стремится изложить все это

также довольно пространномъ, утѣшаетъ онъ князя о понесенномъ имъ царскомъ гнѣвѣ (Слов., II, 203—204, подъ словомъ: Сильвестръ). Очевидно, Евгений, рѣшившись приписать анонимное посланіе Сильвестру, имѣлъ въ виду то несомненное сходство слога, которое бросается въ глаза во всѣхъ посланіяхъ Сильвестра. Этому благому примѣру Евгений послѣдовали и издатели посланій Сильвестра, г. Н. Барсовъ (Христіанск. чтеніе 1871 г. мартъ, приложение) и о. Леонидъ (Сильвестръ и его писанія, стр. 69—107). Трудъ обоихъ издателей заслуживаетъ, конечно, благодарности всѣхъ занимающихся временемъ Ивана IV, но вполне удовлетворительнымъ нельзя назвать ни того, ни другого изданія. Г. Барсовъ издалъ только два посланія, въ кн. Горбатову и къ неизвѣстному. При этомъ онъ не далъ намъ никакихъ объясненій, почему именно онъ рѣшился послѣднее посланіе приписать Сильвестру, и почему также въ неизвѣстномъ лицѣ, къ которому обращено это посланіе, онъ хочетъ видѣть того же князя Александра Борисовича, къ которому обращено предшествующее посланіе. Текстъ посланія г. Барсовъ чѣтаетъ и поправляетъ не всегда удачно: (См. наприм., стр. 17: «уне богату мясь своихъ урѣзати» и пр.; стр. 20: «да некогда узрять очима»; стр. 26: «отъ гнонца устрабляй (этого слова г. Барсовъ не разобралъ) богата»; ср. въ изд. о. Леонида стр. 93, 95, 98). Вмѣсто поправки въ текстъ приводимыхъ Сильвестромъ мѣстъ изъ библейскихъ книгъ лучше было бы слѣдить эти мѣста съ текстомъ самыхъ этихъ книгъ по древнимъ спискамъ. Въ предисловіи и примѣчаніяхъ къ своему труду г. Н. Барсовъ допустилъ также нѣсколько немаловажныхъ ошибокъ: 1) По поводу словъ Сильвестра о побѣдѣ кн. Горбатаго надъ татарскими отрядами, застѣвшими въ Арскомъ лѣсу, и о взятіи имъ Арскаго острога, г. Барсовъ замѣчаетъ, что извѣстія объ этихъ подвигахъ князя Горбатаго нѣтъ у Курбскаго, «единственнаго (?) историка» Казанскаго похода 1552 года (стр. 3, 14). Лѣтописное сказаніе о взятіи Казани, очевидно, забыто. Кромѣ того, нужно замѣтить, что а) Сильвестръ говоритъ не объ одной (какъ кажется г. Барсову), а о двухъ побѣдахъ кн. Горбатаго, именно о побѣдѣ надъ Татарами, скрывавшимися въ Арскомъ лѣсу (30-го августа), и объ удачномъ походѣ на Арскій городокъ, который былъ взятъ и разрушенъ русскими войсками (6-го сентября), и что б) о той и другой побѣдахъ *подробно* разказывается и у Курбскаго, и въ лѣтописи (Сказан. Курбскаго, изд. 3-е, стр. 21—24; Никон. лѣт., VII, стр. 161—162, 165—166).—2) Учрежденіе Казанской епархіи г. Барсовъ относитъ къ 1553 году, «по вычисленію», какъ онъ говоритъ, — «Карамзина, который слѣдуетъ въ этомъ случаѣ Никоновской лѣтописи. Преемъ Филаретъ», продолжаетъ издатель, — «относитъ учрежденіе Казанской епископіи (нужно бы сказать архіепископіи) еще къ болѣе позднему времени къ 1555 г.» (стр. 6). Это замѣчаніе сдѣлано совершенно напрасно. Никакихъ разногласій относительно времени учрежденія Казанской епархіи и посвященія Гурія нѣтъ и быть не можетъ. Гурій сдѣланъ архіепископомъ въ 1555 (7063) году. Такъ говоритъ и лѣтописецъ (Никон., VII, стр. 231, 245—246), и приговоръ объ отправ-

въ связной рѣчи, но изъ всѣхъ этихъ попытокъ получается вмѣсто краснорѣчія какое-то вялое и скучное многословіе, въ которомъ съ трудомъ можно выслѣдить развитіе основной мысли. Убѣдительность

ленія Гурія въ Казань (А. Арх. Д., I, № 241). У Карамзина просто опечатка—3) Въ посланіи Сильвестра упоминается Свіязскій протопопъ («книжка соборная есть списана въ Новомъ городѣ Свіязскомъ у протопопа», стр. 19). Этого свіязскаго протопопа г. Варсовъ сѣдшалъ съ архангельскимъ протопопомъ Тимошеемъ, который въ 1552 году ѣздилъ въ Свіязскъ съ посланіемъ митрополита, написаннымъ по поводу болѣзни, отрывшейся въ Свіязскомъ войскѣ (стр. 6, 7, 19). Тимошее не остался протопопомъ въ Свіязскѣ. Онъ отправился изъ Москвы 21-го мая 1552 г., а въ началѣ іюля уже оставилъ Свіязскъ. 8-го—9-го іюля Тимошеемъ, на обратномъ пути изъ Свіязска, встрѣтился во Владимірѣ съ царемъ Иваномъ, который, выслушавъ отъ него разказъ о положеніи дѣлъ въ Свіязскѣ, отпустилъ его въ Москву, гдѣ Тимошеемъ и продолжалъ свою службу. Въ Свіязскѣ при церкви Рождества, былъ свой протопопъ (Никон. лѣт., VII, 107, 114, 129—130, 232, 148).—4) Казань окончательно сдана (1552 г.) Русскому царю въ правленіе не Утемишъ-Гирея (царств. съ марта 1549 года до августа 1551 г.), какъ утверждаетъ г. Варсовъ (стр. 13), а Едигера-Магмета, который былъ потомъ крещенъ и названъ Семеномъ, о чемъ упоминаетъ и Сильвестръ («царя Казанскаго Едигенаря, нареченнаго во святомъ крещеніи Семіона.... св. крещеніемъ освятить», стр. 14).—5) Г. Варсовъ полагаетъ, будто бы такъ называемое право печалованія «совсѣмъ исчезаетъ въ русской церкви, послѣ того какъ Грозный, въ отвѣтъ на одно изъ ходатайствъ митрополита Филиппа, отвѣчалъ: едино глаголю тебѣ, отче: молчи» (стр. 3). Издатель, очевидно, имѣетъ въ виду извѣстный разказъ житія св. Филиппа. Но благочестивая легенда, сложенная въ XVII вѣкѣ, какъ понятно само собою, не можетъ имѣть никакого значенія при рѣшеніи вопроса о существованіи или несуществованіи права печалованія въ XVI вѣкѣ. Извѣстно напротивъ, что печалованіе повторялось и послѣ Филиппа. Такъ въ 1571 году, по ходатайству митр. Кирилла и другихъ церковныхъ сановниковъ, царь простилъ князя Ивана Мстиславскаго (*Соловьева*, Ист. Росс., VI, стр. 235). Печалованіе мало вообще могло стѣснять государственную власть. Поэтому не удивительно, что иногда московское правительство даже поощряло печалованіе, узаконило его (см. указъ Гурію Казанскому). Но важно и интересно то, что въ XVI вѣкѣ старинный обычай печалованія уже выходилъ изъ общественныхъ нравовъ, казался иногда нравственно-неудобнымъ. Припомнимъ, съ какимъ самодовольствомъ кн. Курбскій замѣчаетъ царю Ивану: «Не испросихъ умиленными глаголы, въ умолихъ тя многослезнымъ рыданіемъ и не исходатайствовахъ отъ тебя никоеякъ милости архіерейскими чинами» (Сказан. Курбск., изд. 3-е, стр. 132—133).—Другому издателю посланій Сильвестра, о. Леониду, также нужно сдѣлать нѣсколько упрековъ: 1) Въ посланіяхъ Сильвестра приводится много отрывковъ изъ разныхъ библейскихъ книгъ. Эти отрывки следовало-бы отмѣтить, указавъ, откуда именно они взяты. Такія указанія облегчили-бы изученіе тѣхъ частей посланія, которыя принадлежать собственно Сильвестру, и кромѣ того, наглядно знакомили бы

выражается у Сильвестра лишь въ постоянномъ возвращеніи къ одной и той же мысли, въ постоянномъ повтореніи однихъ и тѣхъ же выраженій¹⁾. Эти повторенія также утомительны при чтеніи посланій какъ и путаница изложенія. Такое впечатлѣніе вынесетъ, мнѣ кажется, всякій, кто рѣшится прочесть посланіе къ кн. Горбатову-Шуйскому и посланіе къ царю одно за другимъ. Въ рукописи Софійской оба эти посланія помѣщены подъ-рядъ, что также имѣетъ нѣкоторое значеніе для подтвержденія той мысли, что посланіе къ царю принадлежитъ Сильвестру. Конечно, основанія такого рода, какъ сходство слога, не имѣютъ въ себѣ рѣшающей силы, это—*argumentum ad hominem*. Но я и не настаиваю на авторствѣ Сильвестра, и если дальше и буду называть посланіе къ царю посланіемъ Сильвестра, то просто лишь для удобства обозначенія.

Относительно времени, когда составлено посланіе къ царю, и обстоятельство, при которыхъ оно появилось, на основаніи самаго памятника можно сказать слѣдующее: 1) Посланіе составлено въ такое время, когда царь Иванъ былъ еще молодъ, но уже послѣ его царскаго вѣнчанія и брака съ Анастасіей, то есть, послѣ февраля 1547 года²⁾.—

сѣ его авторскою манерой. — 2) Отъ московскаго издателя можно было ожидать, что текстъ посланія къ царю, приготовленный по Софійской рукописи, онъ свѣрять съ текстомъ, представляемымъ синодальною рукописью № 935 (ср. примѣч. 31).—3) На основаніи того, что въ посланіи къ царю упоминается о великихъ московскихъ пожарахъ, о. Леонидъ заключаетъ, что посланіе писано «въ эпоху пожаровъ» (стр. 14). Это не совсѣмъ точно. Изъ упоминавшаго о пожарахъ можно вывести только то, что посланіе составлено послѣ пожаровъ. Мы увидимъ, что есть основаніе отнести составленіе посланія къ нѣскольکو позднѣйшему времени, именно къ 1550 году.—4) Составленіе Сильвестромъ «Наказанія къ сыну» о. Леонидъ относитъ къ 1552 году и основываетъ на этомъ нѣкоторые выводы (стр. 48). Но въ Наказаніи сыну мы читаемъ: «Въ домъ свой ихъ (священниковъ) призывай молитися о здравіи за царя и государя, и за царицу, и чада ихъ, и за братію его, и за вся христіане» (Домострой, изд. Кожанч., стр. 145). Упоминаніе чадъ царскихъ указываетъ, что наказаніе составлено не ранѣе 1556—1557 гг. Въ началѣ 1556 года у царя былъ одинъ сынъ Иванъ; въ февралѣ этого года родилась царица Евдокія (ум. въ іюлѣ 1558 г.), въ маѣ 1557 года родился царевичъ Ѳеодоръ (ср. еще примѣч. 35).

¹⁾ «А тебѣ, великому государю, которая похвала? Въ твоей области толико множество божіихъ людей заблудиша». Это выраженіе повторяется въ посланіи къ царю разъ шесть (въ изд. о. Леонида, стр. 79, 80, 81, 82, 84).

²⁾ «Якоже малый вѣнчанный Давидъ въ дому отца своего помазанъ пророкомъ Самовломъ, такоже и ты во юности на царствіи Богомъ утверженъ еси... И симъ образомъ творя, много поживеши лѣтъ, и приложатъ ти ея лѣта жи-

2) Говоря о казняхъ Божіихъ на Русскую землю, Сильвестръ выражается такъ: „Слезн, и стенаніе, и вопль ихъ (обиженныхъ) Господь услыша и посла *млодъ* на землю, и морь, и всякому богатству, и плоду земному, и скоту, и звѣремъ, и птицамъ, и рыбамъ всему оскудѣніе дарова, и *пожары великіе* и межъусобныя брани“. Это указываетъ, что посланіе явилось послѣ знаменитыхъ пожаровъ 1547 г., въ то голодное время, которое продолжалось чуть ли не черезъ всѣ пятидесятые годы XVI столѣтія. О голодѣ, какъ о бѣдствіи современномъ, упоминаетъ царь Иванъ въ своемъ посланіи къ Стоглавому собору ¹⁾.—3) Къ тому времени, когда писалось посланіе, молодой царь усилъ выказывать себя „умительнымъ всему и *супротивнымъ храбримъ*“, хотя все еще оставалось желать „да разсыплютци *страны поганскія*, хотящія браземъ“. Ясно, что посланіе явилось до взятія Казани, то есть, до 1552 года; а первый ратный подвигъ Ивана — это Казанскій походъ 1549—1550 г. ²⁾.—4) Сильвестръ обращается къ

воту и воздасть ти Господь Богъ плодъ животный, и отъ чрева твоего истекутъ рѣки воды живы, и отъ чреслъ твоихъ изыдутъ сѣмена плодovitа, яко пророкъ рече: блаженъ еси, добро тебѣ будетъ, жена твоя, яко лоза плодovitа въ странахъ дому твоего, сынове твои яко новосажденна окрестъ трапезы твоя», (стр. 69 и 78 по изд. о. Леонида). Эти слова Сильвестра, это пожеланіе царю большаго потомства въ будущемъ указываютъ на раннюю пору въ брачной жизни Ивана. Первые дѣти царя Ивана умирали очень рано. Царевна Анна, первое дитя Анастасія, родилась въ августѣ 1549 г., умерла въ іюлѣ 1550 г.; Марія родилась въ мартѣ 1551 г., умерла въ декабрѣ того же года; царевичъ Дмитрій родился въ октябрѣ 1552 г., умеръ въ іюнѣ 1553 г. Въ мартѣ 1554 г. родился царевичъ Иванъ; это былъ первый ребенокъ, который остался жить.

¹⁾ Соответствующее мѣсто изъ Стоглава будетъ приведено ниже. Голодъ, о которомъ говорятъ Сильвестръ и царь, продолжался потомъ въ теченіе многихъ лѣтъ. Въ 1557 году митр. Макарій писалъ: «Не токмо здѣ, во царствующемъ градѣ Москвѣ, но и по всѣмъ градамъ и по волостемъ и всемъ всего Русійскаго царства *по которме мнѣ хлѣбъ не родится*» (Доп. къ А. И., I, № 221).

²⁾ До 1552 г. Иванъ Васильевичъ участвовалъ въ двухъ походахъ противъ Казани. Первый изъ этихъ походовъ, зимою 1547—1548 (7056) года, былъ рѣшительно неудаченъ. Царь дошелъ только до острова Работка (недалеко отъ Нижняго); началась «теплота велика и мокрота многая», и онъ «со многими слезами» вернулся назадъ (Никон. лѣт., VII, 60—62). Второй походъ, зимою 1549—1550 г. (7058), оказался столь же безуспѣшнымъ, но царь дошелъ по крайней мѣрѣ до Казани и стоялъ подъ нею 11 дней (*ibid.*, 66—69; ср. выше примѣч. 13). О послѣднемъ походѣ кн. Курбскій говоритъ такъ: «Самъ царь, возревновалъ ревностію, началъ противъ враговъ самъ ополчати своею главою и собирати себя воинство множайшее и храбрѣйшее, и не похотяше покою наслаждатися, въ прекрасныхъ палатахъ затворясь пребывать.... но подвига многожды самъ,

царю съ такими словами: „Ты, великій государь, всякаго зла нена видяще, *татей и всякихъ михихъ обмичаеши и всякую неправду изводиши* и нещадиши во всемъ“ (стр. 80). Здѣсь можно видѣть намекъ на работы по исправленію судебника и установленію губныхъ старостъ, то-есть, на 1550 годъ.—5) Посланіе къ царю явилось до Стоглаваго собора. Оно старается обратить вниманіе царя на такіе именно пороки и безпорядки, которые на соборѣ были разсмотрѣны, и противъ которыхъ приняты были нѣкоторыя мѣры. Итакъ, посланіе къ царю составлено не ранѣе 1547 и не позже 1552 года, всего вѣроятно—въ 1550 г. Что касается автора посланія, то онъ представляется человѣкомъ очень близкимъ къ царю, очень вліятельнымъ: онъ говоритъ смѣло, даже фамиліарно.

Большая часть посланія посвящена обличенію неопратнаго порока, который былъ очень распространенъ у насъ въ старое время, когда въ кругу богатыхъ людей юные красавцы замѣняли часто общество веселыхъ женщинъ. Но въ заключительной части посланія къ этому обличенію присоединено указаніе на цѣлый рядъ еще другихъ пороковъ и уклоненій отъ церковныхъ правилъ. Эта-то заключительная часть посланія представляетъ большое сходство съ нѣкоторыми мѣстами въ царскихъ посланіяхъ и вопросахъ, предложенныхъ на соборѣ 1551 года. Для доказательства этого сходства представляю выдержки изъ посланія и Стоглава.

Посланіе.

Воста убо въ насъ ненависть, и гордость, и вражда, и маловѣріе къ Богу, и лихоимство, и грабленіе, и насиліе, и лжа, и клевета, и лукавое умшленіе на всяко зло, наче всего блудъ, и

Стоглавъ.

Да и о нихъ тяжкихъ винахъ духовно бесѣдовать довлѣеть, за что гнѣвъ Божій приходитъ на землю сію и всякіе казни праведнаго гнѣва Божія, да не до конца прогнѣвается

не щадячи здравія своего, на сопротивнаго и горшаго своего супостата царя Казанскаго: единою въ лютую зину, аще и не вьялъ мѣста отъ него главнаго, сирѣчь Казани града, и со тцетою немалою отойде, но всяко *не сокрушилось ему сердце* и воинство его храброе, укрѣпляющу Богу оными совѣтниками его» (Сказан., изд. 3-е, стр. 12). Обиждавшая Ивана въ Божьей помощи противъ враговъ, Сильвестръ указываетъ на примѣры еврейскаго царя Езекии, Византійскихъ императоровъ Константина Погоната и Льва Исавра, наконецъ упоминаетъ о побѣдѣ вел. кн. Ивана Васильевича надъ Ахматомъ (стр. 70 — 71). Отсюда нельзя опять не заключить, что Сильвестръ писалъ въ такое время, когда въ дѣятельности самого царя Ивана онъ не могъ еще указать примѣра подобной славной побѣды, то-есть, во время, предшествующее взятію Каяани.

любодѣянїе, и прелюбодѣянїе, и содомскій грѣхъ и всякая скверна и нечистота.

Преступникомъ заповѣдь Божию, возненавидѣхомъ по созданію Божию свой образъ и строимся женскою подобію, на прелесть блудникомъ: главу, и браду, и усъ бреемъ; ни по образу, ни по одѣянію, ни по дѣламъ.

Кленемся имянемъ божїимъ во лжу.

Къ церквамъ божїимъ не на молитву сходимся, паче на гнѣвъ Бога воздвигаемъ, блудники прелшаемъ, не очищаемся отъ грѣхъ, токмо стоящимъ со страхомъ на соблазъ; ни прощенїя во всякихъ злобахъ не творимъ, ни молитвы теплыя къ Богу не всылаемъ о своихъ грѣсѣхъ.

Нѣсть на насъ истиннаго крестнаго знаменїя по существу, персты управити по чину, и т. д.

Какїи казни и всякія наказанїя господь наведе грѣхъ ради нашихъ, ово плѣненїе юганыхъ, безпрестанн сѣча, и кровопролитїе, и церквамъ Божїимъ разоренїе, и всякіе святїни попраїе, и истощенїе, и пожженїе, и всякіе

Богъ. Наказуетъ милостїю и ждетъ нашего покаянїя и обращенїя отъ всякихъ золъ, паче же отъ блуда любодѣяннаго, прелюбодѣяства и содомства, неправеднаго суда, гордости, зависти ¹⁾.

Да по грѣхомъ слабость, и небреженїе, и нерадѣнїе вниде въ мїръ въ нынѣшнее время; нарицаемся хрїстіяне, а въ тридцать лѣтъ и старыи главы и брады брѣютъ и усы, и платье и одежи иповѣрнрыхъ земель носятъ, почему знати хрїстіянина ²⁾.

Кленутся имянемъ Божїимъ во лжу всякими клятвами, и лають безъ зазору всегда всякими укoriaзнами неподобными ³⁾.

Да по грѣхомъ безстрашіе воплю въ люди: въ церквахъ Божїихъ въ соборныхъ и приходскихъ стоятъ безъ страха въ табулахъ и въ шанкахъ и съ носохъ. Якоже на торжищѣхъ, или на позорищѣхъ, или на пїру, или яко въ корчемницѣхъ, и говоръ, и ропоть, и всякое прекословіе, и бесѣды, и срамныя словеса; пѣнїя божественнаго не слышно въ шумленїи, церковь бо Божїя устроена на молитву приходити и на оставленїе грѣховъ, со страхомъ Бога молити, а мы же паче на гнѣвъ Бога подвигаемъ ⁴⁾.

И крестное знаменїе не по существу, отцы духовные о семъ не радятъ и не поучаютъ ⁵⁾.

Какїихъ казней не посла на насъ Богъ, приводя насъ на покаянїе, ово плѣненїемъ, и святыхъ церквей разоренїемъ и попраїемъ всякой святїни, и многобезчисленнымъ кровопролитїемъ, и пожженїемъ, и истоще-

¹⁾ Стоглавъ, гл. 5, вопр. 29; ср. гл. 33.

²⁾ Стоглавъ, гл. 5, вопр. 25; ср. гл. 40.

³⁾ Стоглавъ, гл. 5, вопр. 27.

⁴⁾ Стоглавъ, гл. 5, вопр. 21; ср. гл. 39.

⁵⁾ Стоглавъ, гл. 5, вопр. 26; ср. гл. 31 и 32.

священническіе, и иноческія, и христіанскіе души, и князей, и боляръ, и всякаго возраста челоѣческаго плѣнша, и поругаша, и оскверниша. Нѣсть имъ помилующаго, ни заступающаго, а оставльшихся силеніи сами своихъ плѣнша, и поругаша, и всякии насиліи, лукавыми коварствы мучиша.

Слезы, и стенованіе, и вопль ихъ Господь услыша и посла гладъ на землю, и моръ, и всякому богатству и плоду земному, и скоту, и звѣремъ, и птицамъ, и рыбамъ, всему оскудѣніе дарова, и пожары великіе и межъусобныя брани ¹⁾.

Впрочемъ для указанія связи посланія къ царю со Стоглавомъ важно не столько сходство отдѣльныхъ мѣстъ того и другаго памятника,

¹⁾ Соевѣск. рукоп. № 1281, л. 380, 381 (въ изданіи о. Леоніда стр. 86—87). Ср. въ Домострой: «Благій челоѣколюбецъ Богъ, не терпя въ челоѣцѣхъ такихъ злыхъ нравовъ и обычаевъ и всякихъ неподобныхъ дѣлъ, якоже чадолубивый отецъ, скорби и бѣдами спасаетъ и ко спасенію приводитъ. Аще не обратятся и не покаются отъ злыхъ дѣлъ, наводитъ на насъ, грѣхъ ради нашихъ, овогда моръ, овогда гладъ, овогда пожаръ, овогда плѣненіе и посѣченіе отъ поганыхъ и градовъ разореніе и церквамъ Божиимъ и всякой святныи потребленіе,.... ово бездождіе, ово безвременный дождь, и нестройное лѣто, и негодна зима, и лютые мразы и земли безплодіе, и всякому скоту животному падежъ и звѣремъ, и птицамъ, и рыбамъ и всякому обилію скудость» (Домострой изд. Кожанчикова стр. 17—18).

²⁾ Стоглавъ, гл. 3, стр. 9—10 и 11 по Лондонск. изд.).

ніемъ, и въ плѣвъ расхищеніемъ всякаго священническаго чина и иноческаго, князей же и боляръ, и всякаго христіанскаго рода мужска полу и женска; раздѣяны по лицу всея земли, и осквернены всякими нечистотами, всякими страданіями и муками томими и смертемъ предаваемы. И сими великими казньми въ покаяніе не внидохомъ, сами же междуусобствіе злое сотворихомъ, и бѣднимъ христіанамъ всякое насильство чинихомъ. Милосердъ же Господь за премногія грѣхи наша наказуя насъ, ово потопомъ, ово моромъ и различными болѣзньми и бѣдами; и никакоже тѣмъ наказахомся, и посла на ны Господь тяжкія и великія пожары, и тѣми вся злая наша собранія потреби, и прародительское благословеніе огнь пояде, паче же всего святныи церкви Божіа и многія великія и неизреченныя святныи мощи и много безчисленное народа людска.

Попустилъ на насъ Богъ многую скудость всякому плоду земному, такжеже скотомъ, и птицамъ, и прочему изобилію и всякому стяжанію ²⁾.

скільки общая тенденція посланія. „Ты, великій государь“, пишесть Сильвестръ, — „всякаго зла ненавидиши, татей и всякихъ лихихъ обличаеши, и всякую неправду изводиши, и не щадиши во всемъ, а сихъ студоложныхъ попуцаеши, отъ чего всей земли погибнути“ (стр. 80). Далѣе, указавъ на замѣченныя имъ пороки и безпорядки, авторъ посланія замѣчаетъ: „Вся сія законопреступленія хоцетъ Богъ тобою исправити и отъ грѣха всѣхъ свободити“ (стр. 87). Такимъ образомъ, цѣль автора посланія ясна: онъ хоцетъ внушити царю, что, кромѣ неправосудія, татьбы и другихъ лихихъ дѣлъ, есть еще на Руси много другихъ неурядиць, которыя нуждаются въ такихъ же мѣрахъ пресѣченія, какъ и преступленія, указанныя вышо. Для примѣра авторъ и указываетъ на нѣсколько пороковъ. Та же цѣль ставилась и Стоглавому собору. Его можно назвать плодомъ тѣхъ же стремленій и заботъ, какія высказывалъ предполагаемый Сильвестръ.

Что касается самыхъ пунктовъ, на которые обращали вниманіе Артемій, Кассіанъ, Сильвестръ, то они не представляютъ чего нибудь новаго. Ненсправленія, о которыхъ они говорятъ, давно существовали на Руси и давно стали предметомъ обличеній со стороны благочестивыхъ и заботливыхъ людей. Въ этомъ смыслѣ вопросы, предложенные на Стоглавомъ соборѣ, имѣють за собой длинную исторію, которая восходитъ до знаменитаго собора 1274 года. Но для изученія собственно Стоглаваго собора нѣтъ нужды восходить такъ далеко. Довольно припомнить болѣе близкія событія, съ которыми Стоглавъ стоитъ въ прямой исторической связи. Таковы: обстоятельство, вызвавшія и сопровождавшія соборъ 1503 — 1504 года; споры заволжскихъ старцевъ съ Іосифлянами; обличительное направленіе церковной письменности въ первой половинѣ XVI вѣка; дѣятельность Максима Грека. Борьба направленій и интересовъ, выяснившася въ этихъ историческихъ явленіяхъ, нашла себѣ мѣсто и въ исторіи Стоглаваго собора... ¹⁾.

¹⁾ Великій, кто прочтетъ сочиненія этого замѣчательнаго писателя (то-есть, Максима) и послѣ нихъ Стоглавъ, не можетъ не замѣтити вліанія не только мыслей, но даже иногда какъ будто выраженій Максима на мысли и выраженія царя Іоанна въ его вопросахъ собору.... Сколько, напримѣръ, сходства, — если сравнить только написанное о духовенствѣ, въ особенности о монашествующихъ, у пр. Максима и въ Стоглавъ (*Русская Вѣсѣда*, 1858, IV, отд. III, стр. 13—14). Такъ замѣчаетъ г. И. В. Баллаевъ, — и нужно прибавити — совершенно основательно. Подготовка Стоглаваго собора шла именно отъ людей того направленія, виднымъ представителемъ котораго былъ Максимъ. Таковы и Кассіанъ, и Ар-

III.

Посланіе Сильвестра оканчивается слѣдующею любопытною припиской: „Сіе убо писаніе прочеть, и разсуди себѣ и *умолчи до времени*: благоволитъ Богъ, въ духовнѣ совѣтѣ откровенно ти будетъ на радость души твоей“. Это напоминаніе нужно сопоставить съ тѣмъ упрекомъ игумена Артемія царю, о которомъ упомянуто было выше. Припомнимъ, что Артемій жалуется на педскромность и непостоянство царя: то, что сообщалось ему въ надеждѣ на сохраненіе тайны, стало предметомъ неблагопріятныхъ толковъ, вызывало вражду и грозило опасностію. Опасенія чего-то тревожили и автора посланія. Мы догадываемся, такимъ образомъ, что около молодого царя собрался тѣсно сплоченный кружокъ людей, которые рассчитывали, подѣйствовавъ на царя своими интимными увѣщаніями и рѣчами, осуществить при помощи его власти то, что имъ казалось полезнымъ для государства и церкви. Едва ли нужно добавлять, что въ этомъ кружкѣ, который дѣйствуетъ вблизи Грознаго въ началѣ 50-хъ годовъ, въ которомъ мы видимъ Артемія и предполагаемъ видѣть Сильвестра, безъ труда узнается то, что Курбскій называетъ „избранною радой“. Но отчего жъ эта рада чего-то боится? Зачѣмъ она старается дѣйствовать не гласно, какъ будто прячется за царя? Такой образъ дѣйствій кажется рѣшительно непопымымъ, если мы сопоставимъ его съ обычными представленіями о могущественномъ вліяніи Сильвестра и Адашева на царя Ивана. Но въ томъ-то и дѣло, что въ этихъ представленіяхъ много преувеличеннаго и неточнаго. Вліяніе Сильвестра и его друзей было далеко не такъ велико и не такого рода, какъ оно рисуется въ этихъ представленіяхъ. Вотъ почему, при всемъ своемъ вліяніи, кружокъ Сильвестра имѣлъ самыя основательныя причины быть осторожнымъ и дѣйствовать по возможности тайно. Причины того скрываются въ характерѣ царя, въ тѣхъ его особенностяхъ, на которыя намекалъ Артемій. Чтобъ уяснить все значеніе этихъ намековъ, мы должны сдѣлать въ нашемъ изложеніи нѣкоторое отступленіе.

Въ лицѣ царя Ивана Васильевича мы встрѣчаемся съ страннымъ, но любопытнымъ образомъ человѣческой природы. Никто не от-

темій, и Сильвестръ. Къ сожалѣнію, о прямомъ участіи Максима въ дѣятельности Стоглаваго собора мы не имѣемъ никакихъ указаній.

кажеть Грозному въ умѣ и талантливости, но эти умъ и талантливость остались въ немъ чѣмъ-то не удавшимся, чѣмъ-то не приложимымъ, точно капиталъ, который не умѣли помѣстить. Такая неудача имѣла много причинъ. Сирота и самодержавный царь съ тѣхъ поръ, какъ началъ себя помнить, Ивась Васильевичъ не имѣлъ въ своей жизни—цѣлаго періода, того періода, когда получается навыкъ къ серьезному и полезному труду; ему не пришлось испытать на себѣ какихъ бы то ни было правильныхъ воспитательныхъ и образовательныхъ вліяній: „Азъ возрастахъ въ небреженіи и въ ненаказаніи отъ отца и матери моихъ, якоже подобаеть отцу чадолюбцу наказати, и навыхохъ ихъ (окужаншихъ бояръ) злокозненныхъ обычаевъ“, говорилъ самъ Иванъ на Стоглавомъ соборѣ ¹⁾. Правда, у Ивана Васильевича было постоянное стремленіе восполнить какъ-нибудь недостатокъ своего образованія. Стремленіе это представляетъ, безъ сомнѣнія, лучшую черту его характера. Иванъ умѣлъ цѣнить знаніе, умѣлъ сохранять въ себѣ пытливость живаго и дѣятельнаго ума. Онъ охотно толковалъ со свидующимъ человекомъ; онъ много читалъ, и благодаря своей талантливости, много помнилъ изъ прочитаннаго. Но къ сожалѣнію, изъ всѣхъ этихъ усилій выходило мало полезнаго. Его чтеніе было совершенно беспорядочно и не давало прочныхъ и полезныхъ знаній ²⁾. За то рано узнавалъ онъ много такого, съ чѣмъ опасно знакомиться въ слишкомъ нѣжномъ возрастѣ. Среди придворныхъ интригъ и переворотовъ, въ сферѣ лести, коварства и борьбы своекорыстныхъ интересовъ люди рано открылись ему съ самыхъ непри-

¹⁾ Стоглавъ, гл. III.

²⁾ Едва достигнувъ двадцати лѣтъ, Иванъ слылъ ужъ у современниковъ большимъ начетчикомъ. Митр. Макарій въ отиѣвѣ о церковныхъ имуществѣхъ обращается къ Ивану, какъ къ человеку «вся божественная писанія въ конецъ свидующу и на языкѣ посицу не человѣческимъ поученіемъ, но данною отъ Бога премудростію». Люди болѣе искренніе говорили иначе. Около 1552 г. игуменъ Артемій такъ писалъ царю о чтеніи полезныхъ книгъ: «Ни единою сію, ниже дважды, но множицею и не мимошественне прочтеша, и аще чего не можеша разумѣти, молися Богу, да вразумитъ тя; не срамляйся невѣдѣніемъ, съ всяцѣмъ тщаніемъ въпроси вѣдущаго, подобаеть убо учитися безъ стыденія, ниже учити безъ зависти; никто же бо не учився можетъ что разумѣти» (Рукоп. Унд., № 494, л. 155). Иванъ любилъ выказывать свои знанія; его называли риторомъ словенской премудрости. Но въ этой премудрости было мало проку для его государственной дѣятельности. Предки Ивана были, конечно, невѣжественнѣе его; они не пускались въ споры съ иновѣнными богословами,—за то у нихъ была практическая тактъ и знаніе людей, чего не доставало Ивану.

влекательныхъ и грязныхъ своихъ сторонъ. Понятно, что онъ не научился цѣнить ихъ. Напротивъ, встрѣчаясь въ окружающемъ либо съ наглымъ застрачиваніемъ, либо съ коварнымъ подслушиваніемъ, онъ скоро пришелъ къ убѣжденію, что людей можно только бояться и презирать. А ранній развратъ Ивана... При этомъ юномъ, пылкомъ разгулѣ, при этомъ рядѣ грубыхъ, но сильныхъ удовольствій не оставалось ни времени, ни способовъ для накопленія въ душѣ тѣхъ устойчивыхъ нравственныхъ навыковъ, совокупность которыхъ образуетъ основу человѣческаго характера. Что-то измѣнчивое и непостоянное, что-то ребяческое и капризное должно было остаться при этомъ въ душѣ на всю жизнь. Поэтому-то въ такихъ людяхъ, какъ царь Иванъ Васильевичъ, наблюдателя поражаетъ смѣшеніе самыхъ рѣзкихъ противоположностей, чередованіе самыхъ пестрыхъ настроеній.

Безпорядочная жизнь Ивана въ молодости, жизнь разгульная, но малоотрадная, оставила въ немъ глубокіе, неизгладимые слѣды (отъ привычекъ этой жизни Иванъ не могъ отказаться во всю свою жизнь), но затянуть его вполне она не могла. Талантливый и самолюбивый, поставленный притомъ же судьбой въ центрѣ обширной государственной дѣятельности, онъ не могъ найти себѣ въ такой жизни ни полного простора, ни полного забытія. Раскрывалась потребность иной, болѣе разумной и болѣе удовлетворяющей жизни. Но удовлетвореніе этой потребности представляетъ, обыкновенно, такую сложную и трудную задачу, разрѣшить которую рѣдко удается человѣку. Немногимъ бываетъ возможно сдѣлать въ своей жизни крутой поворотъ, разомъ покончить съ прошлымъ и броситься въ будущее со всѣмъ новымъ человѣкомъ ¹⁾). Для этого нужно стеченіе совершенно-

¹⁾ Впрочемъ порывы къ крутому повороту въ жизни необходимы въ такихъ людяхъ, какъ царь Иванъ Васильевичъ. Припомнимъ извѣстный рассказъ его о томъ, какъ онъ чуть было не постригся въ Кирилловъ монастырь: «Отъ темноты ми мрачности малу зарю свѣта Божія въ помыслъ моемъ восприяхъ и повелѣхъ тогда сущему преподобному вашему игумену Кириллу съ нѣкоими отъ васъ братіи нѣгдѣ въ келіи сокреснѣи быти, самому же такоже отъ митажа и лица мірскаго упразднившуся... И азъ грѣшный вамъ извѣстихъ желаніе свое о постриженіи и искушахъ окаанный вашу святыню слабыми словесы. И вы извѣстите ми о Бозѣ крѣпостное житіе; и якоже услышахъ сіе божественное житіе, ту абіе возрадоса съверное мое сердце со окаанною моею душею, яко обрѣтохъ узду помощи Божія своему невоздержанію и пристанище спасенія... И вамъ моливованшимъ, азъ же окаанный преклонихъ съверную свою главу и припадохъ къ честнымъ стопамъ преподобнаго игумена тогда сущаго, ва-

исключительныхъ обстоятельствъ, развитіе необычнаго настроенія. Открывается, обыкновенно, выходъ болѣе простой и болѣе удобный. Хорошо одареннымъ натурамъ присуща потребность нравственнаго движенія, потребность живой и самостоятельной дѣятельности. Въ такое время, когда человѣкъ испытываетъ чувство пустоты и недовольства, когда онъ ищетъ для себя новыхъ условій жизни, эта потребность сказывается, конечно, съ особенною силою. Такъ было и съ царемъ Иваномъ Васильевичемъ. Въ его царствованіе случаи, когда онъ выказывалъ какую-то особенную, порывистую энергію, повторялись какъ будто периодически. Но тутъ-то прошедшее и давало почувствовать свою силу. Иванъ Васильевичъ не успѣлъ пріобрѣсти себѣ ни привычки къ труду, ни вѣрнаго пониманія людей, ни умѣнья выбирать средства для достиженія своихъ цѣлей. Въ умѣ Ивана не развилось той смѣлой организующей силы, того простаго и яснаго взгляда на дѣйствительность, которые составляютъ особенность всѣхъ истинныхъ общественныхъ дѣятелей. Среди условій всякой новой жизни, которой Иванъ отдавался, по видимому, съ такою рѣшительностію, онъ искалъ собственно того, къ чему уже привыкъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ,—легкаго и быстраго успѣха, ряда сладкихъ, утѣшительныхъ состояній, видной и блестящей роли. То, что отзывалось напряженіемъ и борьбой, что требовало ряда опытовъ и наблюденій, то есть, все, что составляетъ существеннѣйшую часть всякой человѣческой дѣятельности, онъ склоненъ былъ предоставлять другимъ. Такимъ образомъ, онъ самъ выпускалъ свое дѣло изъ рукъ, самъ отдавалъ его другимъ. Говоря иначе, онъ во всякомъ дѣлѣ полусознательно и полуохотно долженъ былъ подчиняться вліянію и руководству другихъ. Съ теченіемъ времени это вліяніе должно было, конечно, расти и усиливаться; наконецъ, оно дѣлалось слишкомъ замѣтнымъ. Иванъ Васильевичъ убѣждался, что весь запасъ его энергіи потраченъ былъ только на то, чтобъ отказаться отъ инициативы дѣла и занять какую-то второстепенную, хотя и почетную роль. А

шего жъ и моего, на семь благословенія прося; оному же руку на мнѣ положу и благословяшу мене на семь, яко ижегого новоприходящаго постричься. И мнѣ мнится океанному, яко исполу есмь чернецъ» (А. И., I, № 204, стр. 373). Откинувъ все, что есть въ этомъ разказѣ напускнаго и неискренняго, мы не можемъ, однако, отрицать самаго факта. Позже Иванъ Васильевичъ имѣлъ мысль оставить Русскую землю и поселиться на житье въ Англии. Переговоры объ этомъ съ королевой Елизаветой относятся къ 1569—1570 г. (Ист. Росс., 81, 280; Гамель, Англич. въ Россіи, I, 97).

онъ искалъ не того; онъ искалъ роли передоваго, заправляющаго дѣятеля. Опять недовольство, опять попытки какъ-нибудь измѣнить свои жизненные условія. Припомнимъ факты. Въ теченіе своей жизни Иванъ не разъ заявлялъ, что онъ рѣшается, наконецъ, быть совершенно независимымъ, что будетъ вести дѣла такъ, какъ ему будетъ казаться наиболѣе разумнымъ и полезнымъ. Впервые это случилось въ ранней молодости Ивана, въ 1544—1545 годахъ, послѣ чего началось могущество Глинскихъ ¹⁾. Потомъ такіе заявления повторялись нерѣдко. Такъ было въ 1547 году, когда началось вліяніе на дѣла Сильвестра и Адашева ²⁾; такъ было спустя двѣнадцать лѣтъ, когда взяли верхъ враги Сильвестра ³⁾; такъ было въ 1565 году, послѣ чего открылось самоуправство опричнины ⁴⁾. Словомъ, каждый разъ, когда Иванъ рѣшался отдѣлаться отъ постороннихъ вліяній, брался самъ за дѣло, онъ только открывалъ путь новымъ вліяніямъ, создавалъ новыя могущества. Это мучило и раздражало его. Но онъ не винилъ себя. Напротивъ, онъ тѣмъ скорѣе подставлялъ подъ это недовольство другихъ, чѣмъ больше отъучался цѣнить людей, чѣмъ чаще слышалъ доносы и обвиненія, которыми окружающіе его чернили одинъ другаго. Нужно, впрочемъ, прибавить, что какъ ни росла мнительность Ивана въ отношеніи къ людямъ, съ зерно, съ глубочайшаго

¹⁾ «Когда достигохоуъ лѣтъ нятягонадесятъ возраста нашего, тогда Богомъ наставленои сами яхоуся царство свое спироими, и за помощію всеильнаго Бога, начаса строить царство наше мирно и немязежно по полѣ нашей», писалъ Иванъ Курбскому (Сказаніи, изд. 3-е, стр. 161; Никои. лѣт. VII, 42).

²⁾ Въ рѣчи на лобномъ мѣстѣ Иванъ говорилъ: «Молю васъ, оставите другъ другу вражду и тяготы свои.... и въ томъ, и къ инымъ вновь я вамъ, елико умѣстно намъ, самъ буду судѣн и оборои и неправды разорити, и хищенія возвратити» (*Жарманъ*, VIII, прим. 182).

³⁾ «Мы, благодатію Христовою, дойдохомъ лѣтъ нарока отча и подъ повелительными и приставники быти намъ не пригоже. Отъ человекъ ученія не требуемъ, ниже подобно есть, еже владѣти множествомъ народа, отъ нихъ разума требовати», писалъ царь Курбскому въ 1564 году (Сказаніи, изд. 3-е, стр. 149 и 189).

⁴⁾ Въ 1565 году, въ рѣчи къ депутациі, присланной изъ Москвы въ слободу Александровскую, Иванъ много говорилъ объ извѣстныхъ боярскихъ, осуждалъ насъ, что дѣлалось въ предшествующую пору его царствованія, и наконецъ, заявлялъ, что согласенъ править въ томъ только случаѣ, если ему возможно будетъ дѣйствовать совершенно свободно, словомъ повторялъ то же самое, что не разъ уже говорилъ прежде.... Конечно, въ каждомъ изъ указанныхъ примѣровъ приходило много особенныхъ, усложняющихъ обстоятельствъ. Но чтобы разсмотрѣть всѣ эти обстоятельства, нужно особое изложеніе.

причина—недовольство собою—не умирало; оно ясно сказывалось въ той раздражительности, которую постоянно выказывалъ Иванъ. Лишь только случалось ему заговорить о чемъ-нибудь, касавшемся его царственной роли, его самодержавія (принципы, котораго онъ постоянно смѣшивалъ съ своимъ личнымъ житейскимъ опытомъ), какъ онъ тотчасъ начиналъ горячиться, какъ будто съ кѣмъ-то спорилъ, въ чемъ-то оправдывался ¹⁾.

Таковъ былъ царь, при которомъ пришлось дѣйствовать Сильвестру и его друзьямъ. Ясно, что о серьезномъ, глубокоидущемъ вліяніи на такого царя, о вліяніи, измѣняющемъ все нравственное настроеніе пельзя было и думать. Вліяніе, которому подчинялся Иванъ, могло быть очень обширнымъ, но оно не переставало быть только поверхностнымъ. Оно бывало на столько продолжительно, на сколько оставалось незамѣтнымъ.

Все, что съ тобой для блага государства
Черезъ него мы учинить хотѣли-бы,
Теперь скрывать должны мы отъ него
И нашу мысль въ немъ зарождавъ непрямо,
Чтобы ее не нашей мыслью онъ,
Но собственной считалъ.

(Гр. Ал. Толстой, Смерть Іоанна Грознаго, д. II).

¹⁾ Это выказывается особенно ярко въ сочиненіяхъ Ивана. Для примѣра укажу на его духовное завѣщаніе. Это такого рода памятникъ, въ которомъ, по самому его свойству, мы всего меньше ожидали-бы упрековъ и раздраженія. Завѣщаніе начинается, дѣйствительно, исповѣдію Ивана, въ которой онъ не щадитъ словъ для самоуниженія. Но слогъ этой исповѣди, пышный и надутый (напримѣръ: «отъ Іерусалима божественныхъ заповѣдей къ Ерихонскимъ страстямъ пришедъ»), уже даетъ понять, что покаяніе Ивана не совсемъ искренне. Онъ бичуетъ себя, чтобы получить право строже обвинять другихъ: «Отъ Адама и до сего дня всѣхъ преминухъ въ беззаконіяхъ согрѣшившихъ, сего ради *есми невидимъ гсм...* Что убо сотворю, понеже Авраамъ не увидѣ насъ, Исаакъ не разумѣ насъ, и Израиль не позна насъ?» На это Иванъ отвѣчаетъ, что остается надежда на Бога. Онъ милосердъ, хотя и караетъ грѣшника: «По множеству беззаконій моихъ Волю гнѣву распростершуся, изгнанъ есмь отъ бояръ, самовольства ихъ ради, отъ своего достоянія и скитаюся по странамъ, а може Богъ когда не оставитъ». — Видно, много накопилось грѣховъ, требующихъ Вожьей кары, если приходится терпѣть столько людскихъ несправедливостей и обидъ, — таковъ смыслъ словъ Ивана. Такимъ образомъ, подробное перечисленіе собственныхъ грѣховъ понадобилось Ивану только для того, чтобы бросить самую мрачную тѣнь на дѣятельность другихъ. Эта дѣятельность — несчастіе, беспосланное свыше, точно голодъ, илводненіе или повальная болѣзнь. Она понятна только какъ истинное наказаніе за грѣхи.

Эти слова, вложенныя поэтомъ въ уста Годунова, прекрасно объясняютъ характеръ того вліянія, которое могли имѣть на Ивана его совѣтники. Почва, на которой приходилось имъ возводить свои постройки, была слишкомъ зыбка и опасна. Приходилось дѣйствовать осмотрительно и послѣдовательно. Это общее замѣчаніе примѣнимо и къ вліянію Сильвестра. Оно назрѣло мало по малу. Причиной же, впервые выдвинувшею Сильвестра и послужившею основаніемъ его могущества, было вовсе не нравственное давленіе Сильвестра на Ивана, не благоговѣніе молодого и впечатлительнаго человѣка передъ своимъ духовнымъ отцемъ, а обстоятельства совершенно другаго рода. Известно, что Сильвестръ возвысился послѣ большихъ Московскихъ пожаровъ 1547 года. Это была бѣдственная, страшная пора. Значительная часть Москвы обращена была въ груды обгорѣлыхъ развалинъ; множество народа осталось безъ крова: „Таковъ пожаръ не бывалъ на Москвѣ, какъ и Москва стала именоваться“, замѣчено въ лѣтописи. Къ пожару присоединилось еще возмущеніе обнищавшаго городского населенія. „Черные люди града Москвы отъ великіе скорби пожарныя восколебашася, яко юродіи“. Былъ убитъ дядя царя Ю. В. Глинскій; разграбленъ былъ „животъ княжій“¹⁾. Понятно, что Иванъ Васильевичъ и его окружающіе должны были чувствовать себя въ очень опасномъ положеніи. Они потеряли голову и боялись за собственную жизнь²⁾. И вотъ, въ такое-то грозное время получаетъ силу и значеніе малозначительный до тѣхъ поръ священникъ Благовѣщенскаго

¹⁾ Никон. лѣт., VII, стр. 58 и 59.

²⁾ Волнения 1547 г. оставили въ Иванѣ впечатлѣніе на всю жизнь. Онъ со страхомъ думалъ о возможности повторенія чего-либо подобнаго и принималъ мѣры, чтобъ устранить даже зарождавшіеся или предполагаемыя только неудобства и недоразумѣнія. Въ 1565 году, удалившись въ Александровскую слободу, онъ прислалъ къ митрополиту грамоту, въ которой порицалъ и духовныхъ, и бояръ. Въ то же время онъ прислалъ другую грамоту къ гостямъ, купцамъ и ко всему православному христіанству города Москвы; въ ней онъ писалъ, чтобъ Москвичи «никакого сомнѣнія не держали, гнѣва на нихъ и опасъ нѣтъ» (Соловьевъ, Ист. Росс., VI, 215). Въ 1571 году Иванъ собирался въ Новгородъ, но онъ боялся, что казни предшествующаго года слишкомъ озлобили Новгородцевъ и могутъ вызвать что-нибудь недоброе. Онъ послышалъ грамоту къ Новгородцамъ, въ которой заявляетъ, что не имѣетъ противъ нихъ ничего («если грамоту отъ Государя, кое бы не боялись ничего отъ Государя», замѣчено въ лѣтописи). Въ 1579 г. Батерій взялъ Полоцкъ, присоединеніе котораго съ такимъ торжествомъ праздновалось 16 лѣтъ тому назадъ. У Ивана опять опасенія. Онъ пишетъ въ Москву, чтобъ о взятіи Полоцка и пораженіяхъ русскаго войска объявлено было со всею возможною осторожностію.

собора. Когда мы читаемъ „Наказаніе отъ отца къ сыну“, помѣщенное въ Домостроѣ, возвышеніе Сильвестра при такихъ именно обстоятельствахъ кажется намъ совершенно понятнымъ. Въ этомъ наказаніи Сильвестръ рисуется намъ столько же благочестивымъ попомъ, сколько богатымъ и вліятельнымъ горожаниномъ, опытнымъ торговымъ человѣкомъ, который имѣлъ обширныя связи во всѣхъ слояхъ городского населенія ¹⁾. Эти связи Сильвестръ поддерживалъ съ большимъ умѣньемъ. „Отъ всѣхъ почитаемъ и всѣми любимъ, и всякому въ потребныхъ уноровилъ“, говоритъ онъ о себѣ. Прибавимъ къ этому авторитетъ духовнаго лица, и мы поймемъ, почему среди всеобщей неурядицы стало нужнымъ искать опоры именно въ немъ, почему онъ именно оказался волшебникомъ, знающимъ заговоръ противъ народной бури, почему вообще, послѣ событій 1547 года, совѣты и наставленія Сильвестра, давать которые онъ былъ такой охотникъ, получили вѣсъ и значеніе въ правительственномъ кругу. Со стороны молодаго царя здѣсь было подчиненіе требованію обстоятельствъ, дѣло расчета. Болѣе глубокой связи съ Сильвестромъ у

¹⁾ «Видѣлъ еси, чадо», говоритъ Сильвестръ сыну, — «многихъ пусточныхъ спроть и работныхъ и убогихъ, мужеска полу и женска, и въ Новѣградѣ и здѣсь на Москвѣ въскормихъ и въспонихъ до совершенна возраста и изучихъ, кто чего достоинъ.... И всѣмъ тѣмъ даде Богъ, свободны: домами своими живутъ. Много въ священническомъ и въ дьяконскомъ чину, и въ дьячѣхъ, и въ подьячихъ, и во всякихъ чинѣхъ, кто чего дородился и въ чемъ кому Богъ благословилъ быти: ови рукодѣлничаютъ всякими промыслами, а многіе торгуютъ въ лавкахъ; мнози гостѣбу дѣютъ въ различныхъ странахъ всякими торговлями. А видѣлъ еси самъ: въ рукодѣлѣхъ, и во многихъ во всякихъ вещѣхъ мастеровъ всякихъ было много.... и со всѣми тѣми мастера въ сорокъ лѣтъ, даде Богъ, раздѣлаюся безъ орудья, и безъ пристава, и безъ всякихъ кручины. А самъ у кого что кушывалъ, ино ему отъ меня миланъ раздаска: безъ волокиты платѣжъ, да еще хлѣбъ да соль сверхъ; ино дружба въ вѣкъ; ино всегда мимо мои не продасть. А кому что продаывалъ, все въ любовь, а не въ обмыгъ.... ино добрыя люди во всемъ вѣрили, и здѣшніи и иноземцы (Домострой, изд. Кожанчикова, стр. 150—151, 153). Враги Сильвестра боялись этихъ обширныхъ связей его; Курбскій заставляеть ихъ такъ говорить царю: «Аще припустишь ихъ (Сильвестра и Адашева) къ себѣ на очи, очаруютъ тебя и дѣтей твоихъ, а къ тому любяще ихъ все твоє воинство и народъ, нежели тебя самого, побіють тебя и насъ каменемъ» (Сказанія, стр. 69). Въ 1564 г., въ письмѣ къ Курбскому, Иванъ приводилъ противъ Сильвестра и его друзей такое, между прочимъ, обвиненіе: «Како убо епископа Коломенскаго Феодосія, намъ совѣтна, народу града Коломни новелесте каменемъ побити? Но Богъ соблюде его, и вы согнали его со престола его» (Ibid. 183). Это обвиненіе, конечно, — клевета, но оно даетъ понятіе, какое именно значеніе давали Сильвестру и его вліанію;

него не было. При Сильвестрѣ онъ оставался такимъ же грѣшникомъ, какимъ былъ и прежде. Въ 1552 году митрополитъ Макарій долженъ былъ напоминать ему объ умѣренности и цѣломудріи ¹⁾, которые, какъ видно, безуспѣшно внушалъ ему его духовный совѣтникъ. Личныя симпатіи царя были не на сторонѣ Сильвестра и его друзей, а на сторонѣ тѣхъ „ласкателей и челобѣкоугодниковъ“, которые продолжали существовать и при могуществѣ Сильвестра ²⁾. Въ Сильвестрѣ и его друзьяхъ онъ видѣлъ только нужныхъ людей, помощниковъ своихъ въ новой правительственной дѣятельности ³⁾. Понятна послѣ

¹⁾ Никон. лѣт., VII, стр. 134—136.

²⁾ Что любимцы Ивана, его ласкатели, оставались и при Сильвестрѣ, объ этомъ проговаривается в Курбскій. О первой дѣятельности Сильвестра и Адашева онъ говоритъ такъ: «Паче же и согласныхъ его на зло прежде бывшихъ оныхъ отдѣляютъ отъ него, *овыахъ же узданты и воздержаны* страхомъ Божиимъ». Но какъ видно, они обузданы были плохо; по крайней мѣрѣ мы видимъ, что они дѣйствуютъ свободно и во время Казанскаго похода 1552 г., и позже, во время войны Ливонской. Говоря объ удаленіи Сильвестра въ Кирилловъ монастырь, Курбскій причиной этого представляетъ то, что Сильвестръ убѣдился въ полномъ неуспѣхѣ своихъ вѣстованій царю. «А той Сильвестръ пресвитерь, *сже пржез даже не изыманъ былъ*, видѣвъ его, иже не по Божіи искіи воци начинаетъ, претивъ ему и наклауа много, да по страѣ Божіи пребываетъ и въ пождержаніи жителствуетъ, и пинимъ множайшими словесемъ божественными поучал и наклауа много; онъ же отнюдь того не пинимаше и коласкателемъ умъ свой и уши приклонилъ. Разсмотрѣвъ же все сіи, провниторъ, иже уже лице свое отъ него отвратилъ, отнесъ бысть въ монастырь» (Сказаніи, стр. 9, 34, 68, 71).

³⁾ Когда общій переполохъ, возбужденный пожарами и волненіями 1547 г., нѣсколько поутихъ, обнаружилась полная неурядица въ государственныхъ дѣлахъ. Люди, которые заправляли эти дѣлами, оказались неспособными и растерянными. Это не опечалило, а какъ-то оживило царя Ивана, вызвало въ немъ порывъ энергіи. Онъ разчитывалъ, что эта смутная пора, когда вокругъ его вѣтъ больше сильныхъ людей, представляетъ самое удобное время для того, чтобъ онъ могъ развить *свою* дѣятельность. Словомъ, онъ чувствовалъ себя свободнымъ и наслаждался этимъ чувствомъ. Сильвестра онъ еще не боялся. Въ немъ онъ видѣлъ только попа, который оказался полезнымъ человекомъ. Мысль о вѣнчателствѣ Сильвестра въ дѣла управления не приходила въ его юную голову. Рядомъ съ Сильвестромъ царь приближаетъ къ себѣ людей молодыхъ, бѣдныхъ и незнатныхъ, которые, по его разчету, должны были чувствовать себя всеміи обязанными только ему, зависящими только отъ него. Онъ думалъ купить себѣ самостоятельность. «Алексіе», говоритъ царь Адашеву, — «взвляя я тебя отъ нищихъ и отъ самыхъ молодыхъ людей, слышахъ о твоихъ добрыхъ дѣлахъ, и нынѣ *взыскала тебѣ омыа мѣры твоея*, ради помощи думи моеи; хотя и твоего желанія на сіе вѣтъ, но обаче азъ вожелахъ не токмо тебя, но и

этого та осторожность, даже нѣкоторая таинственность, съ которою дѣйствовали Сильвестръ и его друзья. Они были правы, когда полагали, что возвысились совсѣмъ не для того, чтобъ играть слишкомъ скромную роль исполнителей и пособниковъ. У нихъ былъ въ виду цѣльмй рядъ мѣръ, осуществить которыя они надѣялись при помощи своего вліянія на царя. А между тѣмъ вокругъ царя толпились люди, которые были враждебны и лично Сильвестру, и тѣмъ планамъ, которые имѣлъ въ виду его кружокъ. Приведенныя выше слова Артемія и Сильвестра указываютъ именно на эту опасливость новыхъ людей, выдвинувшихся послѣ событій 1547 года, опасливость, которая, конечно, должна была выказываться особенно сильно предъ началомъ такого важнаго дѣла, какъ открытіе собора 1551 года.

инныхъ такихъ. Вручаю тебѣ челобитныя пріимати у бѣдныхъ и обидимыхъ и назирати ихъ съ рассмотрѣніемъ. Да не убоишися сильныхъ и славныхъ, похитившихъ чести на ся и своимъ насиліемъ бѣдныхъ и помощныхъ погубившихъ» (*Житіе Ивана VIII*, прим. 184). Позже Иванъ писалъ: «Взявъ сего (Адашева) отъ гноища и учинихъ съ польмою, чающе отъ него прямиы службы. Какихъ же честей и богатствъ его не наполнихъ, не токмо его, но и родъ его? Бое жъ служеніе праведно отъ него за сіе прияхъ?» (Сказанія Курбекаго, изд. 3-е, стр. 162—163). Это—слова разочарованія, слова досады на несбывшіяся надежды.

II. Ждановъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

АВГУСТЪ.

1876.

ПЯТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СLXXXVI

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, (Большая Садовая, д. № 49—2).

1876.

СОДЕРЖАНІЕ.

Извлеченіе изъ всеподданнѣйшаго отчета г. министра на
роднаго просвѣщенія за 1874 годъ.

Правительственныя распоряженія.

Матеріалы для исторіи столпаваго собора. II. Жданова.

О „Римской исторіи“ Роллена въ переводѣ
Тредіаковскаго А. Круглаго.

Причины и характеръ Чешскаго религіоз-
наго движенія II. Васильева.

Замѣтки объ учебныхъ пособіяхъ для ре-
альныхъ училищъ министерства на-
роднаго просвѣщенія В. Эвальда.

Объ испытаніяхъ зрѣлости въ 1875 году.

Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заве-
деній: а) низшія училища.

Письмо изъ Парижа Л. Л—ра.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ІСТОРІІ СТОГЛАВАГО СОБОРА ¹⁾.

IV.

Артемій не называе тѣхъ людей, которыхъ онъ боялся и которые оказались его врагами. Но не трудно догадаться, кто были эти люди. По словамъ Артемія, на него злobiliсь за то, что онъ указывалъ безпорядки въ монастырскомъ бытѣ, и что онъ говорилъ противъ духовныхъ вотчинъ. Чувствовать себя задѣтымъ такими рѣчами за живое не могъ, конечно, никто, кромѣ богатыхъ и вліятельныхъ монаховъ, епископовъ, игуменовъ и проч., — то-есть, тѣхъ именно людей, въ рукахъ которыхъ и находилось все церковное управление, которые и засѣдали, обыкновенно, на церковныхъ соборахъ. Нельзя, поэтому, не признать, что опасенія Артемія были достаточно основательны. Въ этомъ мы убѣдимся еще больше, ближе познакомившись съ тѣми достопочтенными отцами, которые собрались 23-го февраля 1551 года „въ царскихъ палатѣхъ“.

Здѣсь были: митрополитъ Макарій, архіепископы Θεодосій Новгородскій и Никандръ Ростовскій, епископы Трифонъ Суздальскій, Гурій Смоленскій, Кассіанъ Рязанскій, Акакій Тверской, Θεодосій Коломенскій, Савва Сарскій, Кириіанъ Пермскій, далѣ архимандриты, игумены и строители „многихъ святыхъ честныхъ монастырей“ ²⁾.

Митроп. Макарій былъ предсѣдателемъ собора. Поэтому многое въ дѣятельности соборной могло бы зависѣть отъ его вліанія. Но на самомъ дѣлѣ вліаніе митрополита едва-ли было значительно. Макарій— характеръ почтенный, но не яркій. Нельзя отказать ему въ трудолюбіи, честности и своего рода благонамѣренности, но нельзя также не замѣтить въ немъ излишней слабости, уступчивости и податливо-

¹⁾ Окончаніе. См. июльскую книжку *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1876 года.

²⁾ Стогл., гл. VI.

сти на вліянія другихъ. Сердечные интересы Макарія сосредоточивались около вопросовъ религіозныхъ, особенно церковно-обрядовыхъ. Когда дѣло шло объ утвержденіи православной вѣры, о благоустройствѣ церковномъ, онъ высказывалъ большую заботливость. Будучи Новгородскимъ архіепископомъ, Макарій посылалъ священниковъ для распространенія вѣры между Чудью, обращалъ въ христіанство плѣнныхъ Татаръ, вводилъ по монастырямъ общежительный уставъ, строилъ и украшалъ церкви, со многими трудами, „не щадя сребра и всякихъ почестей“, собиралъ въ теченіе 12 лѣтъ свои великія Четы-мищи, поощрялъ искусныхъ людей къ составленію житій, къ переводу благочестивыхъ книгъ¹⁾. Ту же дѣятельность продолжалъ Макарій и въ то время, когда сталъ Московскимъ митрополитомъ. Свои досуги онъ посвящалъ здѣсь на рисованье образовъ, на пополненіе своихъ мишей. Во время московскаго пожара 1547 года Макарій доказалъ, что тамъ, гдѣ дѣло касалось дорогихъ для него предметовъ—цер-

¹⁾ Для ознакомленія съ дѣятельностію Макарія за то время, когда онъ былъ Новгородскимъ архіепископомъ, особенно важенъ такъ называемый «отрывокъ русской лѣтописи», напечатанный въ VI т. Полнаго Собр. рус. лѣтописей (стр. 282—303). Для исторіи того времени и для характеристики самого Макарія чрезвычайно интересенъ, напимѣръ, приведенный въ этомъ отрывкѣ разказъ о какомъ-то меліикѣ-самоучкѣ («пѣкій хитрецъ отъ Пскопскіе земли»), который вызвался построить на Волховѣ мельницу (1528). «Преосвященный архіепископъ, по своему благоустройбію, больши хотя украсити Великій Новгородъ при своемъ честнѣмъ святителствѣ, преже бо наченъ еже о церквахъ Божіихъ тѣчаніе и великое прилежаніе и о обителѣхъ великое устроеніе, даже и до самыхъ вещей, еже бы сіа вещь сдѣлати, еже значала града не бывала, даже бы и та вещь была къ дому святей Соѣзи». Стали строить мельницу на Соѣйской сторонѣ на рѣчкѣ, которая звалась Крюкъ. Затопили въ водѣ срубы, устроили колесо, поставили жерновный камень: «и камень нача вертѣтися, тако видѣти, кабы ему и молотъ». «А не шовѣда сего архіепископу, Чюиже токмо сдѣла три поприща отъ града стоитъ въ верѣхъ езеро, рекомое Илмерь, и въ него выпадаютъ, сказываютъ прежніи челоуѣцѣ, до трехъ сотъ рѣкъ великихъ и малыхъ, а тое езеро токмо единымъ тѣмъ Волховомъ проходитъ сквозѣ весь Великій Новгородъ и входить въ езеро въ Ладожское: онъ же хотя на той рѣцѣ такоу вещь сдѣлати!» Весной мельницу снесло. Изъ остатковъ срубовъ Макарій велѣлъ сдѣлать конюшни—«да иже и то будетъ въ дому святѣй Соѣзи». «А сей мастеръ», замѣчаетъ архіепископскій лѣтописецъ,—«сказываяся хитрецъ быти, но паче грубъ и всми не смысленъ, въ конецъ безумный; токмо отъ господина истоци, а толикія вещи архіепископу не сказа, или того ради безумный не сказа, чтобы ему свой горванъ пронырствомъ наполнити имѣнія; но не сбыться ему безумному се, и егда видѣ разрушеніе, и утаня страха ради и изъ града набѣже, невѣдомо како крися и до нынѣ погибсѣ» (стр. 285).

ковныхъ святыхъ, онъ умѣлъ быть даже самоотверженнымъ. Онъ бросился самъ выносить образа изъ Успенскаго собора и чуть было не задохся отъ дыма. Такихъ владыкъ, какъ Макарій, въ XVI вѣкѣ очень удачно называли людьми „келейными“ ¹⁾. Къ вопросамъ, требующимъ того нравческаго смысла, которымъ такъ гордился Сильвестръ, тѣмъ болѣе къ вѣшательству въ дѣла государственныя онъ не чувствовалъ ни вкуса, ни навыка. Отъ этого-то въ событіяхъ того времени онъ, не смотря на свое высокое положеніе, никогда не игралъ первенствующей, выдающейся роли; отъ этого-то въ своей дѣятельности онъ постоянно находился подъ давленіемъ постороннихъ вліяній. Въ 1547 году, тотчасъ послѣ московскихъ пожаровъ, мы видимъ Макарія окруженнымъ Шуйскими и ихъ союзниками: тутъ и царскій духовникъ Ѳеодоръ Барминъ, и князь Ѳеодоръ Скопинъ-Шуйскій и Иванъ Петровичъ Челяднинъ. Въ кельяхъ митрополита они видятся съ царемъ и наговариваютъ ему, что Москва сгорѣла отъ волшебства. По замыслу заговорщиковъ не удалась, дѣло ихъ было проиграно: возвысились у царя какіе-то новые люди, Сильвестръ, Адашевъ и ихъ друзья. Макарій при этой переѣмѣ остался на своемъ мѣстѣ, но на его долю опять выпадаетъ второстепенная роль. Его „присовокупляетъ себѣ въ помощники“ Сильвестръ (какъ выразился Курбскій) ²⁾. Какъ человекъ честный и притомъ же книжный, Макарій не могъ не сочувствовать несчастному Максиму Греку, облегчить участь котораго никто, конечно, не имѣлъ столько права и столько средствъ, какъ митрополитъ; но Макарій ничего не сдѣлалъ для святогорца. „Узы твои цѣлуемъ, яко единого отъ свитыхъ, а пособити тебѣ не можемъ“ ³⁾, писалъ онъ Максиму въ 1547 году. На соборѣ противъ Сильвестра честный и правдивый Макарій заявилъ— было, что прежде, чѣмъ осудить обвиненнаго, надо бы его выслушать,

¹⁾ «Всегда пастырь», замѣчаетъ митрополитъ Данилъ, — «время усмотришь, свѣршно встрѣтитъ на спасеніе нѣкимъ, и они възглаголютъ: сіа имѣсть отеческая, пастырская и учительская, но безчинныхъ и развращенныхъ и человеконенавистныхъ, и мучительскій обычай есть, а не отеческій и учительскій. А щели же кто съдай на съдалищи пастыретвѣи и учительствѣи, и будетъ простъ, тихъ, кротокъ, смиренъ, и рекуть человеѣцы глаголющии: сей человекъ простъ есть, ксѣйный, а не властительскій, имѣсть его дѣло учити, и наказывати, и возуцати, и запрещати» (Опис. синод. рукоп., отд. II, ч. 3, стр. 153).

²⁾ Сказан. Курбск., стр. 9. Въ «Царств. книгѣ» замѣчено, что Сильвестръ «указываше митрополиту» (стр. 342).

³⁾ Ир. Макарія, Пет. р. церкви, VI, стр. 281.

но настоять на этомъ онъ не умѣлъ ¹⁾). Впрочемъ, быть можетъ, Макарія нужно назвать мудрецомъ. Своею покладливостію онъ достигъ того, что удержался на митрополичьей касседрѣ до конца своихъ долгихъ дней, не смотря на всѣ бури и перевороты своего времени. Въ этомъ отношеніи онъ былъ счастливѣе и своихъ предшественниковъ и своихъ преемниковъ. Похвалы добродѣтельному и кроткому Макарію идутъ изъ самыхъ противоположныхъ лагерей: его хвалятъ и архіепископъ Θεодосій, и князь Курбскій, и царь Иванъ. Но эти похвалы были не прочны. Макарія скоро забыли, тогда какъ память другихъ, болѣе яркихъ людей того времени, какъ митрополитъ Филиппъ, была передана потомству ²⁾).

Особенности характера предсѣдателя собора, его уступчивость и мягкость, давали широкой просторъ для дѣятельности другихъ членовъ собора. Лица, задумавшія соборъ и говорившія царю о церковныхъ беспорядкахъ, едва ли могли насчитывать много своихъ доброжелателей въ рядахъ этихъ достопочтенныхъ отцовъ. Правда, мы встрѣчаемъ между ними епископа Кассіана, который, какъ видѣли, не былъ противникомъ церковныхъ преобразованій. Было, можетъ быть, на соборѣ и еще нѣсколько лицъ, похожихъ на Кассіана или Макарія, но они все-таки составляли исключеніе. Въ цѣломъ высшая русская іерархія XVI вѣка представляла собою собраніе людей совершенно иного характера, чѣмъ Макарій, и иного образа мыслей, чѣмъ Кассіанъ. Мы знаемъ этихъ людей по отзывамъ писателей самыхъ противоположныхъ направленій. У митроп. Даніила, Максима Грека, кн. Курбскаго встрѣчаются совершенно одинаковыя указанія на этихъ малокнижныхъ, но пышныхъ, надменныхъ, а иногда и жестокихъ „владыкъ“, которые одинъ за другимъ занимали престолы разныхъ городовъ Русской земли ³⁾. Не одинъ изъ такихъ владыкъ засѣдалъ

¹⁾ Сказан. Курбск., стр. 70—71.

²⁾ Имени Макарія мы не встрѣчаемъ въ спискѣ русскихъ святыхъ, хотя заслуги его для церкви, казалось бы, давали ему на это право (Оба. русск. дух. лит. 140). Не было даже составлено сказанія о жизни митрополита, такъ много содѣйствовавшаго въ теченіе своей жизни размноженію житійной литературы.

³⁾ Для примѣра приведу два отрывка изъ Курбскаго и митроп. Даніила. «Посмотримъ же», пишетъ Курбскій, — «и на священнической чинъ, въ какихъ обрѣтается, не яко ихъ осужаемъ, — не буди то, но бѣду свою оплакуемъ; не токмо душа своя за паству Христову полагають, но и расхищаютъ; вѣмъ, яко бѣдно мя глаголати, не токмо расхищаютъ, но и учителя расхитителямъ бывають, начало и образъ всякому законопреступленію собою полагають; не глаголютъ

и на Стоглавомъ соборѣ. Упомянемъ о Тверскомъ епископѣ Акакіѣ, Ростовскомъ архіепископѣ Никаандрѣ, Коломенскомъ епископѣ Θεодосіѣ. Съ послѣднимъ мы уже встрѣчались. Видѣли, что онъ съумѣлъ сдѣлать себя до того невыносимымъ, что противъ него возсталъ весь его паства. Коломенцы чуть было не убили своего владыку. Другаго рода бѣда обрушилась въ 1537 году надъ Тверскимъ епископомъ Акакіемъ. 22-го іюля вспыхнулъ въ Твери пожаръ, истребившій весь „городъ“, въ которомъ находились и палаты архіепископа, и его любимая соборная церковь, которую епископъ украшалъ „съ презѣльнымъ раченіемъ“. Этотъ тверской пожаръ далъ поводъ Максиму Греку написать одно изъ лучшихъ его произведеній: „Слово о томъ, какія рѣчи реклъ бы убо къ Содѣтелю всѣхъ епископъ Тверскій“. Максимъ представляетъ Акакія разговаривающимъ съ Содѣтелемъ. Такое бѣдствіе, какъ пожаръ, кажется епископу посланнымъ совершенно несправедливо. „Ниволиже“, говоритъ онъ, — „не нерадилъ о твоихъ божественныхъ пѣніихъ и прочей твоей боголѣпнѣй службѣ, безпрестани праздники духовныя совершая тебѣ, пѣніи красногласными боголѣпныхъ свѣтлогумныхъ колоколовъ и различными миры благоуханными, и твои честныи и пречистыи ти матере иконы велелѣпнѣй украшая златомъ и серебромъ и многоцѣнными каменіи“. Содѣтель отвѣчаетъ, что пышные праздники и украшения не имѣютъ въ его глазахъ никакой цѣны. Ему не нужно этихъ праздниковъ, которые служатъ только поводомъ для роскошныхъ пировъ; ему не нужно этихъ украшеній, которыя добыты на средства, собранныя съ нищаго и голоднаго люда¹⁾. Въ словахъ

предъ цари, не стыдися о свидѣніи Господни, но паче цотаковники бывають; но вдовиць и сиротъ заступають, ни напастованныхъ и бѣдныхъ забавляють, ни плѣнниковъ отъ плѣненія искупають, но села себя устроикють и великия храми поставлюють и богатствы многими кипятъ и корыстями, яко благочестіемъ, украшаються», (*Правосл. собес.* 1863 г., стр. 565). митроп. Даниилъ упоминаетъ о пастыряхъ, которые «себе упасоша, изшириша чрева своя брашнимъ и пшеницѣю, заблудшихъ не возведоша, погибшихъ не възскаша, прельщенныхъ не обратиша, сокрушенныхъ не врачеваша, недужныхъ не исцѣлиша, строптивыхъ не воспрѣтиша, безчинныхъ не возустиша и ни мало попекошася исцѣлити овци, но себе упасоша, а овецъ не пасоша и вся дѣла пастырская презрѣша, но точію на славу, и честь, и на упокоеніе, еже ясти и пити сладостная и драгая и частнѣйшая и на тщеславіе и преворство, и на воспріятіе мзды уклоунишася, душеполезнаго же ученія и врачеванія не сотвориша овцамъ» (Опис. Синод. рукоп., отд. II, часть 3, стр. 152).

¹⁾ «Мнѣ», говоритъ Содѣтель, — «пророческимъ гласомъ хрѣпцѣ претящу и

суровой правды, вложенныхъ Максимомъ въ уста Содѣтеля, ярко рисуется намъ образъ властнаго и пышнаго владыки, какиимъ былъ Тверской епископъ. Черты того же образа выступаютъ и въ Ростовскомъ архіепископѣ Никандрѣ, о привычкахъ котораго есть замѣчаніе въ „Исторіи“ Курбскаго ¹⁾). Понятно само собою, что людямъ,

глаголющу: страсти ради нищихъ и воздыханія убогихъ отомстити ихъ востану, вы же ко всякому прещенію и заповѣди моеи глухующе, яко асимъ глухій, обидите ихъ и грабите несотно, не стыдящесе мене, ниже боищесе, и нечотію отъ мнѣшагося богатства нашего не подаваете имъ люти мучимымъ голодомъ, и кразомъ, и всякимъ озлобленіемъ, но еще и самаго отдѣленнаго храмъ мнѣ отъ благовѣрныхъ князей и на прекормленіе бѣднымъ, убогимъ, спротамъ же и вдовицамъ, лишаете ихъ вельми беззаконно всего, въ различна наслажденія душъ вашихъ и украшеніе ризное и свѣтлошриванія честныи дары велеславныхъ и пребогатыхъ вельможъ источающе... Священницы мои нарицаеми и моего новго Израиля наставницы и нме свѣтъ убо честнымъ житіемъ, соль же учительнымъ поученіемъ и образъ цѣломудреннаго житія должны суще быти равнѣ вѣрнымъ и непѣрнымъ, равнѣ бо простымъ и бесчиннымъ людямъ, и объядаетеся и упиваетеся невольдержно и зѣльною яростію другъ другу досаждаете... Ученицыи мнѣи мновекіемъ праздники въ славу убо и честь мою, вамъ же во святую и житія добраго исправленіе пѣнству и бесчинію вини творите, зѣло неслѣпотно бесчинствующе въ нихъ. Тщитесь другъ друга превзыти питаніемъ сладкимъ, и честію, и претивною славою, и рзнымъ украшеніемъ, и множествомъ слугъ, ихъ же вседушню желающе, тщитесь всегда на большія степеня вымыти, не за еже прославити мене больши честнымъ житіемъ вашимъ и славою и людей возвращеніемъ къ совершенію заповѣдей мнѣи, но да сокровища большаи себѣ скопите и отъ человекъ большую славу получите» (Сочин. Максима Грека, ч. II, стр. 260—261; 267—268; 269—270; 271). Относительно Максимова слова о тверскомъ пожарѣ въ «Сказаніи о приходѣ на Русь Максима Грека» замѣчено, что оно «владыцѣ Тверскому не угодно обрѣстися сотворена, *владыка же той мало ученъ бѣ зрамотѣ*» (Опис. синод. рукоп., отд. II, ч. 2, стр. 580). Акакія Тверскаго считали прежде братомъ Іосифа Санина, но г. Невоструевъ показалъ, что Акакій Слнпъ и Акакій, епископъ Тверской — два различныи лица (Отчетъ о 12-мъ присуд. Уваронск. нагр., стр. 96—97).

¹⁾ О соборѣ 1554 года, на которомъ присутствовала большая часть членовъ собора 1551 года (митроп. Макарій, Никандръ Ростовскій, Кассіанъ Рязанскій, Акакій Тверской, Феодосій Коломенскій, Савва Сарскій), Курбскій разсказываетъ такъ: «Тогда же царь съ митрополитомъ звоимъ и со другими, яко рѣхъ, некусными и пѣлыми епископы, виѣсто исправленія и духа кротости, яко омыхъ раскольниковъ не наказуютъ любовно, но со всякою яростію и лютостію звѣрскою, въ заточеніе—грады, въ узніи и темныи темницы отсылають окованнымъ... И того предреченнаго мнѣи Савву такоже въ заточеніе на смерть отсылають къ Ростовскому владыцѣ Никандру, *въ пѣнствѣ погруженному*.... Таковъ», прибавляетъ Курбскій,—«въ нмѣишемъ вѣцѣ, паче въ оной землѣ, презамъ и

подобнымъ Θεодосію, Акакію, Никандру, не могло быть пріятно, когда въ ихъ присутствіи говорилось о „святительскомъ нерадѣніи“, когда имъ приходилось выслушивать такіа заявленія: „У васъ, святителей, есть бояре, и дѣяки, и тиуны, и десятильники, и недѣльщики: судятъ и управу чинятъ и непрямо волочатъ и продаютъ съ ябедники соднаво, а десятильники по селомъ поповъ продаютъ безъ милости, и дѣла составляютъ съ ябедники, и церкви Божіа, отъ десятильниковъ и отъ нихъ въ великихъ продажахъ и стоятъ многія пусты безъ пѣнія и поповъ пѣть“¹⁾.

Немногіе изъ членовъ собора 1551 года могли быть довольны и замѣчапіемъ, что „церковное богатство — пицихъ богатство“. Въ этихъ словахъ, также какъ въ вопросѣ объ употребленіи монастырскихъ вотчинъ, о выкутѣ плѣнныхъ²⁾, имъ справедливо слышалось возбужденіе стараго спора нестяжателей съ приверженцами мнѣній Іосифа Волоцкаго. На какой сторонѣ въ этомъ спорѣ должно было бѣ оказаться большинство членовъ собора, рѣшить не трудно. Четверо изъ нихъ были іосифляне: Θεодосій Новгородскій, Гурій Смоленскій, Акакій Тверской и Савва Сарскій³⁾. Предсѣдатель собора Макарій хотя и не былъ Волоцкимъ постриженникомъ, но въ вопросѣ о церковныхъ вотчинахъ былъ строгимъ іосифляниномъ⁴⁾. Къ тому же направленію должны были, конечно, тянуть и такіе люди, какъ Никандръ Ростовскій и Θεодосій Коломенскій.

Открытое соборное разбирательство церковныхъ дѣлъ, разсужденія о святительскомъ управленіи и монастырскомъ житіѣ едва ли могли быть желательны отцамъ и по той еще причинѣ, что среди общихъ разсужденій легко могла быть задѣта и частная дѣятельность того или другаго сановника. Памятенъ былъ примѣръ знаме-

любостяжательный, лукавства исполненъ, мншескій родъ! Во истину всякихъ хатовъ горщи, понеже къ лютости вселукавъ зѣло» (Сказан. Курбек., 118—119).

¹⁾ Стогл., гл. 5-я, вопр. 7-й («О святительскихъ судіяхъ»).

²⁾ Стогл., гл. 5-я, вопр. 16-й, 15-й, 10-й.

³⁾ Въ 1584—5 году рязанскій епископъ Леонидъ, постриженникъ Волоцкаго монастыря, писалъ въ своей челобитной царю Федору Ивановичу: «Изъ Оснеова монастыря... при отцѣ твоємъ, при нашемъ государѣ, въ Новгородѣ на архіепискупствѣ былъ Θεодосій, оснеовъ же постриженникъ, да во Твери епископъ Окакій, да на Крутицахъ Сава Черной,... да въ Смоленску епископъ Гурей Заболоцкой» (А. И., I, № 216, стр. 411).

⁴⁾ См. «Отвѣтъ м. Макарія о церковныхъ имуществахъ» (*Литов. русск. литерат. и дресн.*, V).

нитаго противника жидовствующихъ, Геннадія Гонзова. Этотъ ревностный архіепископъ долженъ былъ оставить свою кафедру (въ іюнѣ 1504 г.), послѣ того какъ въ его дѣятельности открыты были злоупотребленія, нарушавшія недавно передъ тѣмъ изданныя постановленія собора. Подобныя же злоупотребленія обнаружались и на Стоглавомъ соборѣ, именно въ дѣятельности преемника Геннадія на Новгородской кафедрѣ, архіепископа Θεодосія. Новгородскіе священники жаловались на то, что архіепископъ обременяетъ ихъ налогами. По поводу этой жалобы было сдѣлано особое соборное постановленіе. Архіепископъ Θεодосій долженъ былъ передать свой жезлъ Троицкому игумену Серапіону Курцову ¹⁾. Въ одно время съ Θεодосіемъ оставилъ свою кафедру еще одинъ членъ Стоглаваго собора, Суздальскій епископъ Трифонъ. Вѣроятно, и на него заявлены были какія-нибудь жалобы ²⁾.

Таковы были представители церковной власти, которые собрались на соборѣ 1551 года. Повторимъ еще разъ: трудно было ожидать, чтобы члены собора доброжелательно отнеслись къ тѣмъ людямъ, которые говорили царю о безпорядкахъ въ церковномъ управленіи и монастырскомъ быту. Несчастному Артемію горькимъ оцѣномъ пришлось убѣдиться въ этомъ: „Всѣ нынѣ враждуютъ противъ меня“, писалъ онъ послѣ собора 1551 года ³⁾.

¹⁾ Приговоръ по жалобѣ новгородскихъ священниковъ начинается такъ: „Лѣта 7059, іюня мѣ 26 день. Пресвященныи Макарій, митрополитъ Московскій и всея Росіи, съ сее грамоты далъ Новгородскимъ священникомъ, архіепископу Великаго Новгорода и Пскова Серапіону, что написано на немъ отъ Новгородскихъ поповъ про подводы и проч. (Стогл., изд. Кожанчикова, стр. 280; *Врем. Общ. Ист. и древ. росе.*, кн. 14, отд. III, стр. 15). Повтому соборный приговоръ 26-го іюня часто называютъ приговоромъ по жалобѣ Новгородскихъ священниковъ на архіеп. Серапіона. Тутъ есть неточность. Серапіонъ поставленъ архіепископомъ 14-го іюня 1551 г. (Никон. лѣт., VII, стр. 78); въ Новгородъ онъ прибылъ только 23-го августа (Полн. Собр. лѣт., III, стр. 154). Очевидно поэтому, что жалоба поповъ вызвана была дѣйствіями не Серапіона, а его предшественника, Θεодосія (1542—1551).

²⁾ 18-го іюня 1551 года поставленъ епископомъ въ Суздаль Аванасій, бывшій игумень Кириллова монастыря (Никон. лѣт., VII, стр. 78).

³⁾ По поводу заточенія Артемія въ 1554 году въ Соловки, кн. Курбскій замѣчаетъ: „И запровадивши Артемія на Соловки, вместили зѣло въ узкую келью, не повелѣваяще ему дати ни малаго утѣшенія отяудъ, гоняше бо на того епископы богатые и миролюбивые, такъ и оныя вселукавые и любостязательные мниси, аже бы не токмо не былъ въ Русской землѣ онъ мужъ, но иже бы и ния его не именовалось. А то сего ради: прежде бо его царь зѣло любяше и

Другаго рода недоброжелателей и опасных людей имѣлъ въ виду авторъ посланія къ царю, предполагаемый Сильвестръ. Опъ говорить не о владыкахъ и монахахъ, а о ближнихъ государскихъ людяхъ, боярахъ, воеводахъ и избныхъ людяхъ. Сильвестръ негодуеъ на ихъ образъ жизни: „Велико гѣкое беззаконіе внезапно возсташе, и мнози помрачашася безуміемъ и обьюродѣнна плпнствомъ и вслкими грѣхи, и изнемогаша совѣстію, житіе свинское уллучша, прелюбодѣяніе содомское постигоша, и таково прелюбодѣяніе, яко ни во языцѣхъ именуется... То и шутка, тѣмъ и поношаютьца безстыдно, вооружившеся и возсташа на Бога“ ¹⁾. Этпхъ порочныхъ людей Сильвестръ представляетъ какъ людей чрезвычайно опасныхъ: „Какъ польза тебѣ, великому государю, и которая честь, и твоему царству который санъ и которое величество, и которая корысть, развѣ гнѣвъ Божій воздвизаютъ при твоей области, православнаго государя, таковы студъ содѣвающе, прелюбодѣяніе содомское посреди многихъ людей и рабъ твоихъ; понеже въ которомъ царствіи ни буди таково безстыдіе шитца, не можетъ вѣчно быти то царствіе, и не можетъ крѣпко стати противъ недруга, и мнози недрузи о томъ позрадутца... Понеже ближии твои, государски люди... въ таково безстыдіе уклоняютьца, и начнутъ таковы неподобный студъ содѣвати, и съ нимъ (недругомъ) начнутъ о всемъ прилежно любовь держати; и въ такомъ лихомъ безстыдіи подобаетъ всякому злу изъявпться и великому твоему государскому дѣлу не крѣпко быти, и тайнымъ твоимъ рѣчемъ въ поношеніе быти, и во иныхъ земляхъ обнажатца; *понеже мыи стоиши со многими изымался за руку*. И тебѣ, государю великому, которая похвала въ такихъ чужпхъ неразумныхъ совѣтахъ бога прогнѣвати“ ²⁾ и т. д. Намеки, сдѣланные въ этой обличительной тирадѣ, очень прозрачны. Благочестивый моралистъ докладываетъ великому государю, что тѣ люди, которые его окружаютъ, съ которыми онъ изымался за руку, очень неблагонадежны: они способны сдружиться съ врагами своего государя и выдать имъ все его тайны.

многашды бесѣдоваше, поучался отъ него; онпжъ, боящеся, да не паки въ любовь къ царю придетъ и укажетъ цареви, иже яко епископи, такъ и мнѣся съ начальники своими законопреступно и любостыжательнo, не по правиламъ апостольскимъ и святыхъ отцевъ живутъ; сего ради вся сія творящу, держающе и исполняюще такъ презлыя дѣла свои на святыхъ, да покроютъ злость свою и законопреступленіе» (Сказан. Курбскаго, 118—119).

¹⁾ Сильвестръ и его писаніи, стр. 72—73.

²⁾ Тамъ же, стр. 78—79.

Выводъ получается такой: „Аще сотвориши се, искорениши злое се беззаконіе—прелюбодѣяніе, содомскій грѣхъ и любовниковъ отлучиши, безъ труда спасешися и прежній свой грѣхъ оцистиши, и великій даръ отъ Бога получиши... и Божію благодатию все царствіе свое изнова просвѣтиши, и твое царствіе славою превознесетца и во вѣки не подвижитца; и аще исправиши сія, вси врази твои падуть подъ погами твоими и не возмогутъ возстати. Господь силъ съ тобою будетъ на всяко время, и дастъ ти Господь по сердцу твоему, и весь сонѣтъ твой исполнитъ, и возрадуешься о спасеніи Господа Бога твоего, и во имя Господа Бога своего возвеличишися; исполнить Господь вся прошенія твои, поспеже престоль твой правдою и кротостию и судомъ истиннымъ совершенъ есть. *Се смиряеши, а сею возносиши, якоже пишетъ: Боже, судъ твой царице даждь и правду твою сыну царице судити людемъ твоимъ въ правду и нищимъ твоимъ въ судѣ. Царскимъ бо судомъ вся смиряетца*“¹⁾.

Любовники, о которыхъ говоритъ Сильвестръ, это, очевидно, тѣ же самые люди, которыхъ Курбскій называетъ ласкателями и челоуѣкоугодниками, и о которыхъ онъ отзывается такъ: „Надъ нихъ же ни единъ прыщъ смертный во царствѣ повѣтреннѣйшъ быти можетъ“²⁾.

Курбскій и Сильвестръ поясняютъ другъ друга. Между „ласкателями“, противниками Сильвестра, указываются бояре, воеводы и избные люди, такіа лица, въ рукахъ которыхъ находится государево дѣло, которымъ извѣстны государевы тайны. Такимъ образомъ вопросъ, имѣвшій, по видимому, отношеніе только къ частной жизни царя и его окружающихъ, получаетъ болѣе обширное значеніе. Выступаютъ два круга людей, которые борются одинъ съ другимъ изъ за вліянія на молодого царя. Людей одного круга называютъ намъ ласкателями, челоуѣкоугодниками, грязными развратниками, людьми, улучившими свинское житіе. Понятно, что въ такомъ отзывѣ печего искать безпристрастія. Тутъ слышится раздраженіе, голосъ страсти. Чтобы судить по возможности безпристрастно, пужно ближе познакомиться съ самими обличителями-моралистами, съ ихъ взглядами и стремленіями. Сильвестръ, Адашевъ, Курбскій, вотъ—извѣстнѣйшіе люди изъ этого кружка моралистовъ.

¹⁾ Тамъ же, стр. 82—83.

²⁾ Сказан. Курбек., стр. 68.

V.

Дѣятельность Сильвестра вызываетъ, какъ извѣстно, противорѣчивыя сужденія. Когда говорятъ о Сильвестрѣ какъ совѣтникѣ царя Ивана, его представляютъ замѣчательнымъ человѣкомъ своего времени, высокимъ умомъ, добродѣтельнымъ пастыремъ и т. д. Совсѣмъ иное слышится, когда рѣчь заходитъ о Сильвестрѣ, какъ объ авторѣ „Наказанія къ сыну“ собиратель Домостроя. Благоуищенскій попъ рисуется при этомъ человѣкомъ самыхъ ограниченныхъ взглядовъ, не понимающимъ ничего, кромѣ узкихъ своекорыстныхъ интересовъ, отчаяннымъ сторонникомъ нравственнаго застоя и проч. Нужно прибавить, что тѣ же противорѣчивыя сужденія удобно могутъ быть распространены и на весь кружокъ Сильвестра. Здѣсь неумѣстно объяснять и примирять эти противорѣчія. Достаточно, что эти противорѣчія отерываютъ передъ нами двѣ стороны въ дѣятельности Сильвестрова кружка: на одной изъ нихъ представляются планы важныхъ и обширныхъ преобразованій въ церкви и государствѣ, на другой — упрямое, тупое и мелочное стародумство.

О преобразованіяхъ въ области церковной уже было упомянуто. Что же касается государственныхъ задачъ, которыя выставлялъ кружокъ Сильвестра, то лучшимъ пособіемъ для ознакомленія съ ними могутъ служить приведенные выше царскіе запросы 1551 года. Сомнѣваться въ томъ, что вопросы эти исходили именно изъ кружка Сильвестра, едва ли возможно въ виду ясныхъ указаній Курбскаго и царя Ивана. Въ письмѣ къ Курбскому царь обвиняетъ Сильвестра и Адашева въ томъ, что они старались отнять у него „отъ прародителей данную власть, еже боярамъ нашимъ по нашему жалованью честію предсѣданія почтеннымъ быти“. Здѣсь, очевидно, разумѣются мѣры, направленныя противъ мѣстничества, о чѣмъ шла рѣчь и въ вопросахъ 1551 года ¹⁾. Царь обвиняетъ Сильвестра и за вотчинные передѣлы, которымъ въ вопросахъ 1551 года посвящено нѣсколько пунктовъ. Что порицаетъ Иванъ, то хвалитъ Курбскій. Въ особенную заслугу „избранной радѣ“ онъ ставитъ устройство „стратилатскихъ чиновъ“: „Аще кто явится мужественнымъ въ битвахъ сего дарованна почитано яко движимыми вещи, такъ и недвижимыми“ ²⁾.

¹⁾ Тамъ же, стр. 164.

²⁾ Сказан. Курбск., стр. 10.

Такимъ образомъ въ словахъ Курбскаго и царя Ивана ясно отмѣчается тотъ главный, основной пунктъ, около котораго сосредоточивались всѣ преобразовательные планы Сильвестрова кружка. Это устройство „стратилатскихъ чиновъ“, какъ выражается Курбскій, то-есть, организаціи служилого сословія. Припомнимъ при этомъ предложенные въ 1551 г. вопросы о неправильномъ раздѣлѣ помѣстій, о вотчинныхъ книгахъ, о новомъ описаніи земель, о вдовыхъ боярыняхъ, о мѣстничествѣ¹⁾.

Вопросъ объ устройствѣ и обеспеченіи служилого сословія давно уже стоялъ на очереди. Но рѣшеніе его встрѣчало громадную препятствія и медленно подвигалось впередъ. Дѣло въ томъ, что при

²⁾ Въ прежнее время нѣкоторые изъ исследователей придавали, какъ извѣстно, совсѣмъ иное значеніе дѣятельности Сильвестрова кружка. Въ немъ видѣли орудіе людей; защищавшихъ какія-то старобоярскія, дружинныя права. Предполагали, что Сильвестръ и Адашевъ дѣйствовали за одно съ тѣми вельможами, которые потеряли возможность дѣйствовать самостоятельно при рѣшительномъ отвращеніи къ нимъ Іоанна. (*Соловьевъ*. Ист. Росс., VI, 176). «Сторона Сильвестра», говоритъ г. Горскій, — «смотрѣла на Русь сверху призмю старинныхъ родовыхъ началъ, не понимала переверота, совершавшагося передъ ея глазами въ жизни народа Русскаго. По паденіи Сильвестровой стороны, Курбскій и другіе знатные родичи рѣшаются бѣжать въ Литву. Причина очень ясна: съ паденіемъ стороны Сильвестра, они должны были выйти изъ той роли, которую играли до того времени, должны были потерять свой вѣсъ и значеніе, поспорить предъ новыми лицами, возвышенными и приближенными къ престолу полку самодержца» (Жизнь кн. А. М. Курбскаго, стр. 55 и 149). Малая основательность этого взгляда указала давно (*Атеней* 1858 г., № 46, стр. 131—168, статья *Н. Попова*). Царь, говорятъ намъ, пыталъ рѣшительное отвращеніе къ родовитымъ людямъ, и потому окружилъ себя такими незнатными людьми, какъ Сильвестръ, Адашевъ и др. Но что же оказалось? Незнатные люди вмѣсто того, чтобы стараться удержать свое положеніе, стоять за то, на чемъ опиралось ихъ значеніе, ищутъ сближенія съ тѣми именно людьми, которыхъ они заслонили; мало того: они дѣлаются орудіемъ этихъ людей, которые, какъ намъ говорятъ, были такъ слабы, что не могли дѣйствовать самостоятельно. Въ дѣйствительности такихъ противорѣчивыхъ явленій не было. Тѣ родовитые люди, которые сближались съ кружкомъ Сильвестра, дѣлали это просто потому, что находили полезнымъ для себя расположеніе могущественныхъ людей. Ихъ родовая честь не имѣла тутъ никакого значенія. Кн. Курбскій, этотъ «родовъ униженныхъ обломковъ», былъ, какъ видно, такъ бѣденъ и такъ мало самолюбивъ, что радъ былъ получить себѣ (1550 г.) помѣстье въ 200 четвертей, на ряду съ дѣтми боярскими первой статьи. Кружокъ Сильвестра не только понималъ «переворотъ, совершавшійся передъ его глазами», но и принималъ въ немъ значительное участіе, если только подъ этимъ переворотомъ разумѣть переходъ княжеской и вотчинной Руси въ Русь царскую и помѣстную.

этомъ затрогивалось слипкомъ много противорѣчивыхъ интересовъ, требовалось измѣнить много давно установившихся общественныхъ отношеній ¹⁾). Припомнимъ, напримѣръ, въ какомъ противорѣчїи меж-

¹⁾ Максимъ Грекъ давалъ такіа наставленія царю: «Еже убо пелелѣнитъ благотворити и дарити суцая о владѣющемъ неможно и прочихъ слугъ своихъ, царя вонистину благовѣрнаго свойственно ему есть дарованіе и исправленіе. Симъ бо образомъ уподобляють себе владѣющіе на земли царствующему въ вышнихъ, иже сіяеть солнце свое на праведныхъ и на неправедныхъ и дождитъ на благихъ и лукавыхъ. Царь убо пресвѣтѣль смѣи и преславенъ, утверди себе богомудренно, да не побѣжденъ будеши когда страстію іудейскаго богомерскаго и раболѣпнаго сребролюбїа. Поминай же всегда завѣщавающаго пророка и царя и глаголюща: не уповайте на неправду и на восхищеніе не желайте; богатство аще течеть, не прилагайте сердце; да не предпочтеша убо его икогю *ныкогю сусмудрена земнаго советника*, еже бо преслушати Бога и учительство зѣятыхъ его апостолъ и пророкъ повинны насъ творить глаголющему оному неложному поношенію: вкупъ безуменъ и не смысленъ погибета и оставятъ чюждимъ богатство свое, и гроби ихъ жилища ихъ во вѣки». Сравни. въ «Исторїи» Курбскаго, объясненіе многочисленныхъ казней и опалъ: «Во ещѣ тѣ княжита (Воротынскіе) были на своихъ удѣлахъ и несли отчины подъ собою имѣли, а колико тысяць съ нихъ не чту воинства было—слугъ ихъ, имъ же онъ заврѣчи, того ради губилъ ихъ. Князятъ Прозоровскихъ и Ушатыхъ погубилъ всероде, понеже имѣли отчины великія, мно, негли изъ того ихъ погубилъ» (Сказан., стр. 87, 85).—«Благовѣривѣйшїи царю, самодержецю», продолжаетъ Максимъ—«лѣтъ ми глаголати всю истину предъ царствїемъ твоимъ, яко ни единны ради вины уничижены быша отъ всѣхъ Владыки и Творца, иже мо насъ Грековъ послѣднїи царіе и державу свою погубиша, точїю за превелїю ихъ гордость и превозношенїе и сребролюбїе іудейское и лихоимство, ими же побѣждени бывше, хищашу неправедне имѣнїа подручниковъ, презираху своя бояры въ скудости и лишенїи потребныхъ живущихъ, вдовицы обидимаа и сироты и нищїа не отмищяа обидящихъ я. Суцая о тебѣ пресвѣтлыи князи, и бояры, и воеводы преславныи и добляи воины и почитай, и бреги, и обильно даруй, ихъ бо обогащая, твою державу отнеюду крѣпиши и ограждаеши, вдовы и сироты убогіи обидимы да не презриши, въздыхающа и слезы горкія проливающа предъ отцемъ сирыхъ и судїею вдовиць и предстателемъ убогихъ» (Соч. Макс. Гр., II, 167, 173, 351, 353). Царь Иванъ писалъ Курбскому: «Вспомни же къ хоствїю имѣнїа, рекашаго злата, аще ся ринетъ, не прилагайте сердца... Понеже убо Гіезїеву прокашенїю уподобился еси: Яко же онъ благодать Божїю на златъ продаде, тако убо и ты, злата ради, на христіанъ воздвиглъ еси» (Сказан., 154). На соборѣ 1580 года тотъ же Иванъ, по извѣстію Горсея, говорилъ духовенству такимъ образомъ: «Я часто былъ по-нуждаемъ вашими пороками зѣступатьсѣ и возстановлять права моего дрейнаго бѣднаго дворянства, отъ предковъ котораго перешла къ вамъ большая часть доходовъ, которые, по справедливости, должны принадлежать имъ, ибо они жертвовали своєю честїю, жизнїю и трудомъ за вашу безопасность и за ваше обогащенїе. Вышли доходы далеко превышають то, чтѣ обыкновенно вы можете ис-

ду собою оказались сила новыхъ государственныхъ потребностей и сила установившихся отношеній въ вопросѣ о церковно-монастырскихъ вотчинахъ. А между тѣмъ опредѣленіе земельныхъ отношеній и составляло именно сущность, основу рѣшенія вопроса о служиломъ сословіи. Обеспеченіе служилыхъ людей въ старой Руси достигалось только раздачей помѣстій. Поэтому правильное устройство служилого сословія означало ничто иное, какъ сообразную съ государственными потребностями организацію помѣстной системы. Въ вопросахъ 1551 года эта задача поставлена, по видимому, очень скромно: „И то бы приговоря, да поверстати по достоинству безгрѣшно, а у кого лишекъ, ино недостаточного пожаловати. А у кого вотчины, ино вотчинные книги устроить,.... и вѣдомо, за кѣмъ сколько прибудеть и убудеть, и по вотчинѣ и служба знать“. Предполагалось, такимъ образомъ, выполнить самое, по видимому, справедливое дѣло: поверстать помѣстьями безгрѣшно, по достоинству. Но на дѣлѣ такое поверстаніе не вѣсѣмъ могло казаться желательнымъ и полезнымъ. Со стороны, наприимѣръ, тѣхъ вотчинниковъ, которые „послѣ великаго князя Васяля и послѣ великіе княгини Елены до возраста царскаго“ успѣли увеличить свои участки, и которымъ приходилось теперь поплатиться своимъ лишкомъ, поверстаніе по достоинству не могло встрѣтить ничего, кромѣ упорнаго противодѣйствія и вражды. А число такихъ вотчинниковъ, судя по указаніямъ тѣхъ же вопросовъ 1551 года, было не мало. Удовлетворить тѣхъ, кто при новомъ поверстаніи долженъ былъ выиграть, представлялось дѣломъ едва ли еще не болѣе затруднительнымъ. Здѣсь открывалась путаница самыхъ разнообразныхъ интересовъ и расчетовъ, борьба личныхъ связей и темныхъ происковъ, начинались „междоусобныя брани“, по удачному выраженію

тратить при нашемъ роскошномъ и расточительномъ образѣ жизни. Мы, дворянство и служилые люди чрезъ все это въ упадкѣ, и наша казна истощена» (*Библ. для чт.* 1865 г., № 5, стр. 43. Ср. у Курбскаго: «Воинскій чинъ нынѣ худѣйшій строевъ обрѣтется, яко многимъ не имѣти не токмо коней къ бравемъ уготовленныхъ, или оружей ратныхъ, но и дневная пища, ихъ же недостатки, и убожество, и бѣды, и смущенія всяко словесство превзыде». Сопоставленіе такого рода свидѣтельствъ, идущихъ отъ людей самыхъ различныхъ положеній и направленій, производитъ на первыхъ порахъ странное впечатлѣніе. Все кричать противъ корыстолюбія, все обвиняютъ другъ друга въ захватъ чужаго, никто только не чувствуетъ за собою этого порока. Но присмотрѣвшись ближе къ этимъ названнымъ обвиненіямъ, мы не можемъ не догадываться, какой глубокой соціально-экономической переломъ долженъ былъ скрываться подъ этимъ «лебостяпаніемъ», о которомъ такъ много говорили въ XVI вѣкѣ.

Ивана Васильевича. Тотъ, кто рѣшился бы провести задуманныя мѣры чрезъ весь этотъ рядъ противорѣчій, долженъ былъ бы обладать величайшимъ тактомъ и величайшимъ безпристрастіемъ. А у людей изъ кружка Сильвестра этихъ качествъ не доставало. Ихъ взгляды на людскія отношенія не отличались широтой и свободой пониманія. Напротивъ, характеристическою чертой ихъ взглядовъ было какое-то узкое и упрямое стародумство, которое такъ не выгодно отличало Сильвестра и его друзей отъ ихъ знаменитыхъ предшественниковъ, дѣятелей предшествовавшаго царствованія, образовавшаго Максима и даровитаго Кассіана.

Лучшимъ и полнѣйшимъ выраженіемъ стародумства XVI вѣка служить Домострой и связанное съ нимъ „Наказаніе отца къ сыну“. Собирателю перваго и автору втораго нельзя отказать въ одной прекрасной чертѣ—искренности. Свою житейскую мудрость и свою эгоистическую мораль онъ проповѣдуетъ безъ всякихъ лицемѣрныхъ прикритій, съ полнымъ убѣжденіемъ въ ея вѣчной и общей пригодности. Какъ совѣтникъ царя, какъ общественный дѣятель, поставленный судьбой во главѣ цѣлаго кружка, Сильвестръ оставался все тѣмъ же ревнителемъ староотеческихъ обычаевъ и правилъ. Въ челоуѣкѣ, который давалъ царю Ивану наставленія относительно обуви и снажья, который отговаривалъ его отъ пользованія совѣтами лѣкарей ¹⁾, мы узнаемъ того стародума, который писалъ Домострой. Такого же закала были и совѣтники Сильвестра. Изъ нихъ, со стороны своего образа мыслей, всего извѣстнѣе князь Курбскій. Его общественное положеніе и его дѣятельность представляли мало общаго съ положеніемъ и дѣятельностію Благовѣщенскаго попа, но по своимъ воззрѣніямъ Сильвестръ и Курбскій представляютъ удивительное сходство. Опыты жизни не измѣнили въ этомъ отношеніи Курбскаго. Онъ бывалъ въ Ливоніи, жилъ въ Польскомъ государствѣ. Отзывы, сдѣланные имъ объ этихъ странахъ, чрезвычайно любопытны и важны для характеристики его взглядовъ. Говоря объ Ливоніи, Курбскій упоминаетъ о ея богатствѣ, о ея сравнительно высокой культурѣ, но это наблюденіе какъ-то мало его занимаетъ,—онъ говоритъ

¹⁾ «Во внутреннихъ же», пишетъ Иванъ, —ни въ младѣйшихъ и худѣйшихъ глаголю же до обща и спасенія, вся не по своей волѣ бѣху, но по ихъ хотѣнію творяхуся; яамъ же акы младенцемъ пребывующимъ... Въ врачевствѣ же и хитрости, своего ради здравія, ниже помянути тогда биче». (Сказан. Курбск., стр. 164, 167).

о немъ мимоходомъ. За то Курбскій много распространяется, съ своей точки зрѣнія, о религіозныхъ и нравственныхъ особенностяхъ обитателей Ливоніи. „Тамъ земля зѣло была богатая, и жители въ ней быша такъ горды зѣло, яко и вѣры христіанскія отступили и обычаевъ и дѣлъ добрыхъ праотець своихъ, но удалилися и ринулися всѣ по широкому и пространному пути, сирѣчь ко пьянству многому и невоздержанію, и ко долгому спанію и лѣнивству, къ неправдамъ и кровопроливанію междоусобному, яко есть обычай, презлыхъ ради догматовъ, таковымъ и дѣлають послѣдовати. И сихъ ради, мною, и не попустилъ имъ Богъ быти въ покою и въ долготу дней владѣти отчизнами своими“. Подобный же отзывъ Курбскій дѣлаеть и объ обитателяхъ Польскаго государства ¹⁾. Сравнительно съ тѣмъ запасомъ убѣжденій и правилъ, каковымъ владѣль Курбскій, жизнь въ этихъ помыхъ для него странахъ казалась чѣмъ-то совершенно безправственнымъ, широкимъ и пространнымъ путемъ, на которомъ, казалось ему, ничего нельзя встрѣтить, кромѣ пьянства, невоздержанія и неправды.

¹⁾ Сказан. Курбск., стр. 48; сравни еще стр. 49 и 65. Вотъ отзывъ о Польшѣ: «Властели земли той драгоцѣнными колами со безчисленными проторы гортанъ и чрево съ марцыпаны натыкающе, и яко бы въ углахъ дѣлвы дражайшія различныя вина безмѣрнѣ льюще и съ печенегн въкупе высоко скачуще и воздухъ біюще, и такъ прехвальнѣ и прегордѣ другъ друга пьяни восхваляюще, иже истокмо Москву, або Константинополь, но аще бы и на небѣ былъ Турокъ, совлещи его съ другими неприятелими своими общавающе». На дѣлѣ эти похвалы не приводятъ ни къ чему. Паны лѣнны и трусливы: «А издавна ли тые народы и тые люди нерадивы и не милосерди такъ зѣло о нихъ лзыцѣхъ и о своихъ сродныхъ? Волстину не издавна, но ново: первѣе въ нихъ обрѣтахуся мужіе храбрые и чюины о своемъ отечествѣ. Но что нынѣ таково есть и чего ради нынѣ таковыя приключишася? Занеже того ради: егда быша во вѣрѣ христіанской и въ церковныхъ догматахъ утверждены и въ дѣлѣхъ житейскихъ мѣрнѣ и воздержнѣ хранилцесь, тогда яко единыи человекыи шилѣннѣе во вѣрѣхъ пребывающе, себи и отечество бранище. Виегда же пути Господни оставили и вѣру церковную отинули, многого ради презвншаго покоя, возлюбивше же ринушася во пространнѣи и широкѣи путь, сирѣчь въ пропасть среди лютеранскія и другихъ различныхъ сектъ, начежь пребогатѣйшіе ихъ властели на сіе непреподобіе дерзнуша, тогда отъ того имъ приключишася» (ibid. 56—58). Какъ строгій ревнитель праотеческой вѣры, Курбскій сильно упрекалъ князя Острожскаго за то, что тотъ выказывалъ расположеніе къ аріанину Мотовилѣ и пользовался его сочиненіями прогивъ іезуитовъ (ib. 245—249). Въ началѣ 1576 года, панъ Древнскій прислалъ Курбскому поздравленіе съ новымъ годомъ. Выраженіе: «Поздравляю тя новымъ рокомъ 76-мъ», чрезвычайно

Въ замѣткахъ Курбскаго о Ливоніи и Польшѣ слышится то же благочестивое негодованіе, которое заставило автора посланія къ царю говорить противъ людей, помрачившихся безуміемъ и улучившихъ свинское житіе.

Сравнивая слова автора посланія предполагаемаго Сильвестра съ отзывами Курбскаго, мы удачнѣе входимъ въ пониманіе того, съ какой именно точки зрѣнія судили они о нравственныхъ достоинствахъ и недостаткахъ людей и какой именно кругъ отношеній обнимали понятіемъ нравственнаго и безнравственнаго. Ливонцы наказаны за то, что отказались отъ вѣры и обычая предковъ. То же можетъ случиться и съ Русью. „Въ коейжда странѣ“, замѣчено въ Стоглавѣ,—„законы и чины не приходятъ другъ ко другу, но своего обычая кійждо законъ держитъ; мы же православніи, законъ истинный отъ Бога приѣмше, разныхъ странъ беззаконіи осверникомся, обычая злая отъ нихъ приѣмше, и сего ради казнить насъ Богъ за таковая преступленія“¹⁾. То гореванье по старинѣ, которое слышится въ этихъ словахъ, сильно было и въ составителяхъ царскихъ вопросовъ 1551 года. Вотъ почему, на ряду съ предложеніями, затрогивавшими самыя важныя государственныя отношенія, мы встрѣчаемъ здѣсь такіе вопросы: зачѣмъ стали носить платье новаго, иноземнаго покрою? зачѣмъ ѣдятъ и продаютъ „давленину“? зачѣмъ стали надѣвать на голову табью? зачѣмъ стали брить бороды? ²⁾.

Гореванье по старинѣ имѣло, впрочемъ, свои причины. Въ XV—XVI вѣкахъ становятся замѣтными на Руси первые признаки разложенія вѣковой старины въ областяхъ преданія и обычая. Чистота

не поправилось Курбскому. «О, смѣху достойное поздравленіе и руганія полное! Оставивъ памяти правдусмыя воплощенія слова Божія отъ дѣвницы и явленія на Іорданѣ... аки неистовъ инокъ, вмѣсто Сотворителя имене, наидѣшнее созданіе цари твари поздравляти сотвореніемъ лжимъ, еще сотвореніемъ не токмо не чувственнымъ, но и бездушнымъ» (ib. 244).

¹⁾ Стогл., гл. 39-я.

²⁾ Стогл., гл. 5-я, вопр. 25 (ср. гл. 40-я), 21-я (ср. гл. 39-я), 32-я (ср. гл. 91-я). Относительно брадобритія одинъ изъ исследователей Стоглава, И. В. Вѣляевъ, собралъ рядъ любопытныхъ указаній и свидѣтельствъ, объясняющихъ, почему именно возставали у насъ въ старину противъ этого невиннаго обычая. Смыслъ нѣкихъ этихъ свидѣтельствъ одинъ и тотъ же. «Преступникомъ заповѣдь Божию, вознепадѣхомъ, по созданію Божию, свой образъ и строимся женскою подобіемъ на прелесть блудникомъ» (Сильв. и его писан., 86). Ясно отсюда, какой обширный объемъ имѣло у старинныхъ писателей понятіе о томъ «бесвѣдїи», противъ котораго говоритъ авторъ посланія къ царю.

обычая мутилась отъ притока разныхъ чужебытовыхъ примѣсей. Сила преданія ослаблялась вліяніемъ новыхъ понятій ¹⁾. Конечно, формы, въ которыхъ выражалась эта сила стараго новымъ, представляли нерѣдко нѣчто уродливое и дикое. Притча о новомъ винѣ и старыхъ мѣхахъ находитъ себѣ примѣненіе въ жизни всякій разъ, лишь только открывается борьба противоположныхъ міровоззрѣній и различныхъ культуръ. Для многихъ отказъ отъ старины былъ равносильнъ освобожденію отъ всякихъ правилъ. Старая мораль имъ падала, а новой ихъ еще не научили. Съ жадной невѣдомыхъ наслажденій, съ чувствомъ полноты не тронутыхъ, долгосдерживаемыхъ силъ, они бросались въ жизнь, въ сущности пустую, но бойкую, которая тѣмъ сильнѣе, кажется, правилась, чѣмъ больше нарушала она чопорность и скуку стариннаго быта ²⁾. Но не всѣ, конечно, могли удовлетворяться повизною, которая высказывалась только въ праздности, въ свободѣ разгула и наслажденій. Были и такіе, которые жили не по старинѣ, потому что и думали не по старинѣ. Они отказывались отъ дѣдовскихъ обычаевъ и правилъ, потому что ихъ умственные и нравственные интересы лежали далеко за предѣлами того неширокаго круга, который очерчивался старинною мудростью и старинною моралью. Для людей стародумныхъ, какъ Сильвестръ и Курбскій, разницы между первыми и вторыми людьми не существовало, да и не могло существовать. Для Курбскаго всѣ жители Ливо-

¹⁾ Ср. Герберштейна записки (русска. перев.), стр. 66.

²⁾ Лучшимъ источникомъ для изученія въ этомъ отношеніи состоянія русскаго общества въ XVI вѣкѣ могутъ служить сочиненія митроп. Даніила. Вотъ что, напримеръ, говорилъ онъ своимъ современникамъ: «Еже щипати и дровичися, и туе и всеу дни своя изжидити, зѣло губительно есть. Откуда бо многогубительными реходы и долги, не отъ гордости ли и безумныхъ проторонъ, и на жену и на дѣти кибалы, и норуки, и сиротство, и рыданіе, и слезы? Всегда наслажденіи и униженіи, всегда пиры и позорища, всегда бани и лежаніе, всегда мысли и помыслы нечистыя, всегда праздность и безумная толкашія, яко же нѣкихъ мошенниковъ и оманниковъ, демонскимъ наученіемъ. Всякъ дѣвигея учитися художеству, вси бѣгають руководія, вси щипать торгованіи, вси повошають земледателямъ; вси отъ душеполезныхъ притчей и повѣстей уклоняются, вси отъ духовныхъ бесѣдъ бѣгають, вси плотская любятъ, всемъ грѣховная и беззаконна рѣдостна, вси на земли хотятъ жити, вси по смерти житія не памятувають, вси красятся и унестреваются и постушающе хуваются, и въ смѣхъ весь умъ спой занурша, и уже и на небо, не вѣмъ, како взрають; вси коциницы, вси смѣхотворцы, вси злоглаволицы, класетницы» (Описан. сввод. рукоп.; отд. II, 3, стр. 163—164). Въ объясненіяхъ Даніила мы найдемъ лучшей комментарий для извѣстій о житьѣ-бытьѣ царя Ивана и его друзей и ласкателей.

ши, отказавшіеся отъ старой вѣры, сливались въ одно общее представленіе людей, идущихъ по мірскому и пространному пути. Для Сильвестра въ подобное же общее представленіе людей, улучившихъ свинское житіе, сливались всѣ люди, не признававшіе надъ собою обязательной силы правилъ, собранныхъ въ Домострой. Такая неключительность и узкость возрѣній вредила самому же кружку Сильвестра: изъ-за нея они отталкивали отъ себя людей, которые по своему уму и вліянію могли бы быть для нихъ важными и полезными пособниками. Таковъ былъ, на примѣръ, дьякъ-печатникъ Висковатый. Онъ стоялъ виѣ Сильвестрова кружка, разъ выступилъ даже явнымъ врагомъ Сильвестра. Было, дѣйствительно, обстоятельство, которое рѣзко отдѣляло Сильвестра отъ Висковатаго. Послѣдній извѣстенъ былъ у своихъ современниковъ за челоуѣка, не твердаго въ вѣрѣ, плохаго исполнителя набожныхъ обычаевъ ¹⁾. Но Висковатый былъ не одинъ. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ именпо бояръ, воеводъ и избныхъ людей, противъ которыхъ говорилъ авторъ посланія къ царю, и которыхъ Курбскій называлъ ласкателями. Ко всѣмъ этимъ людямъ Сильвестръ и его друзья ставили себя въ явно враждебныя отношенія. Они не довольствовались тѣмъ, что обзывали ихъ нечестивцами, развратниками; они представляли ихъ

¹⁾ «А и въ міру», пишетъ царь Иванъ въ посланіи къ игумену Козьмѣ, «тотъ Шереметевъ съ Висковатовымъ первые не почали за кресты ходити, и на то смотри, всѣ не почали ходити, а до тудова все православное христіанство, и съ женами и со младенцы, за кресты ходили и не торговали того дни, оиричь съѣстнаго, ничѣмъ, а кто учнетъ торговати, и на томъ имали заповѣдь» (А. И., I, стр. 383). Въ 1553 году тотъ же Висковатый выступилъ, между тѣмъ, самымъ яркимъ сторонникомъ старины. Его соблазняли иконы новаго образца, написанныя въ Московскихъ церквяхъ и царскихъ палатахъ подъ надзоромъ Сильвестра. Свои недоумѣнія Висковатый изложилъ въ особомъ «спискѣ», который представилъ митрополиту. Трудно думать, чтобы не благочестивый дьякъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ по воли искреннему убѣжденію, но ясно, что по тѣмъ или другимъ побужденіямъ онъ хотѣлъ подставить ногу могущественному Благовѣщенскому попу. Къ числу людей, съ которыми враждовалъ кружокъ Сильвестра, принадлежалъ и другъ Висковатаго государевъ казначей Фуниковъ. Царь Иванъ пишетъ: «Что жъ о казначей нашемъ Никитѣ Леонасевичѣ, почто животь его раздробисте, самого же въ ваточеніи много лѣтъ въ дальныхъ странахъ, во алчбѣ и наготѣ держисте? И кто можеть доволно вся гоненія наша исчести, за множествомъ ихъ? Лице кто мило намъ послушенъ явится, вси гнѣ отъ нѣкъ гоними быша исправедно? Сіе убо праведно? Не, но бѣсомъ подобно твористе снивая и палящая сѣти, уловляюще неправедно» (Сказан. Курбск., 183).

людьми вредными и опасными для государя и государства. Очевидно, здѣсь должна была открыться борьба на жизнь и на смерть. Тѣ, кого старались отгѣснить отъ царя подѣ предлогомъ заботливости о благѣ и чести государевой, отражали своихъ противниковъ ихъ же оружіемъ. Мѣры, которыя проектировала партія Сильвестра, весь образъ ея дѣйствій подвергались самому безошадному осужденію. Эти мѣры и дѣйствія старались представить притязаніями, лишенными всякаго государственнаго смысла, опасными замыслами, оскорбительными для государевой власти. Отголосокъ этихъ толковъ живо слышится въ посланіяхъ Ивана къ Курбскому ¹⁾). Для Сильвестра и его сторонниковъ эти толки не могли быть тайной. Въ 1551 году, готовя къ соборному обсужденію цѣлый рядъ предположеній касательно государственнаго управленія, они хорошо знали, что эти мѣры, какъ и всѣ ихъ дѣйствія, вызовутъ неблагопріятныя разсужденія и упорное противодѣйствіе. Враги ихъ кружка должны были значительно усилить и безъ того обширный контингентъ лицъ, недовольныхъ самими мѣрами, которыя предполагалось осуществить. Среди этой тьмы недоброжелателей сторонники Сильвестра могли опираться только на благосклонность и расположеніе царя, и они дѣйствительно искали этой опоры. Всмотриваясь въ посланіе къ царю, мы не можемъ не замѣтить, что они дѣйствовали съ значительнымъ умѣньемъ и съ пониманіемъ характера молодого царя. О своихъ врагахъ—людяхъ, близкихъ къ царю и пользовавшихся его

¹⁾ «Или мнѣши», пишетъ царь,—сіе быти свѣтлость благочестивая, еже обладатися царству отъ попа *нелъжи*, отъ злодѣйственныхъ, измѣнныхъ человекъ, и царю повелѣваему быти?... Воспомяни же: егда Богъ, изводяще Израиля изъ работы, егда убо постави священника владати людьми, или многихъ рядниковъ? Но единого Моисей, яко царя, постави владѣтеля надъ ними, священствовати же ему не повелѣ, но Аарону брату его повелѣ священствовати, людскаго же страсенія ничего не творити» (ср. отзывъ о Сильвестрѣ въ Царственной книгѣ). О времени господства Сильвестра царь замѣчаетъ: «Намъ же что аще и благо совѣтующе, сія вся непотребно имъ учинихомся; они же аще что и *строитиво* и *развращенно сотъвоваху*, но сія вся благо творяху... Се ли убо горько и тма, яко *отъ злыхъ престати* и *благия творити*? Но се есть сладко и свѣтъ. Аще убо царю не понинуются подвластныи, *никогда же отъ междоусобныхъ брачей престануть*. Се убо *злоба обычна: сама себя ханати*. Самъ не разумѣя, что сладко и что и свѣтъ, и что горько и тма, и ниныхъ поучаены! Или се сладко и свѣтъ, яко *благихъ престати*, а *злая творити междоусобными брацыми* и *самопольствомъ*? *Всѣмъ явлена суть, яко нѣсть свѣтъ, но тма и нѣсть сладко, но горько* (Сказ. Курбск., стр. 149, 150, 164, 169).

расположеніемъ, Сильвестръ говоритъ, по видимому, слишкомъ смѣло и слишкомъ откровенно. Но онъ знаетъ, что эту смѣлость можно сдѣлать совершенно безопасною. Съ видомъ полной убѣжденности онъ замѣчаетъ, что близость къ царю такихъ вредныхъ и опасныхъ людей кажется ему совершенно случайною, дѣломъ недоразумѣнія. „И тебѣ, великому государю, которая похвала: въ твоей области, православнаго царя, поношеніе безстудное? И которой похвалѣ быти твоему величеству? Ты о всемъ надежду и упованіе полагаеши на Бога, а людіе твои, раби мнози, дерзновеніемъ и небреженіемъ и безстудными скверными удаляются отъ Бога и раздражаютъ его“. Урокъ, преподаваемый въ этихъ словахъ, облеченъ былъ въ такую привлекательную и льстивую форму, которая на себлюбиваго Іоанна могла подѣйствовать только пріятно. Ему правилось, что его не смѣшиваютъ съ другими, съ тѣми, которые его окружали; онъ могъ находить справедливымъ даже, что его выдѣляютъ на какую-то особенную высоту правственихъ достоинствъ. Но вотъ, рѣчь заходитъ о самомъ интересномъ для Іоанна предметѣ, о его высокой самодержавной власти. Авторъ посланія сравниваетъ Іоанна со св. Владиміромъ ¹⁾; юному царю предлагается повторить великое дѣло его знаменитаго предка, заново просвѣтить Русь, омраченную печестіемъ и грѣхами. При этомъ смѣлый обличитель смиренно склоняется предъ безмѣрнымъ величіемъ того, кому выпала на долю такая священная и высокая дѣятельность: „Сего смиряеши, а сего возносиши, яко же пишеть: Боже, судъ твой царици даждь, правду твою сыну царицу, судити людемъ твоимъ въ правду и ницимъ твоимъ въ судъ. Царскимъ бо судомъ вся смиряется“ ²⁾. Предъ юнымъ Іоанномъ раскрывалась обширная и величественная перспектива, которая такъ хорошо совпадала съ его любовью къ своей власти, съ его охотой дѣйствовать самостоятельно. Все, по видимому, склонялось передъ нимъ, все ждало, что онъ начнетъ дѣлать, и онъ чувствовалъ, что онъ долженъ что-нибудь начать. Онъ не замѣчалъ, что

¹⁾ Авторъ посланія умѣлъ, какъ видно, попадать въ цѣль. Царь Иванъ Васильевичъ любилъ вспоминать о князьяхъ Владимірѣ Святомъ и Владимірѣ Мономахѣ; отъ нихъ онъ велъ начало своей самодержавной власти. «Самодержавство божіимъ изволеніемъ почиъ отъ великаго князя Владиміра, просвѣтившаго всю русскую землю святымъ крещеніемъ и великаго царя Владиміра Мономаха, иже отъ грѣхъ высокодостойнѣйшую честь восприемшу... дойде и до насъ смиренныхъ». (Сказан. Курбск., 136—137).

²⁾ Сильвестръ и его пис., стр. 79, 83.

это что-нибудь было уже готово, что вмѣстѣ съ чувствомъ какого-то пріятнаго долга ему указаны были и задачи дѣятельности. Оставалось только достигнуть того, чтобъ это еще не остывшее чувство выразилось въ какой-нибудь осязательной и опредѣленной формѣ, и это было достигнуто. На соборѣ 1551 года предложено было посланіе царя, которое, по справедливости, можно назвать повтореніемъ тѣхъ внушеній, которыя высказывались въ посланіи Сильвестра. Юный царь выступилъ въ этомъ посланіи въ роли обличителя и моралиста; громилъ гордость, распутство, корыстолюбіе, зависть. Онъ не замѣчалъ, по видимому, какъ странно должны были звучать въ его устахъ эти обличительныя рѣчи. Онъ, очевидно, заинтересовался своею ролью; она давала ему случай высказать любимыя, задушевыя мысли. Онъ могъ много говорить о себѣ, о тѣхъ несчастіяхъ и оскорбленіяхъ, которыя ему пришлось перенести. Обвиненія, жалобы, и вмѣстѣ съ тѣмъ, обіщанія и предположенія полились обильнымъ потокомъ. Иванъ распространялся и о своемъ печальномъ дѣтствѣ и безпутной молодости, и о тѣхъ бѣдствіяхъ и казняхъ Божіихъ, которыя постигали при немъ Русскую землю, но эти грустныя воспоминанія онъ обильно пересыпалъ обвинительными замѣчаніями: „Бояре и вельможи вѣрныи и любиміи отцемъ моимъ совѣтъ не благъ совѣщана ми, вмѣщающесе ко мнѣ доброхотствовати, наипаче себѣ самовластіе улучаху... По скончаніи дядей не по мнозѣ времени и мати моя преставися, и оттолѣ горькая скорбь постиже насъ, мнѣ сиротствующу, и тако бояре наши улучина себѣ время, сами владѣюще всѣмъ царствомъ самовластно, никому возбраняюще имъ отъ всякаго неудобнаго начинанія... Сими великими казнями въ покаяніе не внидохомъ, сами же междуособствіе злое сотворихомъ и бѣднымъ христیانомъ всякое насильство чинихомъ“ и т. д. Въ этихъ жалобахъ и обвиненіяхъ намъ слышатся все тѣ же звуки, которые повторяются и въ рѣчи на Лобномъ мѣстѣ, и въ посланіи къ Курбскому, и въ духовномъ завѣщаніи царя, и въ его рѣчи къ духовенству и боярамъ въ Александровской слободѣ. Во всю свою жизнь Иванъ тянулъ одну и ту же тоскливую пѣсню. Что-то недоброе слышалось въ этой пѣснѣ, и чѣмъ больше уходило времени, тѣмъ отчаяннѣе и ужаснѣе звучала она. Но въ 1551 году, когда Ивану было только 20 лѣтъ, оставалось еще много мѣста прекраснымъ надеждамъ и добрымъ стремленіямъ. Царь писалъ собору: „Вы же, господіе, отцы наши, пастыріе и учителя, . . . мене сына своего накажуте и просвѣщайте на всякое благочестіе, яко же лѣно есть бла-

гочестивымъ царемъ еже быти во всякихъ царскихъ праведныхъ законѣхъ и во всякомъ благовѣрїи и чистотѣ“. Царь напоминалъ отцамъ собора примѣры прежнихъ святыхъ, Стефана Новаго, Макариа Исповѣдника, Теофилакта Никомидійскаго, которые стойко и неустрашимо защищали свои убѣжденія: „Аще ли азъ вамъ буду сопротивенъ и кромѣ божественныхъ правилъ вамъ не согласенъ, вы о семъ не умолчите; аще не послушникъ буду, воспретите безъ всякаго страха, да жива будетъ душа моя“¹⁾. Отъ имени царя собору предложенъ былъ рядъ вопросовъ, указывавшихъ на различныя церковныя и земскія нестроения. Въ составленїи этихъ вопросовъ царь принималъ живое участіе, вносилъ въ нихъ свои личныя воспоминашїи и наблюденїя²⁾.

V.

Такъ готовился Стоглавый соборъ. Чтò же сдѣлалъ онъ? Далъ ли онъ какіе-нибудь важныя и прочныя результаты?

Припомнимъ указанный выше рядъ препятствїй и враждебныхъ столкновенїй, который должны были встрѣтить предположенныя въ 1551 году мѣры, мы заранѣе можемъ угадывать, какого отбѣта слѣдуетъ ожидать на эти вопросы. Сравнивая то, чтò соборъ могъ бы сдѣлать, исходя изъ предложенныхъ ему царскихъ вопросовъ и написанїй, съ тѣмъ, чтò имъ дѣйствительно было сдѣлано, нельзя не прїидти къ выводу, что результаты соборныхъ работъ были очень незначительныя. При изученїи Стоглава не разъ вспоминается изреченїе о горахъ, родильныхъ мышенка. Цѣлый рядъ важнѣйшихъ вопросовъ, затронувшихъ самыя существенныя стороны московскаго государственнаго быта, оставленъ былъ соборомъ безъ отвѣта и рѣшенїя. Быть можетъ, это зависѣло отъ того, что соборъ не находилъ себя въ правѣ разсуждать о вопросахъ чисто мірскаго характера, и потому предоставилъ ихъ рѣшенїе доброй волѣ самого царя, какъ это сдѣлалъ онъ и относительно нѣкоторыхъ церковныхъ вопросовъ. Во всякомъ случаѣ соборъ не оправдалъ въ этомъ отношенїи на-

¹⁾ Стогл., гл. III, лонд. изд., стр. 9, 10, 11, 12, 13; казанск. изд., стр. 34, 35, 36, 39, 40, 42.

²⁾ Напримѣръ: «А въ нашемъ царствїи, какъ еси былъ въ Новѣградѣ въ Великомъ и во Псковѣ (въ 1546 г.), во святѣй Соѣи Премудрости Божїей и у Живоначальной Троицы и во всѣхъ святыхъ божїихъ церквахъ по воскреснымъ днямъ и по господскимъ праздникамъ и нарочитымъ святымъ на вечерни, когда выходи, «Святыхъ славы» поють. (Стогл., гл. 5-я, в. 34).

деждъ царя и его тогдашнихъ совѣтниковъ, которые въ соборныхъ рѣшеніяхъ искали опоры и освященія для своихъ дѣйствій ¹⁾).

Относительно большей части вопросовъ, касавшихся церковно-государственныхъ отношеній, соборъ высказался упрямымъ защитникомъ существовавшихъ порядковъ, даже такихъ, которые не находили себѣ никакого оправданія въ древне-церковныхъ канонахъ ²⁾. По вопросамъ, касавшимся подъема умственного и нравственного уровня въ духовенствѣ и народѣ, соборъ высказалъ нѣсколько добрыхъ пожеланій и наставленій, исполненіе которыхъ не было обезпечено ничѣмъ ³⁾.

¹⁾ Можно, конечно, предположить, что соборъ далъ какія-нибудь опредѣленные рѣшенія и по вопросамъ, касавшимся государственнаго строя,—рѣшенія, которые не могли найти себѣ мѣста въ Стоглавѣ, какъ сборникѣ церковныхъ постановленій, но доказать такое предположеніе довольно трудно.

²⁾ Цѣркіе вопросы о святительскомъ судѣ и о монастырскихъ вотчинахъ (гл. 5-я, вопр. 7 и 15), дали собору поводъ выставить цѣлый рядъ доказательствъ въ защиту независимости епископской власти и неприкосновенности церковныхъ имѣній (гл. 53-я—67-я). Доходивъ съ этихъ имѣній соборъ не находилъ возможнымъ отдавать даже для дѣла благотворительности, оставляя ихъ щедрости ширскихъ «боголюбцевъ» (гл. 72-я и 73-я; ср. *Павловъ*, Истор. оч. секуляр. церк. зем. стр. 117—121, 123—125). По вопросу о вдовьихъ погахъ, соборъ высказался въ пользу того суровою мѣрой, которое защищала нѣкогда Іосифъ Волоцкій, и которое представляла семейнаго духовенства (Георгій Скрипица) находила несправедливымъ и обиднымъ. Стоглавый соборъ возстановилъ плату съ новопоставленныхъ дьяконовъ и поповъ, которую соборъ 1503 г. отиѣнилъ, какъ не согласную съ церковными канонами. (Ср. *Макарія*, И. Р. Ц., VI, 118—120).

³⁾ По важнѣйшему изъ этого рода вопросовъ, по вопросу объ учрежденіи школъ, соборъ сдѣлалъ такое постановленіе: «Протопопамъ и старѣйшимъ священникамъ со всѣми священники и діаконы, кійждо во своемъ городѣ, избирати добрыхъ и духовныхъ священниковъ, и діаконъ, и діаконъ же, наученыхъ и благочестивыхъ... и у тѣхъ священниковъ и діаконъ учинити въ домѣхъ училища, чтобы священники и діаконы и вси православные христіане въ коемждо градѣ предавали имъ своихъ дѣтей въ изученіе грамотѣ, и на изученіе книжнаго писанія, и церковнаго пѣнія, и псалтырнаго пѣнія палойнаго... И силу бы имъ въ писаніи сказывали, по динному вамъ отъ Бога таланту, ничтоже скрывающе, чтобы ученицы ваши книги учили всѣ, которая *святая соборная церковь пріемлетъ*» (ср. гл. 6-я и 41-я, вопр. 22). Такимъ образомъ изъ предположенныхъ школъ соборъ сумѣлъ сдѣлать только какую-то новую поповскую повинность. Но принялъ ли онъ какія-нибудь мѣры для правильнаго обезпеченія школъ и успѣшнаго хода школьнаго дѣла? Находилъ ли онъ нужнымъ, чтобы церковь, въ лицѣ своихъ высшихъ представителей, принесла въ пользу народнаго обученія какія-нибудь жертвы? Нѣтъ. Онъ предоставляетъ это дѣло однимъ попамъ: учили бы своихъ учениковъ чести и пѣти и писати, сколько сами

Но незначительность тѣхъ результатовъ, которые далъ Стоглавый соборъ, еще не лишаетъ его историческаго значенія. Разсужденія и рѣшенія собора 1551 года, каковы бы они ни были, остаются любопытнымъ явленіемъ своего времени и той среды, изъ которой они исходили. Стоитъ, поэтому, пожалѣть, что до насъ не дошло списка соборныхъ дѣяній 1551 года. Онъ познакомилъ бы насъ съ самымъ ходомъ соборныхъ разсужденій, съ тѣмъ путемъ, которымъ вырабатывались соборныя постановленія. Въ Стоглавѣ мы имѣемъ только извлеченіе изъ соборныхъ дѣяній; въ немъ сохранились лишь немногіе слѣды тѣхъ первоначальныхъ матеріаловъ, которые послужили основой для соборныхъ рѣшеній. Мы приходимъ, такимъ образомъ, къ вопросу о составѣ и изложеніи Стоглава. Всѣ занимавшіеся Стоглавомъ жалуются, обыкновенно, на крайнюю беспорядочность и запутанность его изложенія. Жалобы эти справедливы. Недостатки въ изложеніи Стоглава очевидны и несомнѣнны. Нужно только прибавить, что для этой беспорядочности Стоглава можно указать нѣкоторые предѣлы и нѣкоторыя объясненія: ихъ-то мы и предложимъ прежде всего.

1) Присматриваясь къ расположенію въ Стоглавѣ отдѣльныхъ статей и постановленій, мы замѣчаемъ въ немъ нѣкоторый, хотя и очень не строго выдержанный, планъ. Такъ, если просмотрѣть всѣ статьи Стоглава, помѣщенныя вслѣдъ за пятью вступительными главами до главы 41-й, то-есть, до тѣхъ называемыхъ вторыхъ царскихъ вопросовъ, то нельзя не замѣтить, что онѣ имѣютъ нѣкоторый общій характеръ. Шестая глава Стоглава, которою начинается рядъ соборныхъ отвѣтовъ, рѣшаетъ вопросъ о поновскихъ старостахъ: „Того ради церковнаго чина въ царствующемъ градѣ Москвѣ и по всѣмъ градамъ Руссійскаго царствія и Русскіи митрополія повелѣхомъ избрати протопоповъ въ коемждо градѣ по царскому повелѣнію и по благословенію святительскому, священниковъ искусныхъ, добрыхъ, житіемъ ценорочныхъ“. Далѣе въ общихъ чертахъ излагаются обя-

умѣють, ничтоже скрывающе, но отъ Бога изды ожидающе, а и здѣсь отъ ихъ родителей *дары и почести* приѣмлюще по ихъ достоинству». Такимъ образомъ все обезпеченіе будущихъ школъ сводилось къ платѣ самихъ воспитанниковъ, то-есть, къ тому жалкому «могорцу», надъ которымъ задолго до Стоглава глумился архіепископъ Геннадій (А. И., I, № 104, стр. 148). Вопросы о народныхъ праздникахъ и суевѣріяхъ большею частію вызвали у собора такое рѣшеніе: «благочестивому царю свою царскую заповѣдь учинити, яко самъ вѣсть». (Стогл., гл. 41-я, вопр. 17, 19, 20, 21, 22, гл. 91, 92).

занности протопоповъ. Они должны наблюдать, чтобы въ церквахъ Божіихъ все совершалось по чину, чтобы священники отправляли службы по уставу, чинно и немятежно, чтобы читали они „божественныя книги, Евангеліе толковое и Златоустъ, и житія святыхъ, и Прологъ и прочія святыя душеполезныя книги на поученіе и просвѣщеніе, истинное покаяніе и на добрыя дѣла, всѣмъ православнымъ христіанамъ на душеполезную пользу“, чтобы служили молебны о царскомъ здравіи и т. д. Въ слѣдующимъ затѣмъ главахъ 7-й—40-й собраны частнѣйшія постановленія, въ подробностяхъ объясняющія обязанности приходскаго духовенства и его ближайшихъ надзирателей, протопоповъ. Въ этихъ главахъ указывается, какъ именно должны совершаться церковныя службы, какъ должны жить духовныя лица, чему и какъ должны они учить свою паству, какъ слѣдуетъ исполнять свои обязанности поповскимъ старостамъ. Словомъ, въ 6-й—40-й главахъ Стоглава собраны матеріалы для наказа приходскому духовенству¹⁾. Иной характеръ имѣютъ главы, помѣщенныя послѣ 41-й главы. Главы эти (43-й—98-й) обращены не къ приходскому духовенству, а къ церковнымъ властямъ, то-есть, къ епископамъ, монастырскимъ настоятелямъ, наконецъ—къ царю²⁾. Такимъ образомъ здѣсь собраны матеріалы для наказа монастырямъ, для уложенія о святительскомъ судѣ, наконецъ, для царскихъ указовъ относительно тѣхъ или другихъ церковно-общественныхъ вопросовъ. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что главы, обращенныя къ различнымъ властямъ, не всегда расположены въ надлежащемъ порядкѣ. Послѣднія двѣ главы Стогла-

¹⁾ Постановленія, касающіяся обязанностей поповскихъ старостъ и поповъ-бѣльцовъ, встрѣчаются правда и въ послѣдующихъ главахъ (а именно въ главахъ 67-й, 68-й, 69-й, 81-й, 91-й, 92-й), но здѣсь они имѣютъ иной видъ, чѣмъ въ главахъ 6-й—40-й: одни изъ нихъ внесены въ рядъ постановленій о святительскомъ судѣ (гл. 67-я, 69-я, 81-я), другія изложены въ видѣ общихъ рѣшеній, относящихся не къ попамъ только, а ко всей церкви (гл. 91-я, 92-я). При составленіи наказа духовенству, являлось въ виду выбрать изъ Стоглава всѣ постановленія, касающіяся приходскаго духовенства; поэтому понятно, что въ него вошли и постановленія, взятые изъ только-что указанныхъ нами главъ Стоглава; при этомъ порядокъ въ изложеніи отдѣльныхъ статей былъ измѣненъ (*Правосл. Соб.*, 1862 г., III).

²⁾ Къ митрополиту и епископамъ обращены главы 43-я—45-я, 53-я—69-я, 70-я, 76-я, 77-я—81-я, 83-я—89-я; къ монастырскимъ властямъ главы 49-я—52-я, 75-я, 82-я; къ царю главы 46-я, (47-я, 48-я), 71-я—74-я, 91-я—98-я. Нѣкоторыя главы, наприм. 71-я, обращены разомъ и къ царю, и къ владыкамъ, и къ монастырскимъ властямъ.

ва (99-й—100-й) можно назвать дополнительными. Въ нихъ говорится объ отправкѣ соборной книги къ бывшему митрополиту Иоасафу, и приводятся его замѣчанія относительно нѣкоторыхъ пунктовъ соборныхъ рѣшеній ¹⁾.

Безпорядочность въ изложеніи Стоглава зависѣла столько же отъ неумѣлости его собирателя, сколько отъ разнообразія тѣхъ матеріаловъ, которыми онъ располагалъ. Взятые изъ этихъ матеріаловъ редакторъ Стоглава не вездѣ успѣлъ достаточно переработать и удачно распределить. То тамъ, то здѣсь проглядываютъ въ его трудѣ слѣды какого-то другаго изложенія, слѣды первоначальныхъ матеріаловъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, прежде всего слѣдуетъ обратить вниманіе на ясную и несомнѣнную связь, замѣчаемую между нѣкоторыми такими частями Стоглава, которыя въ редакціи этого памятника, намъ извѣстной, представляются въ видѣ совершенно отдѣльныхъ главъ, часто раздѣленныхъ даже какими-нибудь вставочными статьями. Вотъ, напримѣръ, окончаніе 34-й главы: „И того ради вамъ, священникомъ, подобаетъ своихъ духовныхъ дѣтей поучати и наказывати прилежно, чтобы всѣ православные христіане къ церквамъ Божиимъ ходили, и къ намъ на покаяніе приходили бы съ женами и дѣтьми, и жили бы потому жъ въ чистотѣ, и въ покаяніи, и въ прочихъ добродѣтеляхъ, якоже подобаетъ православнымъ христіаномъ, а развѣ бы жены своихъ не знали иныхъ и наложницъ не держали, и чады своихъ наказывали и учили страху Божию“. А вотъ начало 36-й главы: „Такожде и чада родителей своихъ почитали бы и слушали во всемъ по священнымъ правиламъ: иже чтеть родители своя, той очистится отъ грѣхъ своихъ“, и т. д. Связь этихъ отрывковъ очевидна, а между тѣмъ въ Стоглавѣ они раздѣлены цѣлою главой (35-ю) ²⁾.

¹⁾ Что касается раздѣленія соборной книги на 100 главъ, то въ этомъ, какъ давно уже было замѣчено, нельзя не видѣть неудачнаго подражанія царскому судебнику (*Москвит.* 1845 г., № 12, I, стр. 137). Списки Стоглава представляютъ значительныя разницы не только въ изложеніи, но и въ самомъ составѣ памятника. Эти разницы дали поводъ къ различенію нѣсколькихъ «редакцій» соборной книги 1551 года (см. приложение В).

²⁾ Глава 35-я носитъ такое названіе: «Указъ соборнымъ старостамъ поповскимъ на Москю и по еяемъ градамъ, чего ради церковь соборная и староста избранъ туто и иныи церкви многія, и попы и дяконы причтены туто придити». Изъ сопоставленія разночтеній, встрѣчающихся въ текстѣ этой главы по разнымъ спискамъ, становится ясно, что первоначально «указъ поповскимъ старостамъ» имѣлъ болѣе частное значеніе, бывъ составленъ для руководства собственно московскихъ старостъ, а потомъ уже примененъ соборомъ къ прочимъ

Подобную же взаимную связь представляют главы 25-я и 26-я: одна говоритъ о недостаткѣ грамотности въ духовенствѣ, другая—объ учрежденіи училищъ въ домахъ добрыхъ священниковъ и дьяконовъ. Въ главѣ 8-й мы читаемъ: „А обѣдни бы служили священники и діаконы по уставу и по предднію... ничто же претворяюще во всемъ священническомъ сану, такожъ и діаконы во всемъ сану діаконскомъ, со страхомъ и трепетомъ, ничтоже земнаго помышляюще; а предъ обѣднею бы въ соборныхъ церквахъ и по всѣмъ церквамъ говорили

русскимъ городамъ. Вотъ примѣры указанныхъ разночтеній: въ однихъ спискахъ: «туто начнутъ молебенъ, да пойдутъ къ Пречистой соборной (то есть, къ Успенскому собору)... и пришедъ въ Пречистую въ соборну церковь, и дождутся конца, какъ вечерню отпоютъ; въ другихъ спискахъ: «начнутъ въ церкви молебенъ, да идутъ со кресты въ соборную великую церковь... и дождетъ соборныя великія церкви» и проч.; въ первыхъ спискахъ: «митрополитъ знаменается самъ честнымъ крестомъ и благословяетъ старосту»; въ другихъ спискахъ имя митрополита замѣнено болѣе общимъ: «святитель». (Стогла., Каз. изд., стр. 147 и 148). Трудно думать, чтобы соборъ занимался составленіемъ указа именно для московскихъ старостъ. Для него не было также нужды принять общій указъ къ условіямъ московскаго быта; это было дѣломъ мѣстнаго владыки, то-есть, митрополита. Всею вѣроятіемъ предположить, что указъ московскимъ старостамъ составленъ былъ именно тѣмъ лицомъ, отъ котораго и долженъ былъ онъ исходить, то-есть, митрополитомъ Макаріемъ. Будучи представленъ на соборъ, этотъ московскій указъ принятъ былъ за общее руководство, и потому и внесенъ былъ въ соборную книгу, при чемъ составитель Стоглава не совсѣмъ удачно вставилъ его въ статью, посвященную обязанности протопоповъ и поповскихъ старостъ. Указъ о старостахъ не былъ, впрочемъ, единственнымъ произведеніемъ митрополита Макарія, которымъ воспользовался Стоглавый соборъ. Замѣчено, что «въ постановленіяхъ Стоглаваго собора приводятся тѣ же самыя доказательства въ защиту неприкосновенности церковныхъ имуществъ, тѣ же царскія заповѣди и соборныя правила, и встрѣчаются тѣ же самыя выраженія, какія находимъ и въ «Отвѣтѣ» митрополита Макарія о тѣхъ же имуществвахъ къ царю Ивану Васильевичу, писанномъ, какъ можно догадываться, не задолго предъ Стоглавымъ соборомъ, (Макарія, Н. Р. Ц., VI, стр. 236—237). Но изъ этихъ примѣровъ нельзя еще дѣлать вывода о значительномъ и важномъ вліяніи Макарія на рѣшенія Стоглаваго собора. Известно, что по нѣкоторымъ вопросамъ, не маловажнымъ для тогдашняго сознанія и ставшимъ впоследствии пунктами различія между старообрядцами и сторонниками Никоновой реформы, именно по вопросамъ о пѣніи аллилуйи и о складываніи пальцевъ при молитвѣ и благословеніи, соборъ 1551 года сдѣлалъ такія постановленія, которыя расходились съ мнѣніями митрополита Макарія (Истор. рус. руск., стр. 28, 30—31, 47, примѣч. 54, 55, 61); ср. *Имен. въ Моск. общ. любит. дум. просвѣщ.* 1875 г., ноябрь, стр. 105—108, 122 (въ статьѣ о Стоглавѣ г. Бульсое).

бы часы, въ кое время священникъ проскомисапіе творить“. Замѣчаніе о проскомисапіи, то-есть, о приготоуленіи священникомъ просфоръ для литургіи, дало составителю Стоглава поводъ вставить здѣсь постановленіе о просвирахъ. Вслѣдъ за приведенными словами читаемъ: „А проскурницамъ быти чистымъ вдовамъ, единабрачнѣмъ и т. д.“. Вставка продолжается до 14-й главы, которая начинается такъ: „Такоже бы и дѣтей крестили, и свадьбы вѣнчали, и воду святили... во всемъ священническомъ санѣ сполпа“ и проч. Этой, замѣчаемой нами, связи между различными отдѣлами Стоглава нельзя себѣ объяснить иначе, какъ только предположивъ, что эти части представляютъ отрывки какихъ-то не дошедшихъ до насъ памятниковъ, въ которыхъ то, что въ Стоглавѣ разрознено и разбито по отдѣльнымъ главамъ, было изложено въ связи и послѣдовательности. Вотъ еще указаніе, подтверждающее ту же догадку: 28-я глава Стоглава, обращенная къ приходскому духовенству, оканчивается такъ: „Аще сіа благодареніемъ и хотѣніемъ сердечнымъ исправити потщитесь то съ радостію ожидайте сугуби мзды отъ Бога и царствія небснаго, по реченному Христову словеси: добрый мой рабе, благій и вѣрній, о малѣ ми быхъ вѣренъ, надъ многими тя поставлю, вниди въ радость Господа своего и прочее; *и сіа убо доздѣ священству вашему написаномъ*“. Между тѣмъ слѣдующія затѣмъ главы (29-я—40-я) обращены къ тому же священству. Очевидно, это „доздѣ“ попало въ Стоглавъ изъ какого-то другаго памятника, въ которомъ оно имѣло свой смыслъ и значеніе.

Опредѣлить съ точностію объемъ и значеніе тѣхъ не дошедшихъ до насъ памятниковъ, слѣды которыхъ сохранились въ Стоглавѣ лишь кое-гдѣ,—дѣло, конечно, невозможное. По этимъ памятникамъ прошла рука собирателя Стоглава, сгладившая болышею частію тѣ грани, по которымъ можно было бы отдѣлить одни отъ другихъ различные матеріалы соборной книги 1551 года. Но ближе присматриваясь къ этимъ, изрѣдка уцѣлѣвшимъ въ Стоглавѣ слѣдамъ какихъ-то памятниковъ, послужившихъ для него матеріаломъ, мы все-таки найдемъ нѣсколько важныхъ и любопытныхъ фактовъ, поясняющихъ составъ соборной книги, а вмѣстѣ съ тѣмъ—характеръ и ходъ соборныхъ работъ.

Въ 49-й главѣ Стоглава, которая носитъ названіе „соборнаго отвѣта о честныхъ монастырѣхъ“ встрѣчается такое замѣчаніе: „А по городамъ бы архимандриты, игумены, и строители, и старцы не скитались, кромѣ великія нужды, или праздничнаго ради пріѣзду со

святыми водами, а о нужныхъ дѣлѣхъ пишутъ со слугами ко святителю, и святитель доноситъ къ намъ, и азъ *повелю скоро управить*“ и т. д. Ясно, этотъ „азъ“ есть царь ¹⁾; но какъ замѣчаніе, сдѣланное отъ его лица, пошло въ соборный отвѣтъ? Это осталось бы намъ непонятнымъ, еслибы въ нѣкоторыхъ спискахъ Стоглава надъ послѣдней частью 49-й главы, гдѣ помѣщено и приведенное выше замѣчаніе, не поставлено было особаго заглавія: „о томъ же отъ царскаго написанія“ ²⁾. Такимъ образомъ случайно уцѣлѣвшее заглавіе знаменитъ насъ съ однимъ изъ любопытнѣйшихъ отрывковъ соборныхъ дѣяній 1551 года. Узнаемъ, что на соборѣ, кромѣ известныхъ двухъ царскихъ посланій (гл. 3-я и 4-я), предложено было еще какое-то написаніе, говорившее о монашеской жизни и монастырскихъ порядкахъ. Просматривая за тѣмъ главы 50-ю—52-ю и сравнивая ихъ съ 49-ю главой, мы замѣчаемъ въ нихъ много такого, что въ болѣе сокращенномъ изложениіи вошло и въ 49-ю главу. Такъ 52-я глава, озаглавленная „о воинственномъ питіи соборно отъ божественнаго писанія“, содержитъ въ себѣ тѣ же самыя наставленія и свидѣтельства относительно употребленія вина, которыя повторены и въ главѣ 49-й ³⁾.

¹⁾ 49-я глава оканчивается такъ: «молю же всѣхъ боголюбивіи святителии и прендобіи отцы, все богочестное Христоно стадо, и миль ся дѣю, и слезами припадаю къ вашей святости, помогайте намъ вашими святыми молитвами къ Богу всегда, да утвердитъ Господь Богъ православное сіе царство мирно и безмятежно въ родъ и родъ и на вѣки, и вашихъ ради святыхъ молитвъ даровалъ бы Господь намъ грѣшнымъ оставленіе грѣховъ и жизнь вѣчную. Азъ же долженъ всякую вашу тягость понести по разсужденію и бреши во всякихъ скорбѣхъ, елико ми Богъ поможетъ и пречистая Богородица и вси святіи. Аминь». Очевидно, что это говоритъ царь.

²⁾ Стогл., Казанск. изд., стр. 236.

³⁾ Относительно постановленій, направленныхъ противъ пьянства въ монастыряхъ («Вина бы горячаго по монастырямъ не курити и не держати, и хмѣльнаго питія, нитъ и медовъ не пити, а держати имъ для питія квасы житныи и медвенные безхмѣльные, а отъ оряжскихъ винъ не возбранются»), важно обратить вниманіе на одно мѣсто въ книгѣ Зиновія Отенскаго: «Истинны показаніе»: «И рече Аванасій: се положиша *мыи* (Зиновій писалъ въ 1566—1567 г.) законъ *новъ* по пяти мнихомъ нже съ хмѣлемъ питія. Хулиши же Косого, яко ново учить ученіе; такоже и сіе новое ученіе, еже не пити съ хмѣлемъ питія. Глагола Косой, яко игуменъ Сераніонъ рече: хмѣль отъ бѣса. Се новое ученіе Сераніонъ приведе. И глаголахъ нитъ: нѣсть убо едино, еже Косой и Сераніонъ: и Сераніонъ не ученіе приводе глагола, аже глагола, но отъ невѣданія, аще и хульно речеся ему о хмѣлю, ибо хмѣль нѣсть отъ бѣса, яко бѣсъ творити не можетъ ничесоже, едино—мечты творити можетъ» (Любопытное указаніе на ска-

Быть можетъ, въ 52-й главѣ намъ сохранены отрывокъ изъ того же царскаго написанія о монастыряхъ, которое, какъ уже замѣчено, дало матеріалъ для соборнаго отвѣта, записаннаго въ 49-ю главу (Стоглава ¹).

Въ 69-й главѣ Стоглава читаемъ: „Да въ царствующемъ же градѣ, въ Москвѣ, въ митрополичьемъ дворѣ ископи вѣчная тіунская пошлина ведется, глаголемая крестецъ, *не отъ мнѣ*, какъ оставися, кромѣ

заніе о хмѣлѣ, извѣстное по рукописямъ позднѣйшимъ, именно XVII в., см. *Ильини*, Истор. пов. и сказ., 204—206). «Ни бо въ хмѣлю піяństwo», разсуждаетъ Зиновій,—«но піяństwo имать силу отъ кваса, а не отъ хмѣлю, ниже сего ради упиватися піянствомъ, за еже быти питію съ хмѣлемъ, но за еже быти мнози сила отъ дрожжей кваснѣй.... Отъ сего познавается, яко уставляющіи сія не отъ разсмотрѣнія производшася на сіе, но мниховъ небогихъ отъ хотѣнія своего умышленіе есть сіе уставленіе.... Яко небоги суще, могутъ куповати на потребу медъ и вино гроздово; убогимъ же мнихомъ ниже во сѣ мечатися когда есть вино гроздову или меду.... Убогимъ мнихомъ едино зеліе здравію приемо—въ житномъ квасѣ хмѣль, милу отраду подавающе отъ изнеможенія, и се рѣдцѣ сотворяемо. И сіе потщашася изобилующіи отъяти у убогихъ, забывая и апостольскихъ правилъ и отеческаго устава, токмо да надъ убогими возьмются и угодитъ ихъ, показавшеся законоположницы и правители. Разсмотрѣтся же таково быти *Висліяново* и *Максимово* новое уставленіе ихъ отъ хотѣнія своего, помысли высокоумія понуждаемого, а не Духомъ Святимъ осіяваемое» («Ист. показ.», 901—904). Такимъ образомъ, постановленія противъ піяństwa Зиновій прямо ставилъ въ связь съ ученіемъ нестяжателей, съ мнѣніями Максима Грека (ср. слѣдующее примѣч.).

¹) Въ 52-й главѣ различаются двѣ части: разсужденіе о вредѣ піяństwa и основной на этомъ разсужденіи соборный приговоръ о исуотребленіи въ монастыряхъ «піянственнаго питія, сирѣчь хмѣльнаго и вина горячаго».... Въ первой части любопытно указаніе на примѣры восточныхъ монастырей: «якоже свидѣтельствують мнози чловѣци благородніи, такоже и иноци, бывшіи въ Константиноградѣ и во святѣй горѣ Аѳонскѣй и во иныхъ святыхъ *тамошнихъ* мѣстѣхъ: не токмо иноцы, но и бѣльцы вси правоглавніи христіане піяństwa ненавидѣтъ, гнушаюгся» (ср. въ 41-й главѣ отвѣтъ на 30-й вопросъ: «божественная правила не повелѣвають въ мужскихъ монастыряхъ жены погребити, а отъ обычая жь земли не токмо въ Руссійскомъ здѣ царствіи, но и въ *тамошнихъ* странахъ, во Ерусалимѣ, и во Египтѣ, и во Царѣградѣ и въ протчихъ странахъ»). Во второй части обращается на себя вниманіе рекомендація общежитія, какъ лучшей формы монастырскаго быта: «въ которымъ святимъ и честнымъ монастыремъ общимъ сущимъ духовные настоятели, архимандриты и игумены, кійждо о Христвѣ съ своею братією произволятъ и восхотятъ, по евангельскому словеси въ конецъ отреченно, нестяжательное и совершенное общежительство имѣти,... и таковіи отъ Господа Бога сугубіую мзду воспріимуть противу трудовъ своихъ и царству небесному наследницы будутъ со всеми святыми».

священныхъ правилъ". Затѣмъ: „И отнынѣ и впредь которые пріѣзжіе архимандриты, и игумены, и протопопы, и священноиноки, и священники, и діаконы учнутъ тіу ну являтися и восхотятъ наиматися по святымъ церквамъ служити обѣдню на Москвѣ, и ему у нихъ ставленнымъ, и отпусковымъ, и благословенныхъ грамотъ досматривати“, и проч. Здѣсь, очевидно, мы имѣемъ дѣло съ царскимъ предложеніемъ и соборнымъ отвѣтомъ; но интересно то, что вопросъ о пошлнѣ, глаголемой крестецъ, не внесенъ въ рядъ ни первыхъ, ни вторыхъ царскихъ вопросовъ (гл. 5-я и 41-я). Такимъ образомъ мы опять убѣждаемся въ томъ, что составитель Стоглава не имѣлъ въ виду внести въ свой трудъ всѣхъ заявленныхъ на соборѣ царскихъ написаній и предложеній, а представилъ только выборъ и извлеченіе изъ нихъ, при чемъ то, что заимствовалось изъ царскихъ написаній, не всегда даже выдѣлялось въ особо-обозначенную статью, а сливалось, напротивъ, съ составомъ самыхъ соборныхъ рѣшеній ¹⁾.

¹⁾ Къ приведеннымъ замѣчаніямъ о слѣдахъ царскихъ написаній, вошедшихъ въ составъ опредѣленія Стоглава, можно прибавить еще нѣсколько указаній. Въ концѣ 68-й главы мы читаемъ такое опредѣленіе о сборѣ епископской дани: «в отнынѣ и впредь, по цареву совѣту и по соборному уложенію, въ митрополии, и во архіепископіяхъ и въ епископіяхъ десятникомъ и засмичникомъ по тѣмъ городамъ по всѣмъ и по десятинамъ не ѣздити, а уставити по тѣмъ городамъ по всѣмъ и по десятинамъ десятниковъ ѣздати старостъ и земскихъ цѣловальниковъ, *которымъ прикажемъ*, и тѣ старосты и цѣловальники святительскую дань и десятильничьи и завѣжіе пошлны собирають по книгамъ и грамотамъ... да отдають сполна съ году на годъ на Рождество Христово или на сборъ» (Стогл., Лондонск. изд., стр. 168—169). Кто это говоритъ здѣсь «прикажемъ»? Отвѣтъ на это находимъ въ самомъ же Стоглавѣ: въ нѣкоторыхъ его спискахъ вмѣсто «*которымъ прикажемъ*», читаемъ: «*которымъ царь прикажетъ*» (Стогл. Казанск. изд., стр. 309; *Ложич.* изд., стр. 213). Глава 69-я, изъ которой мы привели замѣчаніе о пошлнѣ, глаголемой крестецъ, носятъ такое заглавіе: «О пошлнѣ царевъ указъ и соборное уложеніе». Въ отвѣтъ на 24-й вопросъ 41-й главы приведено указаніе на *царскую заповѣдь*: «по царской заповѣди всѣмъ святителямъ... разослати попомъ свои грамоты съ поученіемъ и съ великимъ запрещеніемъ, чтобъ однолично о Ивана днп, и въ навечеріи Рождества Христова и на Крещеніе Господне мужи и жены и дѣвцы на ночное плещеваніе, и на безчинный говоръ и на бѣсовскія пѣсни, и на плясалия, и на скаканія, и на многія богомерзкія дѣла не сходилася». Вліяніе этой царской заповѣди, расходившейся со взглядомъ собора, замѣтно и въ отвѣтѣ на 23-й и 25-й вопросы: въ нихъ указывается на проповѣдь священниковъ, какъ на лучшее и единственное средство для истребленія въ народѣ нехристіанскихъ обычаевъ и повѣрій, между тѣмъ какъ соборъ (какъ видно изъ главы 92-й) скло-

Имѣя это въ виду, мы удобнѣе можемъ объяснить себѣ странныя особенности, встрѣчающіяся въ изложеніи нѣкоторыхъ главъ Стоглава. Укажу на главы 7-ю, 9-ю, 11-ю, 17-ю, 18-ю, 19-ю и 20-ю ¹⁾. По содержанію своему эти главы представляютъ нѣчто общее. Всѣ онѣ наполнены выписками изъ церковнаго устава, опредѣляющими правильный видъ разныхъ церковныхъ обрядовъ и молитвъ ²⁾. Въ 9-й главѣ Стоглава къ этому собранію выписокъ присоединена еще особая статья, заключающая въ себѣ перечень нѣкоторыхъ изъ тѣхъ разночтеній, которыя встрѣчались въ текстѣ тогдашнихъ русскихъ служебниковъ ³⁾. Между этими разночтеніями составитель статьи старается отыскать и указать такое чтеніе, которое слѣдуетъ считать правильнымъ, и которое онъ называетъ, „сущимъ переводомъ“. Напримѣръ: „На утрени глаголетъ по сущему переводу: благо есть исповѣдаться Господу и пѣти имени твоему, вышній, возвѣщати заутра милость твою и истину твою на всяку ночь; по самочинію же глаголютъ, а не по существу: возвѣщати заутра милость твою и истину твою на всякъ день; а ивѣи глаголютъ: на всяко время, по своему произволенію; а истинный глаголь по Давидову пророчеству: возвѣщати заутра милость твою и истину твою на всяку ночь, зри во Псалтыри *въ сущій переводъ*. И о всѣхъ о сихъ разсудя, утвердити во святѣй соборнѣй апостольстѣй церкви и исправити всему міру на утверженіе, а не на соблазнъ людемъ“ и т. д. Выраженія, въ какихъ формулировано здѣсь указаніе на различія въ чтеніи начальныхъ стиховъ 91-го псалма, чрезвычайно сходны съ тѣми, какія употребляются и въ царскихъ вопросахъ: „и то бы разсмотря, утвердити“. Сходство это выстаетъ еще яснѣе при сличеніи представленныхъ въ разсматриваемыхъ

иныхъ былъ указывать при такихъ случаяхъ мѣры чисто вышнія, угрозы и запрещенія государственной власти (ср. прилож. В).

¹⁾ Любопытно, что изложенное въ главахъ 7-й, 9-й, 11-й, 19-й и 20-й не нашло себѣ мѣста въ наказахъ духовенству, составленныхъ на основаніи Стоглава (каковы наказы Владимірскій и Каргопольскій).

²⁾ Собиравель выписокъ, указывая, какъ нужно совершать тотъ или другой обрядъ, отмѣчалъ выѣсть съ тѣмъ и тѣмъ уклоненія отъ устава, которыя замѣчались въ его время. Напримѣръ въ главѣ 17-й: «а кумъ бы единъ, либо мужскій полъ, либо женскій, а по два бы кума и мнози кумове не былъ, какъ у насъ преже сею было».

³⁾ Въ Стоглавѣ помѣщена впрочемъ только часть этой статьи. Несомнѣннымъ доказательствомъ этого служатъ отрывокъ указываемой статьи, который находится въ одной рукописи Публичной бібліотеки, и въ которомъ помѣщены пункты, не внесенные въ 9-ю главу Стоглава (см. прилож. А).

главахъ выписокъ съ такъ называемыми вторыми царскими вопросами (41-я гл.). Очень много изъ этихъ вопросовъ наполнены такими же выписками изъ церковнаго устава, какъ и занимающія насъ главы Стоглава, а въ одномъ изъ вопросовъ даже повторяется та же самая выдержка изъ устава, которая приведена и въ 9-й главѣ ¹⁾. Поэтому, помѣщенныя въ 7-й, 9-й и т. д. главахъ замѣчанія о правильномъ видѣ церковныхъ службъ и обрядовъ съ такимъ же правомъ можно было бы назвать „царскими вопросами“, какъ и тѣ пункты, которые помѣщены въ главѣ 41-й. Но при этомъ повтореніе одной и той же выписки въ 9-й и 41-й главахъ кажется дѣломъ страннымъ и непонятнымъ, если смотрѣть на эти главы, какъ на двѣ независимыя и самостоятельныя статьи. Странность эта дѣлается понятною и легко объяснимою въ томъ только случаѣ, если предположить, что вопросы, помѣщенные въ 41-й главѣ, не были представлены собору въ такомъ же видѣ, какъ такъ называемые первые вопросы (то-есть, въ видѣ отдѣльной статьи, перечисляющей пункты за пунктомъ разныя безпорядки и неисправленія), а выбраны были самимъ собирателемъ Стоглава изъ какихъ-то предложенныхъ на соборѣ царскихъ написаній, которыя до насъ не дошли, или отъ которыхъ уцѣлѣли въ Стоглавѣ только кос-какіе отрывки. Косвенное подтвержденіе такой догадки можно находить въ той разницѣ, которая замѣчается въ составѣ вторыхъ вопросовъ между полными и нѣкоторыми изъ краткихъ спискомъ Стоглава ²⁾. Въ самомъ дѣлѣ, принявъ предположеніе

¹⁾ Въ 41-й главѣ 11-е вопросъ и отвѣтъ читаются такъ: «Предтечеву часть вынимають мало, яко же изъ приносимыхъ просвиры, и кладуть съ приношеніемъ вкупѣ. Достойтъ убо по уставу вынимати Предтечеву часть, яко же и Пречистые часть и класти на лѣвой сторонѣ агнца, противу Пречистой части, а приношеніе кладется на средѣ изъ подножіи агнца. И о томъ отвѣтъ: Достойтъ убо по уставу вынимати Предтечеву часть, яко же и Пречистые часть, мало помини, и класти на лѣвой сторонѣ агнца, противу Пречистые части, а прочіи части приношеній кладутся на средѣ изъ подножіе снятаго агнца». Въ 1-й главѣ: «та же изъ третіе просвиры пѣзъ малые вынимають Предтечеву часть такоу же, яко же пречистые и полагають на лѣвой странѣ агнца... Иніи же священники вынимають предтечеву часть, яко же изъ обычныя просвиры и кладуть вмѣстѣ съ приношеніемъ на среду, а не опршно, пно то не по чину, яко же уставъ повелѣваетъ въ служебникѣ». Вслѣдъ за этимъ въ нѣкоторыхъ спискахъ прибавлено слово «отвѣтъ» (Стогл., Казан. изд., стр. 93), хотя никакого отвѣта далѣе не слѣдуетъ. Эта приписка наглядно доказываетъ, что изложенное въ 9-й главѣ принималось какъ рядъ точно такихъ же «вопросовъ», какъ и тѣ пункты, которые приведены въ главѣ 41-й.

²⁾ См. прилож. В.

о выборѣ вопросовъ самимъ собирателемъ Стоглава, мы не найдемъ страннымъ, что въ одной редакціи внесены такіе вопросы, какихъ нѣтъ въ другой, и наоборотъ. Составитель Стоглава дѣйствовалъ въ этомъ отношеніи съ тѣмъ же правомъ, по которому одни изъ извѣстныхъ намъ царскихъ написаній онъ внесъ въ свой трудъ цѣликомъ (глава 3-я), а изъ другихъ привелъ только отрывки (главы 4-я, 49-я, 69-я) ¹⁾.

Какъ бы впрочемъ ни было, выбраны ли были вторые вопросы самимъ составителемъ Стоглава, или предложены были собору въ видѣ отдѣльной статьи, несомнѣннымъ остается тотъ выводъ, что въ составъ опредѣлений Стоглава, то-есть, той его части, которая носитъ названіе соборныхъ отвѣтовъ, вошло много такого, что не принадлежало собственно собору, а заимствовано было изъ царскихъ посланій и предложений. Нѣтъ также сомнѣній, что редакторъ Стоглава, вводя отрывки царскихъ написаній въ соборные отвѣты, вовсе не желалъ отдѣлять ихъ отъ постановленій, принадлежавшихъ самому собору; напротивъ того, онъ хотѣлъ слить ихъ въ своемъ изложеніи въ одно неразрывное цѣлос. Понятно поэтому, что слѣды царскихъ написаній могли удѣлять въ Стоглавѣ лишь кое-гдѣ, въ видѣ случайныхъ редакторскихъ недосмотровъ. Имѣя это въ виду, съ вѣроятностію можно предполагать, что въ составѣ Стоглава должно скрываться гораздо большее число отрывковъ изъ царскихъ написаній, чѣмъ сколько можетъ быть указано. Но и тѣхъ отрывковъ, которые могутъ быть опредѣлены, совершенно достаточно, чтобы видѣть, какъ богато и разнообразно было содержаніе этихъ написаній. Одно изъ нихъ (гл. 7-я и проч.) указывало правильный видъ богослуженій и исправляло текстъ церковныхъ книгъ; въ другомъ (гл. 49-я) говорилось о томъ, какъ должна быть устроена монастырская жизнь; въ третьемъ (гл. 69-я) шла рѣчь о безпорядкахъ въ церковномъ управленіи. Для опредѣлений собора представлялся такимъ образомъ обширный и готовый уже матеріалъ. Невольно при этомъ вспоминается умное замѣчаніе о Стоглавѣ Карамзина: „Сіе церковное законодательство принадлежитъ царю болѣе, нежели духовенству: онъ мыслилъ и совѣтовалъ; оно

¹⁾ Что царское посланіе, внесенное въ 4-ю главу Стоглава, представляетъ только отрывокъ, въ этомъ не трудно убѣдиться, обративъ вниманіе только на начало этого посланія: «въ седьмое надесить лѣто возраста моего, по вашему святительному благословенію... осія благодать Святаго Духа и коснуса разуму моему» и т. д. (рѣчь идетъ о соборахъ 1547 и 1549 гг.).

только слѣдовало его указаніямъ¹⁾. Къ замѣчанію этому нужно, впрочемъ, сдѣлать два пояснительныя дополненія. Впервыхъ, къ имени царя слѣдуетъ присоединить имена тѣхъ окружавшихъ его лицъ, которые скрывались за нимъ, но которымъ на самомъ дѣлѣ принадлежали всѣ эти подготовительныя работы, явившіяся на соборѣ въ видѣ царскихъ вопросовъ и посланій: нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, предполагать, что самъ Иванъ работалъ надъ церковнымъ устаномъ, извлекая изъ него „указъ“ правильного хода церковныхъ службъ, и что самъ онъ собиралъ указанія ошибокъ въ текстѣ псалмовъ и молитвъ. Въ вторыхъ, соборъ не всегда слѣдовалъ указаніямъ царя: въ некоторыя части царскихъ написаній были приняты соборомъ и внесены въ составъ его опредѣленій, другія, напротивъ, были отвергнуты; такъ напримѣръ, есть основаніе предполагать, что собору предлагалось уничтожить епископскихъ десятильниковъ, которые принадлежали къ тому окружавшему владыкъ „мирскому воинству“, которое такъ нелюбо было приходскому духовенству, и отъ котораго оно давно хотѣло избавиться. Но соборъ 1551 года горячо вступился за епископскихъ чиновниковъ. Существованіе десятильниковъ оправдывалось авторитетомъ древности, примѣромъ прежнихъ святителей Русской земли²⁾. Впрочемъ, соборъ все-таки вынужденъ былъ нѣсколько ограничить кругъ дѣйствій десятильниковъ.

¹⁾ Карамзинъ, И. Г. Р., IX, стр. 273 (по изд. Эйнерлинга).

²⁾ Въ 63-й главѣ Стоглава читаемъ: «А что въ митрополіи и въ архіепископьяхъ, и во епископьяхъ по которымъ градомъ и по десятинамъ жили, искони вѣчно уставлены, десятиники при великихъ чудотворцѣхъ Петрѣ, и Алексіѣ, и Іонѣ и преже ихъ и по нихъ и доднесь, а вѣдали и судили весь священническій и иноческій чинъ и всѣ причты церковныя и прочихъ людей по ряднымъ, и по кабадамъ, и въ боѣхъ, и въ грабѣжѣхъ, опроче духовныхъ дѣлъ, и нынѣ по тѣмъ градомъ въ митрополіи, и во архіепископьяхъ и въ епископьяхъ быти десятиникамъ потому же и судити имъ священниковъ и дьяконовъ, и всѣ причты церковныя и мирскихъ людей по ряднымъ грамотамъ, и по духовнымъ, и по кабадамъ, и въ покражѣхъ, и въ боѣхъ, и въ грабѣжѣхъ, опроче духовныхъ дѣлъ, а у нихъ быти въ судѣ старостамъ священникомъ и десятикимъ по два, по три да старостамъ земскимъ и дѣловальникомъ и земскимъ дьякомъ, которымъ царь повелитъ» (Казанск. изд., стр. 304—305). Указывать на исконную древность института десятильниковъ, на то, что онъ существовалъ еще при великихъ чудотворцахъ, не было бы никакой надобности, еслибы не поднимался вопросъ объ его уничтоженіи. Господа священноначальники, писалъ Георгій Скрипница на соборъ 1503 г.,—не духовно управляются вѣрные люди: надзираете за церковію по обычаю земныхъ властителей, чрезъ бояръ, дворецкихъ, тиуновъ,

Церковное законодательство консервативно по самой своей природе. Оно ищетъ для себя основъ въ старинѣ, въ постановленіяхъ прежнихъ соборовъ, въ преданіяхъ и обычаяхъ благочестивыхъ мужей. Выводы, дѣлаемые изъ этихъ источниковъ правовыхъ опредѣленій, могутъ быть, конечно, не одинаковы; но общая тенденція остается неизмѣнною. Стоглавому собору предлагалось постановить рѣшенія „по старинѣ, по правиламъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ“, и онъ постарался во всей силѣ воспользоваться этимъ предложеніемъ. Содержаніе царскихъ написаній провѣрялось церковными постановленіями прежняго времени, и на основаніи этой провѣрки одно въ этихъ написаніяхъ принималось, другое измѣнялось, третье, наконецъ, совсѣмъ забрасывалось. Послѣ этого намъ не покажется страннымъ множество выписокъ изъ постановленій древнихъ соборовъ и изъ другихъ церковно-юридическихъ памятниковъ, которыми въ Стоглавѣ наполнены цѣлыя главы. Не редактору Стоглава принадлежитъ, конечно, собраніе этихъ выписокъ; онъ нашелъ ихъ готовыми въ тѣхъ матеріалахъ, которые заключались въ соборныхъ дѣяніяхъ. Припомнимъ при этомъ, что въ дѣяніяхъ нашихъ прежнихъ соборовъ выписки изъ старинныхъ церковныхъ постановленій составляли, обыкновенно, самую значительную и существенную часть. На соборахъ дѣло болѣею частію велось такъ: когда членамъ собора дѣбалось извѣстнымъ, какой именно вопросъ долженъ стать предметомъ ихъ разсужденій и рѣшеній, они поручали искусному человѣку, — какими обыкновенно бывали въ старину дьяки, — сдѣлать подходящія къ дѣлу выписки изъ церковныхъ правилъ и такимъ образомъ подготовить соборное рѣшеніе возбужденнаго вопроса. Дьякъ, выполнивъ данное ему порученіе, представлялъ на соборъ приготовленный имъ „списокъ“. Этотъ списокъ, рассмотрѣнный и утвержденный соборомъ, и дѣбался, обыкновенно, соборнымъ рѣшеніемъ, соборнымъ „отвѣтомъ“, который предлагался вниманію благочестивѣйшаго владыдержца. Такъ напримѣръ, велось дѣло на соборѣ 1503 года, когда поднятъ былъ вопросъ о монастырскихъ имѣніяхъ ¹⁾. То же было и на соборѣ 1551 года. Мы

недѣльщикомъ, подводчикомъ, и это для своего прибытка, а не по сану святительству. Вамъ достоинъ части церковъ священниками благоразумными, а не мірскимъ воинствомъ. (Обзоръ р. дух. лит., § 110). Ср. въ 5-й главѣ Стоглава вопр. 7-й.

¹⁾ Въ сказаніи о соборѣ 1503 года сказано: «Симонъ митрополитъ всея Русіи съ всѣмъ священнымъ съборомъ првое сіе послаша посланіе къ великому князю Ивану Васильевичю всеа Русіи съ дьякомъ съ Левышемъ. Говорити вели-

знаемъ, что здѣсь присутствовалъ дьякъ, который долженъ былъ говорить передъ соборомъ, какъ было при великомъ князѣ Васильѣ Цвановичѣ, всякіе законы, „такъ бы и нынѣ устроить по святымъ правиламъ и по праотеческимъ законамъ“. Такимъ образомъ въ дѣяніяхъ собора должно было накониться мало по малу множество извлеченій изъ старинныхъ законодательныхъ памятниковъ, изъ этихъ святыхъ правилъ и праотеческихъ законовъ. Каждый изъ разсматривавшихся на соборѣ вопросовъ долженъ былъ вызвать рядъ такихъ извлеченій, рядъ „списковъ“, подготовлявшихъ соборный отвѣтъ. Стоглавъ сохранилъ намъ нѣсколько образчиковъ этого рода памятниковъ. Такъ, главы 53-я—65-я представляютъ ничто иное, какъ „списокъ“ о святительскомъ судѣ, при чемъ въ началѣ указанъ общій смыслъ содержащихся на немъ выписокъ: „ни князь, ни бояринъ, ни всякій мірскій да не обладаетъ іереемъ, ниже монастыря, ниже мпиха“ (гл. 53-я); главы 77-я—80-я наполнены выписками о вдовыхъ понахъ ¹⁾).

VI.

Для изученія исторіи Стоглава представляютъ особенный интересъ двѣ послѣднія его главы. Въ первой изъ этихъ главъ разка-

кому князю Ивану Васильевичу всеа Русіи отъ Симона, митрополита всеа Русіи и отъ всего освященнаго собора дьяку Левашу». Дьякъ Левашъ выбранъ былъ для переговоровъ съ великимъ княземъ, безъ сомнѣнія, потому, что онъ лучше и обстоятельнѣе другихъ могъ объяснить и защитить передъ великимъ княземъ мнѣнія и желанія собора по вопросу о монастырскихъ вотчинахъ. Послѣ Леваша побывалъ у великаго князя и самъ митрополитъ Симонъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ и «сей списокъ передъ нимъ чьли (слѣдуетъ рядъ выписокъ изъ Библіи, Коринчей и разнаго рода русскихъ законодательныхъ памятниковъ). Но это чтеніе не удовлетворило почему-то великаго князя. Опять оказалось нужнымъ выдвинуть дьяка: «И по семъ паки послана къ великому князю сице *говоритъ* великому князю Ивану Васильевичу всеа Русіи отъ Симона митрополита всеа Русіи и иже о немъ освященнаго собора дьяку Левану» (*Павловъ*, Историч. оч. секуляриз. ц. зем., стр. 41—50, примѣч. 2-е на стр. 47; *Хрущовъ*, Юсифъ Сапинъ, стр. 174—175 примѣч. 166).

¹⁾ Выписки, приведенныя въ Стоглавѣ, многочисленны и разнообразны. Онѣ заимствованы то изъ Библіи, то изъ постановленій древнихъ соборовъ и Византійскихъ императоровъ, то наконецъ, изъ русскихъ законодательныхъ памятниковъ. «Нельзя не сознаться», замѣчаетъ преосвященный Макарій, — «что Стоглавый соборъ пользовался своими источниками и пособіями не всегда безукоризненно: слова Св. Писанія приводилъ иногда неправильно и объяснялъ произвольно и неудачно; на церковныя правила и уставъ ссылался, большею частію, неопредѣленно, выражался вообще: по священнымъ правиламъ, или—по преданію св. апостолъ

зывается о томъ, какъ царское и святительское уложеніе отправлено было въ Троицкій Сергіевъ монастырь къ бывшему митрополиту Иоасафу и нѣкоторымъ другимъ лицамъ; въ послѣдней главѣ приведенъ „отвѣтъ“ Иоасафа, то-есть, его замѣчанія по поводу нѣкоторыхъ частей просмотрѣнной имъ соборной книги. Замѣчено, что мнѣнія Иоасафа не остались безъ вліянія на рѣшенія собора. Это доказываетъ тѣмъ, что собиратель Стоглава нашелъ нужнымъ пополнить нѣкоторыя главы своего труда замѣчаніями, присланными отъ Троицы¹⁾. Такимъ образомъ нѣкоторыя изъ замѣчаній Иоасафа мы читаемъ въ Стоглавѣ дважды: разъ — въ видѣ соборныхъ опредѣленій, другой — въ видѣ мнѣній отдѣльнаго лица. — Такія повторенія не принадлежатъ, конечно, къ достоинствамъ редакціи соборнаго уложенія, но для изслѣдователя Стоглава эта незаконченность его редакціи имѣетъ особенную важность. Благодаря ей, мы знакомимся съ однимъ изъ любопытнѣйшихъ отрывковъ соборныхъ дѣяній 1551 года.

Въ „отвѣтѣ“, присланномъ отъ Троицы, мы имѣемъ дѣло съ мнѣніями и замѣчаніями нѣсколькихъ лицъ, которыя приглашены были высказать свои мнѣнія по поводу состоявшихся соборныхъ рѣшеній. Нѣкоторые изъ этихъ мнѣній были приняты соборомъ, дру-

и св. отецъ, или по уставу; если же указывалъ и на опредѣленные правила, не приводя впрочемъ самаго ихъ текста, то иногда на такія, которыя говорятъ совсѣмъ не о томъ, что нужно было собору; иногда приводилъ и самый текстъ правилъ, но то или неясно и неполно, или съ прибавленіями и вообще въ искаженномъ видѣ, или смѣшивалъ нѣсколько различныхъ между собою правилъ и бралъ изъ нихъ по нѣскольку словъ и выраженій; иногда даже приводилъ правила подъ именемъ св. апостоловъ или св. соборовъ и писанія подъ именемъ св. отцевъ совершенно подложныя, равно какъ привелъ въ одной главѣ (79-й) мнимыя слова праведнаго Еноха, а въ другой (87-й) усвоилъ посланіе Царградскаго патріарха Нила его предшественнику Филовею» (Ист. р. ц., VI, стр. 233—234). Изъ русскихъ источниковъ, на которые ссылается Стоглавъ, укажемъ: церковный уставъ Владиміра св. (гл. 63-я), посланія митрополитовъ Петра (77-я), Фотія (78-я, 89-я), Кипріана (64-я, 65-я) постановленія собора 7012 г. (80-я, 82-я, 83-я), посланіе Юсена Волоцкаго (79-я), грамоты великихъ князей Ивана Васильевича и Василья Ивановича (46-я, 48-я), наконецъ постановленія и судебникъ царя Ивана Васильевича (68-я, 69-я, 98-я). Выписки, собранныя на соборѣ, не всегда оказывались сходными. Этимъ объясняется, почему нѣкоторыя главы Стоглава встрѣчаемъ въ нѣсколькихъ редакціяхъ; ср. главы Стоглава 19-ю и 20-ю съ «указомъ о второмъ брацѣ» въ спискѣ постановленій собора 1551 г., изданномъ въ *Архивъ г. Калачова* (кн. 5, отд. 2, стр. 23—24); также главу 40-ю Стоглава съ тою редакціей постановленія о брѣдобритіи, которая помѣщена ниже въ приложеніи А.

¹⁾ См. въ Стоглавѣ главы 7-ю, 42-ю, 52-ю, 70-ю и 85-ю.

гія—нѣтъ. Такимъ образомъ мы узнаемъ, что на Стоглавомъ соборѣ успѣло проявиться разнообразіе и даже противорѣчіе взглядовъ, успѣло составиться какое-то меньшинство, мнѣнія котораго не всегда были согласны съ приговорами большинства, принявшими видъ соборныхъ опредѣленій. При этомъ, для уясненія высказавшейся на соборѣ борьбы мнѣній, нельзя не обратить вниманія на нѣкоторыя подробности, касающіяся отправки соборной книги въ Троицкій монастырь. Прежде всего страннымъ представляется самый фактъ посланки соборной книги на просмотръ *бывшаго* митрополита, *бывшаго* Ростовскаго архіепископа, *бывшаго* архимандрита Чудовскаго, *бывшаго* архимандрита Троицкаго. Церковный соборъ есть собраніе духовныхъ властей; бывшіе епископы и архимандриты потому именно, что не представляютъ уже собою носителей церковной власти, не являлись обыкновенно членами соборовъ. Отправка соборной книги къ Троицѣ не представлялось, поэтому, дѣломъ необходимымъ. Вѣдь не посылали же ея въ монастырь Пѣсношскій на просмотръ *бывшаго* Коломенскаго епископа Вассіана Топоркова ¹⁾. Обстоятельства, при которыхъ доставленъ былъ отвѣтъ Іоасафа, нѣсколько поясняютъ эту странную внимательность относительно *бывшаго* митрополита. Отвѣтъ Іоасафа присланъ былъ съ Троицкимъ игуменомъ Серапіономъ Курцевымъ, старцемъ Герасимомъ Слѣпковымъ и *Благовѣщенскимъ* попомъ Сильвестромъ. Такимъ образомъ, въ послѣднихъ главахъ Стоглава мы опять встрѣчаемся съ Благовѣщенскимъ попомъ, который ужъ успѣлъ выдвинуться передъ нами въ то время, когда рѣчь шла о подготовкѣ Стоглаваго собора. Отправка соборной книги къ митрополиту Іоасафу — новое доказательство того близкаго участія, которое принималъ Сильвестръ въ дѣйствіяхъ и работахъ Стоглаваго собора. Связь у Сильвестра съ Іоасафомъ была давнишняя. Они дѣйствовали за одно лице въ то время, когда Іоасафъ занималъ Московскую кафедру (1539—1541гг.) ²⁾, а ихъ первое знакомство пужно, ко-

¹⁾ Пѣсношскій монастырь въ 15 верстахъ отъ Дмитрова. Вассіанъ Топорковъ былъ врагомъ Сильвестра (Сказ. Курбскаго, стр. 70).

²⁾ Въ Царственной книгѣ находится извѣстіе, что князь Владиміръ Андреевичъ и его мать освобождены были изъ заключенія по ходатайству Сильвестра. «Свидѣтельство чрезвычайно важное», замѣчаетъ профессоръ Соловьевъ, — «ибо мы знаемъ, что князь Владиміръ Андреевичъ былъ заключенъ вмѣстѣ съ отцомъ и освобожденъ изъ заключенія во время правленія князя Бѣльскаго и митрополита Іоасафа; о вторичномъ заключеніи его мы не находимъ нигдѣ извѣстія. Слѣдовательно, не допуская невѣроятнаго предположенія, что всѣ лѣтописцы, говоря

печно, отнести къ еще болѣе далекому времени. Іоасафа и Сильвестра сближала, безъ сомнѣнія, одинаковость взглядовъ и симпатій, что должно было, конечно, выразиться и въ замѣчаніяхъ Іоасафа.

Самымъ важнымъ и самымъ интереснымъ пунктомъ въ троицкомъ отвѣтѣ является замѣчаніе о соборѣ 7012 (1503) года. „Написано, государь, въ твоємъ спискѣ“, говоритъ Іоасафъ,—„у дѣда твоего, государя нашего, у великаго князя Ивапа Васильевича на соборѣ былъ игумень Іосифъ Волоцкой, . . . и на томъ соборѣ у дѣда твоего были многіхъ монастырей честныя архимандриты, и игумены, и старцы многіе, тѣхъ же монастырей пустынницы, *которые житіемъ били богоугодны и Святое Писаніе извѣстно и разумно знали*, . . . и опричь, государь, игумена Іосифа никто не писалъ, кто у дѣда твоего на томъ соборѣ былъ. И будетъ, государь, тебѣ угодно дѣда твоего, государя нашего, тотъ соборъ, и ты бы, государь,—Бога ради,—и тѣхъ честныхъ монастырей архимандритовъ и игуменовъ и старцевъ велѣлъ написать въ тѣ статьи въ своємъ спискѣ“. Въ этихъ словахъ пробивалась наружу застарѣлая вражда нестяжателей къ Іосифу-памѣ. На соборѣ 1503 года, кромя Іосифа Волоцкаго, присутствовали: Паисій Ярославовъ, Нилъ Сорскій, Вассіанъ Патрикѣевъ. Іоасафъ называетъ ихъ старцами богоугодной жизни и знатоками Священнаго Писанія; онъ хочетъ, по видимому, очень немногаго: пусть имена этихъ почтенныхъ старцевъ будутъ упомянуты въ Стоглавѣ паравиѣ съ именемъ игумена Волоцкаго. Но Іоасафъ зналъ, конечно, что исполнить это желаніе было не легко. Имя Іосифа было упомянуто потому, что соборъ принялъ *его* мнѣніе о вдовихъ понахъ, привелъ даже отрывокъ изъ его записки по этому вопросу (79-я глава). Гдѣ же тутъ могло найдтись мѣсто для Нила и Вассіана, когда ихъ мнѣніе было совершенно противоположно мнѣнію, которое было одобрено и принято соборомъ? Чтобы внести имена Нила, Вассіана, Паисія, нужно было бы передѣлать рѣшеніи Стоглава вполне. Іоасафъ, повторяемъ, не могъ не понимать всего этого. Упомянувъ о старцахъ, извѣстно и разумно знавшихъ Писаніе, онъ просто пользовался слу-

объ опалахъ и казняхъ боярскихъ, пропустили извѣстіе о заключеніи двоюроднаго брата царскаго, и принимая, что Царственная книга гоноритъ о единственномъ освобожденіи князя Владиміра при Вльскомъ, мы должны заключить, что Сильвестръ уже тогда имѣлъ важное значеніе» (Ист. Россіи, VI, стр. 58—59). Въ лѣтописи Московской отиѣчено, что 25-го декабря 7050 (1541) года князь Владиміръ Андреевичъ и его мать освобождены изъ заключенія «по печалованію Іоасафа митрополита и бояръ» (Никон. лѣтоп., VI, стр. 33).

чаемъ напомнить царю и собору о соборѣ 1503 года, о тѣхъ мнѣніяхъ, которыя высказывались на немъ не со стороны Іосифа Волоцкаго.

Разномысліе Заволжскихъ старцевъ и сторопниковъ Волоцкаго игумена, касалось, какъ извѣстно, нѣсколькихъ пунктовъ. Старцы были „нестяжателями“, Іосифляне — защитниками монастырскихъ вотчинъ. По вопросу о вдовыхъ понахъ Іосифляне высказывались въ смыслѣ рѣшительнаго запрещенія вдовцамъ отправлять обязанности приходскаго духовенства, тогда какъ Заволжскіе старцы говорили о необходимости въ этомъ случаѣ дѣлать исключеніе въ пользу лицъ, на благонадежность которыхъ можно было положиться. Соборъ 1551 года и въ вопросѣ о монастырскихъ имѣніяхъ, и въ вопросѣ о вдовыхъ понахъ выступилъ продолжателемъ и сторонникомъ Волоцкихъ преданій. Царскій вопросъ о выкупѣ плѣнныхъ разрѣшенъ былъ соборомъ такъ: „Изъ царевы казны сколько годомъ того плѣннаго окуна разойдется, и то раскинуть на сохи по всей земли, чей кто ни буди, всѣмъ равно, зане такое искупленіе общая милостыня нарицается“. Іоасафъ высказываетъ иное мнѣніе: „Окупъ бы имати изъ митрополичьей и изъ архіерейской тягли, и изо всѣхъ владыкъ казны и съ монастырей со всѣхъ, кто чего достоинъ, какъ ты, государь, пожалуешь, на комъ что повслишь взяти, а крестьяномъ, царь государь, и такъ твоего много тягла въ своихъ податѣхъ“. По вопросу о вдовыхъ понахъ Іоасафъ не высказалъ своего мнѣнія, по можно догадываться, что онъ не былъ доволепъ рѣшеніемъ собора: приведенное выше замѣчаніе Іоасафа о соборѣ 1503 года вызвано было именно постановленіемъ о вдовыхъ понахъ ¹⁾. Вообще, Іоа-

¹⁾ «Написано, государь, въ твоихъ спискахъ», говоритъ Іоасафъ, — «у дѣда твоего... на соборѣ былъ игумень Іосифъ Волоцкой, какъ *государь соборовалъ, дѣди твой, о вдовыхъ священникахъ*». Что касается Сильвестра, хлопотавшаго о доставленіи на соборъ замѣчаній Іоасафа, то онъ по вопросу о вдовыхъ понахъ раздѣлялъ, конечно, мнѣніе своихъ братьевъ, семейныхъ священниковъ. Приговоръ Стоглава угрожалъ Сильвестру серьезною опасностію: онъ вдругъ могъ лишиться своего мѣста при Благовѣщенскомъ соборѣ, которое обезпечивало для него близость къ царю, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вліяніе на дѣла управленія. Последующія событія показали, какъ важны и основательны могли быть такіа опасенія. Лишь только удался Сильвестръ въ Вѣлозерскій монастырь, какъ начались противъ него доносы и клеветы. Курбскій замѣчаетъ: «Клеветницы же слышавше, иже тамо (въ Вѣлозерскомъ монастырѣ) въ чести живутъ оные мниси его (Ср. въ посланіи царя Ивана къ игумену Козьмѣ: «про что Шереметева для годъ равенъ мятежъ чинити, да такую великою обителию волновати?

сафъ былъ, какъ видно, расположенъ къ бѣлому духовенству. Онъ хвалитъ соборное постановленіе о десятичникахъ и недѣльщикахъ, прибавляя, что десятичникъ не долженъ разсматривать у поповъ ставленныхъ и отпускныхъ грамотъ: „десятиникомъ до того и дѣла нѣтъ, вездѣ ему ставленные не подписывати и отпускныя не дати, то дѣло духовное“. Въ этихъ словахъ Іоасафъ является выразителемъ тѣхъ же возрѣній, которыя предъ соборомъ 1503 года высказывалъ однофамилецъ Іоасафа, Ростовскій священникъ Георгій Скрипца.

Отвѣтъ Іоасафа, такъ *рѣзко расходившійся* въ нѣкоторыхъ пунктахъ съ сдѣланными уже рѣшеніями, едва-ли, конечно, могъ встрѣтить на соборѣ искренній дружественный пріемъ. Но отцы собора, подѣйствиетъ вліяній, о которыхъ мы можемъ только догадываться, должны были сдѣлать важную уступку. Они не внесли, правда, всѣхъ замѣчаній Іоасафа въ составъ своихъ рѣшеній, но они вынуждены были согласиться на то, чтобы Троицкій отвѣтъ все-таки занесенъ былъ въ соборную книгу въ видѣ какого-то страшнаго добавленія, противорѣчащаго всему предшествующему изложенію.

Впрочемъ, со стороны собора это была не послѣдняя еще уступка. 11-го мая состоялся соборный приговоръ о монастырскихъ и архіерейскихъ вотчинахъ и ругѣ. Было постановлено: а) впредь архіепископамъ, и епископамъ, и монастырямъ вотчинъ безъ царева вѣдома и безъ доклада не покупать ни у кого, а княземъ и дѣтемъ

другой на васъ Сильвестръ наскочилъ, а однако его семья»), сего ради завистию разсѣдаемъ, ово завидяще мужу славы, ово боящесе, да не услышитъ царь о семъ и паки не возвратитъ его къ себѣ.... и оттуду похватиша его и заведоша на Соловки» (Сказ. Курбск., стр. 72; А. И. I, стр. 384). Имѣя въ виду постановленіе Стоглава о вдовыхъ священникахъ, почти съ несомнѣнностію можно предполагать, что удаленіе Сильвестра стояло въ связи съ его вдовствомъ. Въ это-то, вѣроятно, время, то-есть, послѣ смерти жены, передъ отъѣздомъ изъ Москвы, и написалъ Сильвестръ свое поученіе къ сыну. Въ поученіи Сильвестръ говоритъ о своей брачной жизни, о своей разнообразной дѣятельности, какъ о чемъ-то бывшемъ, окончившемся: «Все еси доброе получилъ, умѣй сіе совершити о Бозѣ: якоже начато при нашемъ попеченіи, и по насъ такожде бы Богъ соблюлъ по тому жити.... Видѣлъ еси, чадо, како *въ житіи семъ живомъ* во благословеніи и страхѣ Божіи и въ простотѣ сердца и въ церковномъ прилежаніи.... Будеть на тебѣ родительская молитва и *могъ вѣчно* на тебѣ благословеніе» (благословеніе матери не упомянуто). Но что поученіе написано еще до отъѣзда на Белоозеро, на это указываетъ самъ Сильвестръ: «многихъ сиротъ въ Новѣградѣ и здѣсь на Москвѣ въскормихъ и въспонихъ». (Домострой, изд. Ложанчикова, стр. 144, 149, 155, 150).

боярскимъ и всякимъ людямъ вотчинъ безъ доклада не продавати же; b) помѣстья и черныя земли, отнятыя владыками и монастырями у дѣтей боярскихъ и крестьянъ за долги, а также тѣ земли, которыя неправильно занисаны за монастырями и владыками, учинить за тѣми, чьи тѣ земли были изстари; с) относительно сель волостей и всякихъ угодій, отданныхъ владыкамъ и монастырямъ боярами во время малолѣтства государя, учинить, какъ было при великомъ князѣ Васильѣ; d) руги и милостыни, назначенныя монастырямъ и церквамъ въ малолѣтство государя, отмѣнить ¹⁾. Испо, что эти постановленія рѣзко расходились съ интересами любоименныхъ владыкъ и мопаховъ. Припоминал, какая ревнивая заботливость высказывается въ Стоглавѣ относительно цѣлости церковныхъ достоиній, нельзя не предположить, что приговоръ 11-го мая сдѣланъ былъ не совсѣмъ-то охотно. Это была уступка тому давлению, которое шло отъ великаго государя. При концѣ соборныхъ занятій членамъ собора пришлось выслушать и разобрать жалобы, принесенныя Новгородскими священниками на члена же собора, архіепископа Θεодосія. Жалобы эти оказались на столько важны и основательны, что Θεодосій долженъ былъ оставить свою кафедру. Мѣсто Θεодосія занялъ Троицкій игумень Серапіонъ, которому отъ лица собора данъ былъ наказъ, какъ судить поновъ и какими пользоваться доходами ²⁾.

Постановленія, сдѣланныя по поводу жалобъ и заявленій Новгородскихъ священниковъ, были послѣдними работами собора. Вскорѣ онъ разошелся. Возвратившись къ своимъ кафедрамъ, отцы собора не выказали особенной ревности къ приведенію въ исполненіе своихъ полувынужденныхъ постановленій. На соборѣ 1554 года царь говорилъ съ владыками „о пражнемъ соборномъ уложеніи, о многоразличныхъ дѣлахъ и чинѣхъ церковныхъ, которые дѣла исправились и которые еще не исправились; и царь и государь богомольцемъ своимъ говорилъ, чтобы Богъ далъ впередъ и прочіе дѣла исправлены

¹⁾ Стогл., Казанск. изд., гл. 101-я, стр. 430—434; Лондонск. изд., стр. 235—238.

²⁾ Стогл., Казанск. изд., стр. 420—424, прилѣч.; изд. *Кожанчикова*, стр. 280—282. «Сынове матере моея», жаловался впоследствии Θεодосій, — «сваринаси на мя; ихъ-же млекоу церковнымъ въздонхъ и воспитахъ, и ти быша ми во врагы и мнози оглагодьяницы и горци клеветницы, якоже рече божественный Златоустъ: мнози друзи дружатся со мною и многа брашна разлпчна ядятъ у мене, а при напасти яко врази обрѣтаются» (Публ. библ., рук. XVII, № 50, л. 341 и ил об. 342).

были¹⁾. Въ 1555 году снова пришлось соборовать „о многообразныхъ чинѣхъ церковныхъ и о многихъ дѣлѣхъ ко утверженію вѣрѣ христіанской“²⁾. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ постановленія Стоглаваго собора были обнародованы только въ 1558 году.

Такимъ образомъ опять приходится повторить, что результаты дѣятельности Стоглаваго собора, сравнительно съ тѣмъ, что онъ могъ бы сдѣлать, исходя изъ царскихъ вопросовъ и написаній, были слишкомъ незначительны. За то соборъ имѣлъ важныя послѣдствія совсѣмъ другаго рода....

Отцы собора унесли съ собою изъ Москвы затаенное недовольство и затаенную вражду къ тѣмъ людямъ, которые, пользуясь своимъ вліяніемъ на молодого царя, хотѣли провести мѣры, несогласныя съ интересами владыкъ и монаховъ. Учрежденіе поповскихъ старостъ ограничивало нѣсколько святительскую власть. Приговоръ 11-го мая затрогивалъ самыя чувствительныя интересы епископовъ и монастырей. Скоро эта затаенная вражда прорвалась наружу. Въ 1553 году пестрятели (Артемія, Осодоритъ) были осуждены, какъ единомышленники еретиковъ. Сильвестръ, хоти и не подвергел осужденію, по обвиненію захватывало и его: онъ долженъ былъ представить на соборъ оправдательную записку. Противники Сильвѣстра понимали, что его и его друзей поддерживало только расположеніе царя. Поэтому естественно было ожидать, что они постараются какъ-нибудь измѣнить настроеніе молодого царя. При внимательности и непостоянствѣ Ивана Васильевича достигнуть этого было не особенно трудно. Изъ разказа Курбскаго мы знаемъ объ одной изъ такихъ попытокъ, а именно о бесѣдѣ царя Ивана (1553 г.) въ Пѣношскомъ монастырѣ съ епископомъ Вассіаномъ Топорковымъ. По словамъ Курбскаго, рѣчи Вассіана „такую искру безбожную въ сердце царя христіанскаго всѣяли, отъ нея же во всей Свѣтурусской землѣ пожаръ лють возгорѣлся“³⁾. Въ

¹⁾ Макарій, Истор. р. раск., стр. 47.

²⁾ Псков. лѣт., VII, стр. 231.

³⁾ Сказан. Курбск., стр. 40. Что разказъ Курбскаго о бесѣдѣ царя съ Вассіаномъ не былъ вымысломъ или догадкой его (такъ, по мнѣнію Курбскаго съ товарищами, долженъ былъ говорить монахъ Іосифъ монастыря, любимецъ великаго князя Василія, единомышленникъ митрополита Данила; и догадка ихъ могла быть справедлива; говоримъ догадка, ибо шепчуть на ухо не для того, чтобы другіе слышали); *Соловьева*, Ист. Р., VI, 188), это доказывается тѣмъ, что слова Коломенскаго епископа Курбскій не только приводитъ въ своей «Исторіи», но рѣшается припомнить ихъ и въ посланіи къ самому Ивану: «А

1551 году, предъ открытіемъ Стоглаваго собора, никто, конечно, не могъ предугадать этого лютаго пожара. Всего меньше могъ думать о немъ самъ царь. „Доблій же онъ *миротворецъ* державный самодержецъ, прекроткій царь Иванъ, мноземъ разумомъ и мудростію вѣщающъ... съ теплымъ желаніемъ подвижеся не токмо о устроении земскомъ, но и о многоразличныхъ церковныхъ исправленіяхъ, и возвѣщаетъ отцу своему, преосвященному Макарію митрополиту всеа Русіи, и соборъ божіихъ слугъ совокупити повелѣ вскорѣ“,—такъ сказано въ предисловіи къ Стоглаву (глава 2-я). „Въ предыдущее лѣто“, говорилъ царь собору,—„билъ есми вамъ челомъ и съ бояры своими о своемъ согрѣшеніи, а бояре такоже, и вы насъ въ нашихъ винахъ благословили и простили, а азъ по вашему прощенію и благословію бояръ своихъ въ прежнихъ во всѣхъ винахъ пожаловалъ и простилъ, да имъ же заповѣдалъ со всѣми хрестыяни царствія своего въ прежнихъ во всякихъ дѣлѣхъ помирится на срокъ, и бояре мои всѣ, и приказные люди, и кормленщики со всѣми землями помирились во всякихъ дѣлѣхъ... А что наши нужи, или которые земскіе нестроеніи, и мы вамъ о семъ возвѣщаемъ, и вы, рассудя по правилу святыхъ апостоловъ и святыхъ отецъ, утвержайте *во общемъ согласіи* вкуцѣ“. Сѣялся миръ, а взошла вражда.

П Р И Л О Ж Е Н І Я.

А

Рукоп. публичной библ., Q, отд. I, № 225 ¹). На лл. 711—713 помѣщенъ отрывокъ статьи объ исправленіи погрѣшностей въ текстѣ нѣкоторыхъ псалмовъ и молитвъ. Эта же статья внесена въ 9-ю главу Стоглава, но не вполне: нашъ отрывокъ представляетъ нѣсколько такихъ дополнительныхъ пунктовъ,

что во истину сану царскому належитъ или достоинъ, сирѣчь судъ праведный и оборона, се уже подобно изчезло за молитвою и совѣтомъ прелюбавыа четы Освѣдлянскія Васьяна Топоркова, *иже ти совѣтовалъ и шепталъ во ухо недержати мудрѣише роды при себѣ* и другихъ таковыхъ совѣтниковъ твоихъ, вселукавыхъ мнхонъ и мірскихъ» (Сказ. Курбск., 212). Выраженіе «шепталъ въ ухо» нѣтъ надобности понимать совершенно буквально.

¹) По составу своему эта рукопись представляетъ сборникъ самыхъ разнообразныхъ статей. Отдѣльныя статьи названы въ рукописи главами: глава 1-я, глава 2-я и т. д. Принадлежащія нами отрывки составляютъ главы 132-я и 103-я. Многія главы и листы въ рукописи утрачены; теперь насчитывается въ ней 714 листовъ (подробное описаніе рукописи см. у Строева въ Опис. рукоп. гр. Толстаго, отд. II, № 402).

которые въ текстѣ Стоглава опущены. Вотъ чтò читаемъ мы въ указываемомъ отрывкѣ:

..... «и сами себѣ и другъ другу и весь животъ нашъ Христу Богу предадимъ. На утрени глаголють самочинствомъ, не по существу переводу: благо есть исповѣдаться Господеви и пѣти имени твоему, вышній, возвѣщати завтра милость твою и истинну твою на всякъ день. По существу же глаголати: на всяку пощь. А ииѣи глаголють: на всяко время, по своему произволешю. А истинный глаголь, по Давидову пророчеству: возвѣщати завтра милость твою и истинну твою на всяку пощь¹⁾; зриши во Псалтыри, въ сущій переводъ. И о сихъ всѣхъ разсуди, утвердити во святѣй, соборнѣй и апостольствѣй церкви, исправити всему миру на утверженіе. Иное еще: впервыхъ помини, Господи, архиепископа нашего імѣкъ, его же даруй святимъ твоимъ церквамъ, то одна сила. Иѣиѣи же глаголють не сущес, по отъ своего произволешя: впервыхъ помини, Господи, архиепископа нашего імѣкъ, его же даровалъ еси или далъ еси, ино обое то не гораздо²⁾. О проклинахъ. Мнози же по самочинию поютъ на ятургии и на утрени: проѣ. честна предъ Господемъ смерть святаго святителя его или святителей его, ино то сопротивно. А по существу пѣти: проѣ. псаломъ Давидовъ,—аще и святитель прилучится,—честна предъ Господемъ смерть преподобныхъ его³⁾, яко же писано во Псалтыри. А коли Давидъ составлявалъ Псалтырь, и тогда святителей еще, ни преподобныхъ не было, а кто Богови угодитъ, тотъ и наречется святъ, и праведенъ, и преподобенъ. А во второй пѣсни глаголетъ Моисѣй и про самого Бога: праведенъ и преподобенъ Господь⁴⁾. И того ради не подобаетъ никому же Божественнаго пѣнія предлагати по самочинству, да не лишнее осужденіе приметъ отъ Бога, и отъ чловѣкъ поносъ и униженіе. Да передъ еѣалиемъ не наученныя священники говорятъ: премудрость прѣстнмъ, а ииѣе: прости, ино то негораздо. А по существу надобе говорити: премудрость прѣсти, услышимъ святаго еѣалиа, сирѣчь: премудростию правую и простимъ смеломъ, сирѣчь: оставивше вся земная и житейская помышленія, да вонемъ, сирѣчь: да ииѣтно послушасемъ святыхъ еѣслѣскихъ писаній.—Да въ «Да исполнятся уста наша» говорятъ: яко да сподобилъ еси (слу)жащаго причащаться, а ииѣи говорятъ: служащихъ, ино то не г(ораз)до, а надобно говорити: яко да сподобилъ еси насъ. И о сихъ всѣхъ разсудити святителемъ и утвердити во святѣй и со(бор)нѣй и апостольствѣй церкви и во всѣ(мъ) церквамъ и всему миру на утверженіе. И того ради не подобаетъ Божественнаго Писання по самоч(ин)ству превращати, да не прии(м)еть отъ чловѣкъ поноса и униженія, и отъ Бога да не осудится с разди(а)тели церковными. А въ дру(гомъ) проклинѣ въскресномъ, гласъ 8, на ли(ту)ргии пѣти по существу: помолитесь Господеви и воздадите Богу нашему⁵⁾, яко же писано во Псалтыри. Иѣиѣи же самочинствуютъ, поютъ: помо(ли)теса Господеви и воздадите славу (Бо)гу нашему,

¹⁾ Псал. 91-й, ст. 2 и 3.

²⁾ Здѣсь оканчивается 9-я глава Стоглава.

³⁾ Псал. 115-й, ст. 6-й.

⁴⁾ Второзак., гл. 32-й, ст. 4.

⁵⁾ Псал. 75-й, ст. 12.

пно то негораздо. Пророкъ Давидъ не о славѣ глаголетъ, но объѣты велитъ воздаяти, и спрѣчь: исполните объѣты ваша, или кто объѣца я Богу въ бо-лѣзни и печали, на пути, или въ морю, или въ шѣну—иночествовати или дѣвствовати, постыдится или милости(и)ю (тв)орити, или святныя церкви здати. Того ради не подобаетъ Божественнаго Писанія по самоочинству превращати, да не съ еретикъ осудится таковой и пагубу и муку вѣчную наследитъ».

Л. 668 на обор. О таеяхъ безбожнаго Махмета не правилъ Макарія митрополита всеа Русіи, 41. Сходно съ *тридцать-девятою* главою Стоглава.

Л. 670—672. О постриженіи брады и усовъ отъ священныхъ правилъ Макарія митрополита всеа Руся, гла^т 40-я. Нач. «Въ коейждо убо странѣ» и т. д. сходно съ 39-ю и 40-ю главами Стоглава до словъ: «того ради страннаго прещенія православнымъ не подобаетъ такового беззаконія творити». Затѣмъ, виѣсто помѣщеннаго въ Стоглавѣ поученія священникамъ («я вы, священныя протопоиы и всѣ священники, о всѣхъ о тѣхъ предиреченныхъ наказаниихъ по священнымъ правиламъ дѣтей своихъ духовныхъ, всѣхъ православныхъ крестьянъ поучали бы и наказывали» и т. д.), читаемъ въ рукописи такое продолженіе статьи о бритобритіи: «Отъ проклятія латынскихъ ересей о томъ же. Проклинаю богопонавидимую блюдолюбнаго (?) образа прелесть, душегубную ересь, еже остригати брады и усы остригати, ейже бысть началникъ проклятый пана Римскій Петръ Гугвинный, иже всю благочестивую вѣру христіанскую прокази. Во царехъ же тоя ереси началникъ Константинъ Ковалннъ, Греческій царь иконоборецъ; и потомъ мнози мирстпи чловѣцы умъ свой погубиша, низпадоша въ таковое проказеніе лица своего, губяще доброту Богомъ созданнаго нмъ образа. На таковое бо дѣло злое поощрять ихъ діяволъ брити и остригати брады своея и усы притинати. Инии же власы брады своея и усовъ зубы своимъ укусывають, угодобящися самоидцемъ. Се же все отъ Бога есть проклято и ненавидимо».

В

Списки Стоглава представляютъ не мало болѣе и менѣе важныхъ и значительныхъ разницъ, касающихся не только изложенія, но и самаго состава памятника. Разсмотрѣніе этихъ разницъ привело нѣкоторыхъ изслѣдователей къ различенію трехъ редакцій соборныхъ постановленій 1551 года. Первая, такъ называемая обширная редакція—та, которая извѣстна по Казанскому и Лондонскому изданіямъ Стоглава. Въ основу того и другаго изданія положены, къ сожалѣнію, списки педревніе и не всегда удовлетворительные, а между тѣмъ въ числѣ списковъ обширной редакціи есть почти современныя самому собору. Таковъ, напримѣръ, списокъ, принадлежавшій Вологову, писанный въ 1556 г. (Стоглавъ, изд. *Кожанч.*, стр. 6). Вторая редакція, извѣстная по изданію г. Кожанчикова, представляетъ ничто иное, какъ сокращеніе обширной редакціи, сдѣланное (судя по упоминаемому «печатныхъ» служебникамъ) не ранѣе XVII вѣка, и потому имѣющее мало цѣны при изученіи Стоглава. Третья редакція, «краткая», сохранилась въ немногихъ спискахъ. Текстъ одного изъ таковыхъ списковъ изданъ г. Калачовымъ подъ заглавіемъ «Правила, постановленныя на соборѣ 1551 года 23-го февраля» (*Архивъ ист. и практич. соудній, отн. до Россіи*, кн. 5, отд. 2, стр. 1—44). «Рукопись, издаваемая нами, замѣчаетъ г. Калачовъ,—«существенно отличается своею редакціей отъ такъ

называемого Стоглава.... Изъ сличенія рукописей сего послѣдняго съ пастыщею рукописью оказывается, что, съ одной стороны, въ ней нѣтъ раздѣленія на главы, которое и послужило поводомъ самымъ правиламъ назвать Стоглавомъ, а съ другой стороны—что большей части главъ, въ сравненіи съ полными рукописями Стоглава, въ ней вовсе не достаетъ, и въ которыхъ же изложены сокращеніе, помяте, или наконецъ, съ болѣе или менѣе значительнымъ несходствомъ въ текстѣ». Всѣ эти особенности разсматриваемого списка, а также то обстоятельство, что рукопись, въ которой найденъ списокъ, принадлежитъ XVI вѣку, привели издателя правилъ къ такому предположенію: не есть ли редакция этого списка и другихъ съ нимъ сходныхъ — первоначальная, или по крайней мѣрѣ, предшествующая редакціи, известной подъ именемъ Стоглава, какъ заключающей въ себѣ значительныя дополненія и раздѣленія на главы». Это предположеніе, съ болѣею еще опредѣлительностію, повторено преосвященнымъ Макаріемъ: «Послѣдняя редакция», замѣчаетъ онъ,—«по всей вѣроятности, есть редакция первоначальная и представляетъ соборную книгу въ томъ видѣ, въ какомъ она была послана на разсмотрѣніе митрополита Іоасафа или даже редакция черновая, а отнюдь не редакция окончательная, принятая и утвержденная соборомъ, ибо въ окончательной редакціи, какъ несомнѣнно извѣстно, соборная книга была уже раздѣлена на главы» (Ист. русск. церкви, VI, стр. 227, примѣч. 294). Замѣчанія эти могли бы быть очень важны и интересны, если бы не нуждались въ нѣкоторыхъ существенныхъ поправкахъ

1) Въ такъ называемой краткой редакціи раздѣленіе на главы *есть*, и притомъ раздѣленіе почти совершенно сходное съ тѣмъ, которое находится и въ Стоглавѣ. Главы отдѣлены одна отъ другой особыми заглавіями, какъ и въ Стоглавѣ, напримѣръ: указъ о звонѣхъ и о церковномъ пѣніи; о божественныхъ службахъ и т. п. (ср. Стоглавъ, гл. 7-я и 8-я). Разница отъ Стоглава представляется только въ томъ, что главы «краткой редакціи» не *перенумерованы*. 2) Въ краткій списокъ внесено одно изъ замѣчаній митрополита Іоасафа («Да въ царствующемъ же градѣ Москвѣ царскихъ ради служебниковъ и торговыхъ ради людей и болныхъ ради православныхъ христіанъ, какъ полчаса дни ударить, звонити и пѣти обѣдню у Спаса на царскомъ дворѣ» и пр.; *Архивъ*, стр. 17, то же и въ Стоглавѣ, гл. 7-я). Ясно поэтому, что этотъ списокъ не представляетъ собою соборной книги въ томъ именно видѣ, какой имѣла она до полученія Троицкаго отвѣта. 3) Есть основанія думать, что «краткая редакция» въ томъ, по крайней мѣрѣ видѣ, какой имѣетъ она въ рукописи, изданной въ *Архивѣ*, представляетъ не до-стоглаву обработку соборныхъ опредѣленій 1551 года, а напротивъ, измеченіе изъ той именно обширной редакціи соборной книги, которая извѣстна подъ именемъ Стоглава. Списокъ, изданный въ *Архивѣ*, прерывается, какъ извѣстно, на такъ-называемыхъ вторыхъ царскихъ вопросахъ, которые въ Стоглавѣ занимаютъ 41-ю главу. Такимъ образомъ, всѣхъ тѣхъ опредѣленій, которыя помѣщены въ Стоглавѣ въ 42-й—100-й главахъ, въ краткомъ списокѣ нѣтъ. А между тѣмъ этотъ списокъ имѣетъ въ началѣ то же заглавіе, которое есть и въ Стоглавѣ (гл. 1-я), и которое имѣетъ смыслъ только при существованіи главъ, недостающихъ въ краткомъ списокѣ: «Бысть соборъ... о многихъ и различныхъ церковныхъ чинѣхъ, и о исправленіи княжнѣмъ, и о трегубой аллилуйи (гл. 42-я), и ощенепредателномъ житіи и о пьянственномъ пи-

тін (гл. 49-я—52-я), и о вдовствующихъ попѣхъ и діаконѣхъ (гл. 77-я—81-я). 4) Отрывочность такти-назвнвасной краткой редакціи ясно видна и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ся текста; напиримѣръ, стр. 13: «и потомъ царь вдасть на соборѣ инал написанія о многнхъ различныхъ церковныхъ чпѣхъ и вопросы ихъ имущи сице», а между тѣмъ ни царскаго написанія, ни вопросовъ нѣтъ (ср. Стогл., гл. 4-я—5-я); стр. 29, въ главѣ «о ружныхъ и придѣльныхъ попѣхъ и діаконѣхъ»: «здѣсь», по замѣчанію издателя, — «текстъ рѣчи смѣшанъ, смутанъ, и кажется, поврежденъ»; по сравненіи съ Стоглавомъ оказывается, что поврежденіе текста состоитъ здѣсь въ томъ, что пропущенъ конецъ 30-й главы, также главы 31-й—35-й, а вслѣдъ за неоконченною 30-ю главой выписанъ отрывокъ изъ главы 36-й: «(не) возмогутъ чистоты хранити, и они бы женилися, и бракомъ сочитался и жили съ своимъ женами по закону». (Быть можетъ, пропускъ объясняется здѣсь просто тѣмъ, что въ рукописи недостаетъ листовъ). Для болѣе удобнаго представленія особенностей краткаго списка, я представляю здѣсь перечень главъ Стоглава сравнительно съ текстомъ, изданнымъ въ *Архивѣ*, при чемъ тѣ главы, которыя имѣютъ важныя особенности въ текстѣ отмѣчаю курсивомъ: глава 1-я—*Архивѣ* стр. 3; 2—стр. 4—5; 3-я—стр. 6—13; (4-я; 5-я); 6-я—стр. 13—16; 7-я—стр. 16—17; 8-я—стр. 17—18; (9-я); 10-я—стр. 18; 11-я—стр. 18—19; 12-я—стр. 19; 13-я—стр. 19—20; 14-я—стр. 20; 15—стр. 20—21; 16-я—стр. 21—22; 17-я—стр. 22—23; 18-я—стр. 23; 19-я—стр. 23—24; (20-я); 21-я—стр. 24; (22-я); 23-я—стр. 24; 24-я—стр. 25; 25-я—стр. 25—26; 26-я—стр. 26—27; 27-я—стр. 27; 28-я—стр. 27—28; 29-я—стр. 28—29; 30-я—стр. 29; (31-я, 32-я, 33-я 34-я, 35-я, 36-я); 37-я—29; 38-я—стр. 30—31; 39-я—стр. 31; (40-я); 41-я—стр. 31—44. Такимъ образомъ значительныя особенности въ текстѣ краткаго списка встрѣчаютъ только въ отдѣлахъ, соответствующихъ *двумъ* главамъ Стоглава, именно 19-й и 41-й ¹⁾. Нельзя не замѣтить, что такихъ различій слишкомъ мало для того, чтобы признать въ краткомъ спискѣ какую-то особую редакцію соборныхъ правилъ 1551 года.

Сокращенные списки Стоглава, подобные тому, который отысканъ въ рукописи профессора Буслаяна и изданъ г. Калачовымъ, изрѣдка встрѣчаются и въ другихъ рукописяхъ. Таковъ, напиримѣръ, списокъ, находящійся въ сборникѣ Публичной бібліотеки, Q, отд. I, № 223, носящемъ названіе Цвѣтників ²⁾. Въ этомъ Цвѣтникѣ, на лл. 440—507, помѣщено извлеченіе изъ Стоглава, чрезвычайно напоминающее такти-назвнвасную «краткую редакцію» ³⁾. Статья Цвѣт-

¹⁾ Въ 41-й главѣ помѣщены, какъ извѣстно, царскіе вопросы и соборные на нихъ отвѣты. Сравнивая эти вопросы въ «краткой» и «обширной» редакціяхъ, находимъ слѣдующія различія: а) въ краткой редакціи опущены 5-й, 17-й и 29-й вопросы Стоглава; б) вмѣсто этихъ опущенныхъ вопросовъ прибавлены въ краткой редакціи три новыхъ вопроса (30-й—32-й, при чемъ въ рукописи, наданной въ *Архивѣ*, замѣчается неисправность: отъ вопроса 30-го осталось только заглавіе («о тругобой адлигу»); вопросъ 31-й не выдѣленъ особо, а слитъ съ вопросомъ 30-мъ.

²⁾ Подробное описаніе всей рукописи см. у *Стржева* въ *Описан. рукоп. гр. Толстаго*, отд. II, № 403-й.

³⁾ Съ значительною вѣроятностью можно объяснить даже причину появле-

ника начинается такъ: «В лѣто 7059-е Февраля в 20 день. Бысть сїи соборъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ» (сравни въ *Архивъ* стр. 3). Слѣдуютъ главы Стоглава 1-я—3-я, 6-я—8-я, 10-я—34-я, 36-я—40-я. Такимъ образомъ недостаетъ главъ 4-й, 5-й, 9-й и 35-й; тѣхъ же главъ нѣтъ и въ спискѣ, изданномъ въ *Архивъ*. Сходство увеличивается тѣмъ, что въ спискѣ Цвѣтника главы не перенумерованы, какъ и въ спискѣ, напечатанномъ г. Калачовымъ. Но при такомъ близкомъ, по видимому, сходствѣ обонхъ списковъ есть между ними и значительныя разницы. Въ спискѣ *Архива* нѣтъ главъ 20-й, 22-й, 31-й—34-й, 36-й, 40-й; въ спискѣ Цвѣтника эти главы есть. За то въ «Цвѣтникѣ» нѣтъ главъ 41-й, помѣщенной въ спискѣ, издаваемъ въ *Архивъ*. Глава 19-й изложена въ Цвѣтникѣ сходно съ Стоглавомъ, а въ спискѣ *Архива*—съ значительными особенностями. Является вопросъ: представляетъ ли списокъ Цвѣтника краткую, или обширную редакцію соборной книги 1551 года? Въ немъ нѣтъ нумераціи главъ, нѣтъ «послѣднихъ статей Стоглава, слѣдующихъ за царскими вопросами, въ числѣ коихъ встрѣчаются постановленія мая, іюня и іюля 1551 г.»..... Слѣдовательно, это списокъ краткой редакціи? Но въ немъ есть значительныя отступленія отъ списка, названнаго краткою редакціей,—отступленія, сходныя со Стоглавомъ. Слѣдовательно, это извлеченіе изъ Стоглава? Или, быть можетъ, списокъ Цвѣтника представляетъ еще особую, четвертую редакцію соборныхъ правилъ 1551 года? Послѣдняго предположенія никто, конечно, не приметъ, хотя его можно назвать столько же основательнымъ, сколько и предположеніе о различіи указанныхъ выше краткой и обширной редакцій Стоглава. Что списки Стоглава очень разнообразны, это—несомнѣнно: есть списки полные и сокращенные, есть въ этихъ спискахъ разницы, часто любопытныя и важныя, но все-таки эти разницы не на столько велики и послѣдовательны, чтобы на основаніи ихъ устанавливать раздѣленіе въсколькихъ самостоятельныхъ редакцій. Соборная книга была одна, хотя тѣ или другія части ея, какъ мы видѣли, были приготовлены въ нѣсколькихъ редакціяхъ, были измѣняемы и испрашиваемы. Выписки, предложенныя въ предшествующемъ приложеніи, служатъ доказательствомъ, что не только извлеченія изъ Стоглава, но даже списки его отдѣльныхъ главъ могутъ дать нѣсколько важныхъ и любопытныхъ въ этомъ отношеніи фактовъ.

Для изученія редактированія соборной книги 1551 года особенный интересъ представляетъ 41-я глава Стоглава. Въ изложеніи этой главы есть важныя особенности. Царскіе вопросы ¹⁾ и соборные на нихъ отвѣты приведены здѣсь

внѣ такого именно рода извлеченій изъ Стоглава. Рукопись Публичной бібліотеки, какъ и рукопись, изданная въ *Архивъ*, представляютъ сокращеніе только первыхъ 40 главъ Стоглава, то-есть, той его части, въ которой, какъ мы видѣли, собранъ рядъ наставленій для приходскаго духовенства. Для какого-нибудь священника только эта часть Стоглава и представляла интересъ. Запасшись спискомъ первой половины Стоглава, онъ имѣлъ у себя готовое руководство въ своей богослужебной и церковно-учительской дѣятельности.

¹⁾ Въ этихъ царскихъ вопросахъ, помѣщенныхъ въ 41-й главѣ, особенно любопытны указанія на особенности разныхъ мѣстностей Русской земли: Новгорода, Пскова, Москвы (вопросы 12-й, 14-й, 15-й, 18-й, 27-й).

въ послѣдовательномъ порядкѣ: за каждымъ вопросомъ изложенъ и отвѣтъ на него. (Списокъ, выданный въ *Архивѣ*, даетъ основаніе думать, что и глава 42-я должна была первоначально примыкать къ главѣ 41-й, составлять ея часть). Но при этомъ нужно обратить вниманіе на два обстоятельства: 1) нѣкоторые изъ этихъ отвѣтовъ, помѣщенныхъ въ 41-й главѣ, изложены и особо, въ отдѣльныхъ главахъ (ср. вопросъ и отвѣтъ 4-й съ главами 86-ю—89-ю; вопросъ и отвѣтъ 24-й съ главами 92-й—96-й); 2) есть въ Стоглавѣ главы, не имѣющія связи съ вторыми вопросами, но по изложенію своему очень напоминающія главу 41-ю: царскій вопросъ и соборный отвѣтъ. Таковы, на примѣръ, главы 67-я и 73-я (ср. гл. 6-я, вопр. 14-й и 12-й). Все это наводитъ на предположеніе, по представляеть ли 41-я и сходныя съ нею главы Стоглава опыта какой-то особой редакціи соборной книги, задуманной по иному плану, чѣмъ тотъ, который видимъ осуществленнымъ въ Стоглавѣ. Эта предполагаемая редакція вполне отвѣчала бы заглавію Стоглава, не совсѣмъ-то къ нему идущему: царскіе вопросы и соборные отвѣты,—но вѣроятно, была оставлена и замѣнена иномъ, потому что не давала возможности помѣстить весь тотъ пригодный матеріалъ, который оказывался въ соборныхъ дѣлншахъ. Такихъ ообразомъ въ самомъ Стоглавѣ мы имѣемъ, строго говоря, не одну, а двѣ редакціи соборной книги — смѣшанныя и слитыя одна съ другою. Одна изъ этихъ редакцій предполагала болѣшую обработку, другая — большее обиліе матеріала. При разсмотрѣніи вопроса о редакціи 41-й главы важно еще обратить вниманіе на отвѣты 4-й, 24-й и 31-й. Въ концѣ 4-го отвѣта мы читаемъ: «да митрополиту же, и архіепископомъ, и епископомъ дѣтей у себя и племянниковъ не держати, также и.... архимандритомъ и игуменомъ дѣтей своихъ и племянниковъ у себя въ монастыряхъ не держати». Это замѣчаніе пошло въ 4-й отвѣтъ совершенно не къ стати (въ 4-мъ вопросѣ говорится только о святительскихъ пошлнпахъ). Вѣроятно, въ томъ источникѣ, изъ котораго редакторъ соборной книги извлекалъ отвѣты на царскіе вопросы, постановленіе о пошлнпахъ и запрещеніе держать дѣтей изложены были подрядъ, а потому и приняты были собирателемъ отвѣтовъ за одно цѣлое рѣшеніе (ср. въ 49-й главѣ: «также архимандритомъ, и игуменомъ, и стровтелемъ отнмѣти и впредь во властей не докупатися, и по мѣстѣ не ставитися и дѣтей и племянниковъ у себя въ монастыряхъ не держати», стр. 232 по Казанск. изд.). Въ отвѣтъ 24-мъ читаемъ: «по царской заповѣди всѣмъ святителемъ..... разослати къ попомъ свои грамоты съ поученіемъ и съ великимъ запрещеніемъ» и т. д. (рѣчь идетъ о народныхъ играхъ въ Ивановъ день, въ сочельники Рождественскій и Крещенскій). Въ соотвѣтствующей же 24-му отвѣту главѣ 92-й сказано: «и о томъ благочестивому царю по всѣмъ градомъ и по селомъ своя царская заповѣдь учинити, чтобы православные христіане на таковое бѣсованіе еллинское впредь не сходились» (по Казанск. изд. стр. 393). Сличая оба эти рѣшенія, замѣчаемъ: а) отвѣтъ 41-й главы и замѣчаніе 92-й главы передаютъ постановленіе о народныхъ праздникахъ не по одному и тому источнику: 92-я глава приводитъ рѣшеніе собора, предоставляющее всѣ заботы объ искорененіи старинныхъ праздниковъ благочестивому царю; отвѣтъ же 41-й главы передаетъ содержаніе «царской заповѣди», отдающей тоже самое дѣло попеченіямъ и духовнымъ играмъ самой церкви; б) источники этихъ двухъ рѣшеній должны были по-

явиться послѣдовательно: соборъ требовалъ царской заповѣди, и заповѣдь эта была дана. Въ 31-й отвѣтъ списки Стоглава представляютъ любопытное различіе: въ нѣкоторыхъ спискахъ къ отвѣту собора отнесено то, что въ другихъ спискахъ представляется продолженіемъ царскаго вопроса (см. въ Казанск. изд., стр. 196, примѣч. 4; ср. Стоглавъ, изд. *Кожанчикова* стр. 145, гдѣ заглавіе «отвѣтъ» повторено два раза). Такое смѣшеніе границъ вопроса и отвѣта объясняется тѣмъ, что 31-й царскій вопросъ содержитъ въ себѣ не только замѣчаніе о безпорядкѣ въ отправленіи церковныхъ службъ, но и указаніе того, какъ слѣдуетъ его исправить.

II. *Жсданогь.*
